

ISSN 2687-0126

PROFESSIONAL DISCOURSE & COMMUNICATION

**Дискурс
профессиональной
коммуникации**

VOLUME 6 ISSUE 1
2024

Editor-in-Chief

Dmitry S. Khramchenko

MGIMO University, Moscow, Russia

Editorial Board

Biljana Marić

University of Belgrade, Serbia

Aleksandra G. Anisimova

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Igor V. Chekulay

Belgorod State University, Belgorod, Russia

Olga S. Chesnokova

RUDN University, Moscow, Russia

Seda K. Gasparyan

Yerevan State University, Armenia

Svetlana V. Ivanova

Saint Petersburg University, Saint Petersburg, Russia

Dragana Popovic

University of Novi Sad, Serbia

Igor E. Klyukanov

Eastern Washington University, USA

Nelly A. Krasovskaya

Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University, Tula, Russia

Liu Ruomei

Beijing Foreign Studies University, China

Viktoria L. Malakhova

MGIMO University, Moscow, Russia

Elena N. Malyuga

People's Friendship University of Russia, Moscow, Russia

Arto Mustajoki

The University of Helsinki, Finland

Evgeniya V. Ponomarenko

MGIMO University, Moscow, Russia

Olga N. Prokhorova

Belgorod State University, Belgorod, Russia

Enrique F. Quero-Gervilla

The University of Granada, Spain

Oleg A. Radchenko

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia

Galina V. Sinekopova

Eastern Washington University, USA

The Founder: MGIMO University

Address: 76 Prospekt Vernadskogo, Moscow, Russia, 119454

Professional Discourse & Communication is an international, peer-reviewed quarterly journal dedicated to discussing various theoretical and applied problems of professional communication. Its articles provide researchers and practitioners with the most up-to-date, comprehensive and important research, paying specific attention to modern linguistic approaches to professional discourse as well as practical aspects of teaching methodology as related to the language of particular professional spheres.

PDC specifically addresses readers in any field of professional communication (business, legal, diplomatic, economic, political, academic, medical, art and any other professional sphere) who are interested in qualitative discourse analytical approaches, on the one hand, and scholars who are interested in issues of professional communication (discourse studies, functional linguistics, pragmatics, semiotics, rhetoric, linguosynergetics, sociolinguistics, cognitive linguistics, stylistics, cross-cultural communication, cultural studies, country studies, second language acquisition and teaching methodology, and related fields), on the other hand.

ISSN 2687-0126

Website: <https://pdc-journal.com>

Главный редактор

Храмченко Дмитрий Сергеевич

доктор филологических наук, профессор кафедры
английского языка №4 МГИМО МИД России

Редакционная коллегия

Биляна Мариц

доктор филологических наук, профессор кафедры
славистики, филологический факультет,
Белградский университет, Сербия

Анисимова Александра Григорьевна

доктор филологических наук, профессор кафедры
английского языкознания, Московский
университет имени М.В. Ломоносова

Гаспарян Седа Керобовна

доктор филологических наук, заведующий
кафедрой английской филологии, Ереванский
государственный университет, Армения

Иванова Светлана Викторовна

доктор филологических наук, профессор
кафедры «Английский язык в сфере филологии
и искусств», Санкт-Петербургский
государственный университет.

Клюканов Игорь Ангелевич

доктор филологических наук, профессор,
Восточный Вашингтонский университет, США

Красовская Нелли Александровна

доктор филологических наук, профессор
Тульского государственного педагогического
университета им. Л.Н. Толстого

Куеро-Гервилья Энрике Ф.

PhD, декан факультета перевода Университета
Гранады, Испания

Лю Жомэй

доктор филологических наук, иностранный
член Российской академии естественных наук,
профессор Пекинского университета
иностранных языков

Малахова Виктория Леонидовна

доктор филологических наук, доцент
кафедры английского языка №4,
МГИМО МИД России

Малюга Елена Николаевна

доктор филологических наук, заведующий
кафедрой иностранных языков
экономического факультета, Российский
университет дружбы народов

Мустайоки Арто

PhD, декан Гуманитарного факультета,
Хельсинки университет, Финляндия

Пономаренко Евгения Витальевна

доктор филологических наук, профессор
кафедры английского языка №4
МГИМО МИД России

Прохорова Ольга Николаевна

доктор филологических наук, директор
института межкультурной коммуникации
и международных отношений, Белгородский
государственный национальный
исследовательский университет

Радченко Олег Анатольевич

доктор филологических наук, профессор
кафедры общего и сравнительного
языкознания, Московский государственный
лингвистический университет

Синекопова Галина Васильевна	кандидат филологических наук, профессор, Восточный Вашингтонский университет, США
Драгана Попович	доктор филологических наук, доцент кафедры славистики, философский факультет, Новисадский университет, Сербия
Чекулай Игорь Владимирович	доктор филологических наук, профессор кафедры английского языка, Белгородский государственный национальный исследовательский университет
Чеснокова Ольга Станиславовна	доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры иностранных языков филологического факультета, Российский университет дружбы народов

Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации»

Адрес: 119454, г. Москва, проспект Вернадского, д. 76

«Дискурс профессиональной коммуникации» - международный рецензируемый электронный научный журнал, издающийся с периодичностью 4 раза в год. Журнал публикует статьи, в которых отражаются результаты актуальных фундаментальных и теоретических исследований в области профессиональной коммуникации. Основное направление журнала - современные подходы к изучению лингвистических аспектов профессионального дискурса и практических вопросов преподавания языка конкретных профессий.

Зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций Российской Федерации. Свидетельство о регистрации средства массовой информации в Роскомнадзоре: Эл № ФС77-76677 от 26 августа 2019 г.

Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, рекомендованных ВАК РФ для публикации основных научных результатов диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по специальностям 5.9.6. Языки народов зарубежных стран (филологические науки) и 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика (филологические науки).

ISSN 2687-0126

Официальный сайт журнала: <https://pdc-journal.com>

Contents

The Role of Language in Professional Discourse: Insights from Political, Legal, Media, and Academic Contexts	7
Editor-in-Chief Dmitry S. Khramchenko	

Original article

Online Resistance in Nigeria: Legitimising the Oduduwa Nation Separatist Mandate through Language	12
by Richard Damilare Akano	

Metadiscursive Boosting in Russian Courtroom Discourse: Enhancing Persuasiveness in Defense Speeches	26
by Olga A. Boginskaya	

Question Typology in Kenyan TV Argumentative Talk Shows	44
by Loice W. Mwai, Geoffrey M. Maroko, Daniel O. Orwenjo, Emily A. Ogutu	

Rumour: A Lexicographical Description of the Word Meaning from Evidentiality Perspective	69
by Svetlana V. Ivanova, Gulnara Sh. Khakimova	

Challenges in Achieving Coherence and Cohesion: A Discourse Analysis of Chinese EFL Students' Essays	95
by Anna Wing Bo Tso	

Cross-Linguistic Stylistic Fusion: How English Political Discourse Shapes Russian Political Science Professionals	109
by Svetlana S. Polskaya, Elena M. Kirsanova	

Содержание

Роль языка в профессиональном дискурсе: анализ политической, юридической, медийной и учебной сфер коммуникации	7
Храмченко Д.С.	
Оригинальные статьи	
Цифровое сопротивление в Нигерии: лингвистический аспект легитимизации сепаратистского мандата Одудува	12
Ричард Акано	
Бустеры как метадискурсивное средство персуазивности в защитительной речи	26
Богинская О.А.	
Типологизация вопросов в кенийских ток-шоу	44
Лоис Мвай, Джеффри Мароко, Даниел Орвенджо, Эмили Огуту	
<i>Rumour</i> («слух»): лексикографическое значение слова с позиций категории эвиденциальности	69
Иванова С.В., Хакимова Г.Ш.	
Трудности с когезией и когерентностью: дискурсивный анализ англоязычных эссе китайских студентов	95
Анна Винь Бо Тсо	
Стилистическое влияние англоязычного политического дискурса на русскоязычный дискурс студентов-политологов: говорим образнее и смешнее	109
Польская С.С., Кирсанова Е.М.	

THE ROLE OF LANGUAGE IN PROFESSIONAL DISCOURSE: INSIGHTS FROM POLITICAL, LEGAL, MEDIA, AND ACADEMIC CONTEXTS

*Dmitry S. Khramchenko,
Editor-in-Chief*

Welcome to Volume 6, Issue 1 of “*Professional Discourse & Communication*,” a scholarly platform for researchers of linguistic and pedagogical aspects of professional communication. In this edition, we continue our journey into the profound relationship between language and professional praxis, presenting a diverse collection of articles by authors from Nigeria, Kenya, China, and Russia articulating innovative and compelling explorations within the fields of linguistics, communication studies, and pedagogy. As a quarterly online journal with international peer-review and open-access, we are dedicated to providing our readers with the latest and most significant findings, fostering a deep understanding of the complex nature of professional discourse and its intersection with modern linguistic approaches.

This issue covers topics such as language use in online political activism, the role of language in persuasive legal discourse, questioning strategies in television talk shows, the semantics and pragmatics of “rumor” in different contexts, academic writing challenges for Chinese learners of English, and stylistic fusion across languages and cultures in political discourses in English and Russian. The articles employ multiple methods and approaches to analyze the linguistic features, strategies, and conventions of professional communication, illustrating the implications and applications of their findings for improving cross-cultural and interdisciplinary communication in various professional spheres.

The digital sphere is an arena of ideological contestation, where political movements evolve and challenge the status quo. Richard Akano’s opening article, “*Online Resistance in Nigeria: Legitimising the Oduduwa Nation Separatist Mandate through Language*,” offers a compelling exploration into how language serves as a powerful tool in the quest for political autonomy and national identity through the lens of digital communications. The study provides a meticulous examination of the linguistic strategies employed by online advocates of the Oduduwa nation secessionist movement, demonstrating how language and discourse can serve as double-edged swords in shaping public opinion, galvanizing collective action, and stoking ethno-nationalist tensions. By harnessing the power of the written word across various digital platforms, supporters craft narratives steeped in historical, cultural, and socio-political motifs. Critical stylistic analysis reveals how these narratives are not merely strings of lexemes but are imbued with the power to shape perceptions and rally support.

The author explores in depth the themes of insecurity, historical grievances, and marginalization that drive the secessionist agenda. These are not abstract concepts but lived realities that resonate with the collective memory of the movement’s advocates. The article also contextualizes the separatist lexicon within the broader Nigerian socio-political framework, tracing its origins and implications. Furthermore, the research highlights the revo-

lutionary impact of digital media technology in spreading secessionist discourse. The extraordinary ease and speed of message dissemination enable a more effective and extensive campaign than traditional methods would allow. The Oduduwa nation supporters can reach and persuade a global audience, demonstrating the democratic potential of the internet, but also raising challenges for national unity in the face of such powerful online activism.

This research investigates the power dynamics underlying linguistic choices, revealing the ideological orientations that inform and generate the discourse. By studying the relationship between language and national identity, the author illuminates the difficulties of maintaining cohesion in multiethnic societies and the complexities of regional autonomy and self-determination. This research constitutes a significant contribution to the fields of political science, linguistics, and communication studies, emphasizing the critical role of language as a tool for mobilization and social change. The article not only enhances our knowledge of the socio-political factors behind the Oduduwa nation secessionist movement but also underscores the importance of rigorous analysis in understanding the subtleties of digital discourse and its impact on contemporary issues of national identity and belonging.

Moving from the broad digital canvas to the specificity of the courtroom, we encounter the pivotal role of language in legal proceedings. The research article *“Metadiscursive Boosting in Russian Courtroom Discourse: Enhancing Persuasiveness in Defense Speeches”* by Olga Boginskaya offers an enlightening perspective on this phenomenon, analyzing the linguistic tactics defense attorneys deploy to bolster their persuasive power and foster a connection with the judiciary. At the heart of this study is the exploration of metadiscursive markers – tools that are essential for constructing persuasive narratives within the high-stakes environment of the courtroom.

One of the most compelling aspects of this research is the examination of various markers that contribute to the persuasive force of defense arguments. By looking at the use of linguistic devices related to confidence, evidentiality, intensity, superiority, and solidarity, the author provides a comprehensive overview of how defense attorneys strategically wield language to sway the judiciary. In particular, her exploration of markers of confidence, such as epistemic adverbs and assertive phrases, offers fascinating insights into the ways in which defense attorneys achieve the credibility of their assertions, thereby enhancing their persuasive impact.

Moreover, Olga Boginskaya’s discussion of markers of solidarity, such as inclusive pronouns and expressions denoting shared knowledge, sheds light on the importance of fostering a sense of unity between the defense attorney and the judicial audience. By employing these language means, defense attorneys can create a more collaborative atmosphere in the courtroom, which may ultimately prove beneficial to their clients’ cases.

In addition to its contributions to the field of Russian legal discourse, this research article also resonates with the broader domain of linguistics, particularly in the context of professional communication. As the author delves into the complexity of communicative strategies employed by defense attorneys, she not only deepens our understanding of persuasive courtroom discourse but also offers a glimpse into the pragmatic competence of legal professionals and their ability to navigate the complexities of legal judiciary discourse while advocating for their clients.

The implications of this research are profound for lawyers and linguistic scholars alike. For attorneys, the insights offer a blueprint for crafting more compelling arguments that

resonate with the judiciary's expectations and preferences. For academics, the study provides a tangible illustration of how language operates as a tool of influence in specific professional settings, thereby expanding our understanding of the power dynamics at play in legal discourse. By illuminating the sophisticated rhetorical techniques employed by defense attorneys, the article not only enriches our understanding of courtroom discourse but also provides a foundation for further research into the role of language in the legal sphere.

In the vibrant setting of Kenyan television, questions are more than mere requests for information. They are strategic tools that define the functional-linguistic properties of argumentative talk shows. The article "*Question Typology in Kenyan TV Argumentative Talk Shows*" by Loice W. Mwai, Geoffrey M. Maroko, Daniel O. Orwenjo, and Emily A. Ogutu offers a detailed examination of the central role that questions play in shaping the oppositional and argumentative nature of Kenyan television talk shows. Through a careful exploration of the questions employed in these discourse settings, the authors have identified recurring question types, diverse forms, and communicative functions. This typification of Kenyan TV argumentative talk shows not only highlights the complexity of question dynamics but also opens up intriguing avenues for future investigations.

One such avenue is the interconnectedness of question typology and panelists' response strategies. By exploring this relationship, researchers can gain a deeper understanding of the interactive elements that characterize televised discourse, as well as the influence of viewer contributions. Acknowledging viewers as active participants rather than passive consumers, the study encourages us to rethink the role of the audience in making TV content. The research conducted by Mwai et al. adds depth to our comprehension of communication in the evolving landscape of televised discourse. It lays the groundwork for further exploration into the genre's interactive elements and the influence of viewer contributions.

Moreover, the authors' study of question dynamics in Kenyan TV argumentative talk shows aligns with the broader domain of linguistics of professional communication. The article offers important ideas about language use within the context of televised discussions, highlighting the relevance of linguistic approaches in unraveling the complexities of professional communication in contemporary media settings, opening up new avenues for scholars interested in discourse analysis, pragmatics, and the sociolinguistic impacts of media on society. The findings prompt us to consider how such typologies could be applied across different cultures and media landscapes, potentially offering a universal framework for analyzing televised argumentation.

In conclusion, the article is a must-read for scholars interested in media discourse and linguistics in professional communication. The authors' meticulous analysis and thoughtful insights contribute significantly to our understanding of the communicative characteristics of Kenyan TV argumentative talk shows and offer a foundation for future research in this exciting field.

In the article "*RUMOUR: A Lexicographical Description of the Word Meaning from an Evidentiality Perspective*" by Svetlana Ivanova and Gulnara Khakimova, the authors diligently dissect the semantic complexities of the English word "rumor," revealing its complex nature and highlighting its significant implications for professional communication. By employing a unique approach that merges componential analysis with an examination of dictionary definitions, the study uncovers the polysemous structure of "rumor," distinguishing five distinct Lexico-Semantic Variants (LSVs) linked by varying semantic relationships.

Central to this analysis are the core features of these variants, which include notions of questionable reliability and indefinite sourcing, effectively delineating the semantic boundaries of “rumor” and emphasizing its connections to the realms of epistemic modality and evidentiality. The authors further classify reportative evidentiality as a multi-level typology, providing important insights into the dynamics of informal communication and positioning rumors as crucial channels of third-hand knowledge.

By advancing our understanding of linguistic phenomena and shedding light on the interconnectedness of language, knowledge, and communication in professional contexts, this research not only offers theoretical contributions but also provides practical implications for improving verbal interaction practices in various professional settings. The authors’ meticulous examination of the word “rumor” and its associated LSVs serves as a reminder of the importance of careful language use, particularly when engaging in professional discourse. Ultimately, this study encourages readers to consider the profound impact of language choices on knowledge sharing and perception formation, thereby promoting more effective and responsible professional communication.

Anna Wing Bo Tso’s *“Challenges in Achieving Coherence and Cohesion: A Discourse Analysis of Chinese EFL Students’ Essays”* stands as a testament to the complexities of academic writing and the specific hurdles encountered by Chinese students learning English as a Foreign Language (EFL). The author’s analysis is not merely an academic exercise but a piercing inquiry into the very fabric of how cultural backgrounds shape written communication.

The article adeptly combines discourse analysis with focus group interviews, providing a dual lens through which readers can discern the patterns that typify the written work of Hong Kong Chinese EFL students. One of the more poignant revelations of this research is the dichotomy between Chinese and English rhetorical structures, a divide that often leads to the underdevelopment of thesis statements and the erratic use of cohesive devices in students’ essays. These are not trivial issues; they strike at the heart of clarity and effectiveness in written communication, which are critical for academic success.

Crucially, the work does more than highlight problems. It extends a bridge towards solutions. One of the most significant contributions of this research lies in its examination of the relationship between Chinese rhetorical styles, steeped in Confucian philosophy, and the organization and expression of ideas in English essays. By intertwining theoretical frameworks such as Kaplan’s cultural thought patterns with practical classroom strategies, Anna Wing Bo Tso crafts a roadmap for educators dedicated to refining the writing skills of Chinese EFL students. This is scholarship with immediate application, promising to influence teaching methodologies and curricular design.

The article’s implications resonate far beyond the classroom, however. The research underscores the essential role that linguistics plays in the broader context of professional discourse. The study serves as a reminder that our understanding of language is continuously shaped by cultural forces and that the pursuit of effective communication requires a sensitive appreciation of this complexity.

In essence, the article is a clarion call for a more thought-through approach to language education – one that recognizes the deep-rooted cultural influences on discourse and seeks to address them directly in the pursuit of clarity and coherence. It is an invaluable contri-

bution to the ongoing conversation about how best to support EFL students and serves as a rich foundation for exploration and pedagogical development within linguistics of professional communication.

In the communicative sphere of political discourse, language serves as not only a tool for communication but also a powerful medium that reflects and shapes cultural norms, values, and ideologies. In their article, “*Cross-Linguistic Stylistic Fusion: How English Political Discourse Shapes Russian Political Science Professionals*,” Svetlana Polskaya and Elena Kirsanova focus on the influence of English-language political discourse on future Russian-speaking political practitioners revealing a fascinating trend of stylistic fusion and a notable integration of stylistic elements borrowed from English-language political rhetoric into the Russian-language discourse of political science undergraduates. As these professionals-to-be adapt their communication styles preparing to enter the globalized political arena, they inadvertently contribute to a functional-pragmatic evolution in discourse norms and practices. This phenomenon, which the authors refer to as “cross-linguistic stylistic fusion,” highlights the subtle yet significant impact of English-language political discourse on the communicative strategies of Russian-speaking students.

Through a meticulous analysis of speeches crafted by these undergraduates, the study unveils the ways in which they draw upon and repurpose stylistic elements commonly found in anglophone political discourse. These elements include, but are not limited to, the strategic use of repetition, parallelism, irony, and emotive language to engage their audiences, persuade listeners, and project authority. By incorporating these techniques into their Russian-language discourse, these students demonstrate a remarkable ability to adapt and innovate within the ever-changing environment of political communication.

The findings of Svetlana Polskaya and Elena Kirsanova’s research contribute significantly to our understanding of the dynamic nature of political discourse and the role of language in shaping professional competencies. By bringing to light the cross-pollination of stylistic elements across language boundaries, the article underscores the need for educators and practitioners to develop a clear awareness of the changing nature of language in professional contexts.

This article serves as a timely reminder of the importance of fostering a deep understanding of the relationships that exist between language, culture, and political discourse. By doing so, we not only enrich our own communication practices but also contribute to the ongoing development of a more inclusive, diverse, and interconnected global community.

Finally, the editorial team would like to express their gratitude to the authors who have contributed to this issue, as well as to the reviewers who have generously given their time and expertise to help maintain the high standards of the journal. We hope that readers will find the selected articles to be thought-provoking, engaging, and informative, and we look forward to receiving your feedback and suggestions for future issues. Thank you for your continued support of “*Professional Discourse & Communication*”.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

<https://doi.org/10.24833/2687-0126-2024-6-1-12-25>

ONLINE RESISTANCE IN NIGERIA: LEGITIMISING THE ODUDUWA NATION SEPARATIST MANDATE THROUGH LANGUAGE

Richard Damilare Akano
Osun State University (Osogbo, Nigeria)
richard.akano@uniosun.edu.ng

Abstract: This article explores the online discourse of the Oduduwa nation secessionist movement in Nigeria, which seeks the independence of the Yoruba ethnic group from the Nigerian state. Using critical stylistics as a framework, the study analyzes how online participants use language to express their resistance and legitimize their cause. The empirical data consists of Oduduwa nation-related posts from Nairaland, a popular Nigerian online forum, collected between September 2020 and September 2021. The study adopts a qualitative approach and identifies the dominant themes and linguistic strategies that characterize the discourse. The discursive engagement of the Oduduwa republic movement is surrounded by discourse issues, such as the amalgamation pact of 1914, the perceived ethnic oppression of the southern region, and the lingering Biafra nation secessionist agenda. The findings reveal that the online participants use various linguistic-stylistic strategies, such as naming and describing, negating, representing actions and events, equating and contrasting, exemplifying and enumerating, to construct their identity, challenge the status quo, legitimise their activities, and mobilize support for their movement. The study also reveals that the discourse is influenced by the historical, political, and social contexts of Nigeria; such as the colonial legacy, the ethnic diversity, and the security challenges. As the burning issue of secession continues to resurface in Nigeria's political landscape, its intense contestation in online space poses a threat to nationhood because cyberspace can be harnessed to sustain the propagation of separatism and national disintegration. The study contributes to the understanding of online civic engagement and social activism in Nigeria and highlights the role of language in shaping and reflecting social movements.

Keywords: critical stylistics; cyberspace discourse; Oduduwa nation agitation; Nairaland; secessionist narrative.

How to cite this article: Akano, R.D. (2024). Online Resistance in Nigeria: Legitimising the Oduduwa Nation Separatist Mandate through Language. *Professional Discourse & Communication*, 6(1), 12–25. <https://doi.org/10.24833/2687-0126-2024-6-1-12-25>

1. INTRODUCTION

Resistance is a reaction to an unfavourable situation or status quo. Individuals who believe that there is an immediate need for change, whether that change is gradual, rapid, or spontaneous, are more likely to exhibit resistance. Over the years, media – both traditional and new media – has been a veritable platform for sponsoring, peddling and sustaining resistance ideologies. Digital media and technological advancements have created platforms for knowledge sharing, debates and contestations and have also enabled seamless and swift conveyance of information to target audiences within seconds, thus making activism easier [Mutsvairo, 2016]. According to Shirky [2011], social media is being used nearly universally to organise political protests and other global movements. People who live in linked communities today have greater access to information, more chances for group action, and an increasing freedom to call for change. The early period of the 2010s was remarkably marked by the revolutions targeted at oppression, political manipulations, a poor standard of living, and other humanitarian debacles in North Africa and the Middle East. The collective resolve of protesters to oust this socio-political malaise birthed a series of protests, uprisings and armed conflicts, first in Tunisia before spreading to other Arab nations, a movement dubbed «the Arab Spring» [Chiluwa, 2015]. The strategic role played by the digital media in the Arab Spring movement paved the way for the revolutionisation of social activism in Africa [Chiluwa, 2015]. Since the Arab Spring, social activism in Africa has been on the rise. Attesting to this, Opeibi [2016] notes that Nigeria, for instance, recorded a rise in web-based conversations and social interactions through online platforms from about 2% to about 68% between 2001 and 2014, a strong testament to the increase in access to the Internet and data services in Nigeria. This, however, laid the foundation for civic engagement and participation in socio-political movements via social media and other digital platforms, as evident in the conduct of social protests (#OccupyNigeria, #EndSars), resistant movements (the Niger-Delta crisis, Boko Haram insurgency), secessionist movements (Biafra nation agitation), advocacy movements (#BBOG), among others.

The Oduduwa Nation Movement (also called Yoruba Nation or Oodua Republic) is a self-determination and secessionist mandate that aims at achieving political and geo-territorial independence for the Yoruba tribe, who are residents of southwestern states in Nigeria. This struggle for self-determination is anchored on the historical antecedents of the various nationalistic movements that sprung up in the Western region following Nigeria's political independence in 1960. The creation of *Egbe Omo Oodua* in 1949, *Afenfere* in 1966, and the *Oodua People's Congress* (OPC) in 1993, nationalistic movements in the southwestern region, took cultural, political and military dimensions. At the height of these nationalistic movements, the notion of «Oodua nation» was birthed following various political upsets, recurring military coups and counter-coups, and an increasing Biafra nation secessionist movement [Ajala, 2009]. This is why the history of secessionist campaigns in Nigeria can be traced to the Nigerian Civil War (also called the Biafra War) of 1967–1970. Just as the Biafra nation secessionist mandate has been piloted and sustained so far by groups such as Movement for the Actualisation of the Sovereign State of Biafra (MASSOB) and, in recent times, the Indigenous People of Biafra (IPOB), the Oduduwa nation secessionist movement has equally been steered by groups such as *Ilana Omo Oodua*, Yoruba World Congress (YWC), Disciples of *Oodua* Republic, and Yoruba One Voice (YOV), while also charting the path of media awareness with the activities of Omo Oduduwa Radio, Oduduwa-Voice Radio Station, and Oduduwa Grand Alliance Radio [Aminu & Chiluwa, 2022]. A Professor of history and leader

of the *Ilana Omo Oodua* pan-Yoruba group, Professor Banji Akintoye, is known to have been a frontline leader and vanguard of the secessionist campaign. Similarly, Sunday Adeniyi Adeyemo, also known as Sunday Igboho, the leader of the separatist group, has been charged with employing hate speech, stirring up violence with inflammatory statements, aggravating racial animosity, and amassing illegal weapons [Akinrefon, 2021].

The literature is expanding in inquiries into resistance movements and secessionist narratives in Nigeria in different humanistic endeavours [Buhari, 2018; Unya & Omaka, 2021; Sunday et al., 2021]. Significant efforts have gone into linguistics-based research on resistance movement discourse in foreign nations [Juarez-Mira, 2018; Alrefaee et al., 2019] and within Nigeria, such as the Niger-Delta militancy [Aghedo, 2012; Ononye, 2017], Biafra nation agitation [Chiluwa, 2018; Abioye & Ajiboye, 2019; Kamalu & Atoma, 2019; Ajiboye, 2020; Osisanwo & Iyoha, 2020; Igwebuike and Akoh, 2022, 2023], Arewa Republic [Auwal, 2018] and Yoruba or Oduduwa nation agitation [Aminu & Chiluwa, 2022; Osisanwo & Akano, 2023]. Chiluwa [2018] provides new insights into the complexities of the Nigeria-Biafra conflicts and demonstrates how it's feasible for social movements to actively support discourses that could undermine or even negate their own goals. The study concludes that Biafra is a nation divided against itself and that its people are incapable of creating the separate nation they long for. This conclusion is supported by the pragmatic consequences of discourses that reflect competing and conflicting ideas and by the diverse ideological perspectives held by group members. Igwebuike and Akoh [2022] prod into self-legitimation and other-delegitimation strategies in IPOB's supreme leader, Nnamdi Kanu's online radio broadcasts. The study uncovers how Kanu used justification, moralisation, and rationalisation to support his abrupt flight from Nigeria, demand Biafra's self-rule, and call for a boycott of elections as well as to refute claims of the president's cloning, electoral fraud, marginalisation of the Igbo, corruption, and brutality among security personnel. Self-glorification, pronominalisations, polarisation, pejorative nomination (labelling), and hyperbolic expressions are some of the linguistic manifestations of these discursive structures that Kanu deploys to frame the IPOB movement as a just cause.

Furthermore, Aminu and Chiluwa [2022] examine how identity and resistance are re-invented in Facebook protest posts on the Oduduwa secessionist narrative. The study finds that the radical movement's online discourses accurately reflect their total separatist ideology and commitment to their self-actualisation struggle, in addition to explaining the function of protest discourse in the group's agitations for a separate state. The study further demonstrates that, as a marginalised community, the Oduduwa separatist movement strongly articulates its cultural ideology. It shows how online posters evince a negative attitude towards netizens who oppose the mandate through socio-cognitive models and a positive attitude towards those who express their solidarity. In the same vein, Osisanwo and Akano [2023] undertake a study on the various discursive constructions of the Yoruba nation agitation in some Nigerian digital communities. Using Martin and White's appraisal theory and socio-semantic model of critical discourse analysis, the study discovers that labelling, negative comparison, appeal to emotions, expressions of hatred, and flaming are frequently used to portray Oduduwa agitators as terrorists, cowards, and advocates of violence, while others positively portray the agitators as organised strategists. Also, some participants view the secessionist mandate as a danger to the nation's sovereignty and unity, while others see it as an opportunity for people to break free from oppression. Despite these scholarly attempts, the Oduduwa nation secessionist movement still appears to be inadequately explored and scantily researched, especially within linguistic and discourse studies. Unlike what previous studies did not explicitly

do, this study, therefore, uncovers, brings to the fore, explicitly highlights and critically examines specific and advancing discourse issues and pressing socio-political occurrences that surround the Oduduwa Nation secessionist narrative. Attention is given to how online participants advance their resistant ideology through linguistic and stylistic choices.

The study is aimed at revealing the dominant discursive issues that characterise the secessionist narrative in Nairaland and analyzing the linguistic-stylistic strategies that netizens deploy to evince resistance disposition.

2. MATERIAL AND METHODS

This study adopted a descriptive qualitative approach and a top-down analytical model for content analysis and interpretation of the data. Data for this study consisted of Oduduwa or Yoruba nation-related posts and comments that were generated as discursive threads on *Nairaland*, a popular Nigerian virtual platform. Founded by Seun Osewa in 2003, *Nairaland* is one of the earliest online discussion forums and a digital community that provides a platform for Nigerians residing in the country to express their opinions [Chiluwa & Odebunmi, 2016]. *Nairaland* is a platform consisting of various sub-forums that cater for a wide range of topics where Nigerians, including recent and long-term migrants, as well as outsiders who are interested in Nigerian culture and linguistic practices, come together [Heyd, 2014; Hey & Honkanen, 2015]. The involvement of Nigerian participants in the diaspora has great importance due to their recognised contributions to the political and economic advancements of Nigeria, especially because some Nigerian websites controlled by Nigerians residing in the UK and US, focus solely on matters that appeal to Nigerians living outside of Nigeria [Chiluwa & Odebunmi, 2016].

Nairaland is preferred to other digital communities because its membership is restricted to participants of Nigerian identity. It is a well-known cyberspace that boasts over 2.9 million registered users, in addition to a large number of people who are not registered and are labelled as guests [Osisanwo & Akano, 2023]. The platform was selected because of its high level of user engagement, its popularity among the general public, the diversity of its users' backgrounds, and its emphasis on ease of use. The digital platform was also selected because of the great degree to which its members engage in conversations about national issues and topics spanning religion, politics, education, and everyday life. Oduduwa nation posts made between September 2020 and September 2021 were manually culled from *Nairaland* and subjected to thematic and critical stylistic analyses. This period was marked by massive social media awareness about Oduduwa nation rallies that were staged within this timeframe in different southwest states. Most of the posts, culled in their crude and unadulterated forms, were rendered in non-standard English forms of spelling, abbreviations, tense use and grammatical construction. Out of over a thousand posts generated on this platform, eighteen (18) posts that synchronised with the study's objectives were purposively sampled as representative texts for analysis. These purposively selected posts also reflect on the dominant discursive issues that surround the online engagement of the secessionist narrative. The posts were labelled P1–P18 for ease of reference.

The theoretical and analytical framework of Jeffries' [2010] critical stylistics was used to support the inductive analysis of thematic issues drawn from the data. Critical Stylistics stems from the theoretical orientations of Critical Linguistics and Critical Discourse Analysis (CDA). It is an emerging paradigm that strives to equip language analysts with critical thinking and interpretative abilities that empower them to look beyond the grammatically obvious and unearth ingrained and

underlying ideologies in texts [Jeffries, 2010]. Critical Stylistics (CS) connects stylistics with critical discourse analysis to serve as a framework that uncovers ideologies enacted consciously or unconsciously in texts and how power relations are textually crafted. Both CDA and CS aim to reveal ideologies and power relations in discourse, although they are slightly different. While CDA views access to knowledge and the media as tools of hegemony in discourse, CS is more interested in text analysis to identify and expose power relations at the textual level [Jeffries, 2010]. Jeffries put forward some critical stylistic tools that can be deployed to interrogate texts: naming and describing, representing actors/events/states, equating and contrasting, exemplifying and enumerating, prioritising, implying and assuring, hypothesising, negating, presenting the speech and thoughts of other participants, and representing time, space and society [Jeffries, 2010]. These strategies considered toolkits of critical stylistics, uncover ideologies embedded in texts and these ideologies are conceived to be part of a conscious and unconscious process [Ojoawo, 2019].

3. RESULTS AND DISCUSSION

In this section, attention is given to how some critical stylistic devices are deployed to explain advanced burning social issues that are attached to the online engagement of the Oduduwa nation secessionist narrative in Nigeria's political landscape.

3.1. Aggravating Insecurity and Violence in Nigeria

The rising index of insecurity in Nigeria has consistently served as a bane to national cohesion, growth and development at the political, social, economic, cultural, and environmental fronts. In the past seventeen years, there has been a sporadic increase in the statistics of insecurity in Nigeria. The Boko Haram terrorism, ethno-religious tensions, kidnapping, cybercrime, ritual killings, banditry, the farmers-herdsmen crises, religious fundamentalism and intolerance, community confrontations, and electoral violence, among others, are some of the defiant manifestations of insecurity Nigeria has had to battle with over the years. As the protection of the lives and properties of the citizenry stands to be the primary function and most fundamental duty of the government, this has not satisfactorily materialised within Nigeria's security system. The Oduduwa nation secessionist agitation is particularly spurred by the uncontrolled and indiscriminate ethnic killings of Yoruba dwellers in the southwest by supposed herdsmen [Aladekomo, 2021]. However, the call for secession is grounded in the general realities of insecurity in the country.

P1: *Say no to the slave contraption called Nigeria. Nigeria at 60 yet no progress but same problems of 1970's, retrogression and 2nd recolonization by the Fulani and massive ethnic cleansing of Indigenous land owners by herdsmen, boko haram and other Islamic mercenaries... Oodua nation is coming and Muric has failed in his assignment to divide Yoruba across religious line [Nairaland, September 23, 2020].*

P2: *Buhari divided this country with his nepotism and ethnic agenda. You feign ignorance while your kinsmen masquerading as herdsmen kill Nigerians. And to make matter worst, the security apparatus of the country which is under you were also blind to this atrocities. We are not all fool the Nigerian govt thought we are. We won't die in silence [Nairaland, October 1, 2020].*

P3: *As long as this shit hole called Nigeria is concerned, the only lawful groups are; herdsmen, bandits from the North and Boko Haram. Aside the groups listed any other group should be treated in the language they understand; one Nigeria will kill whoever is busy supporting it at the expense of lives of innocent people the so called unity is taking* [Nairaland, June 15, 2021].

The call for secession is backed by both discourse participants from the Yoruba tribe and those from other ethnic groups. Text producers of P1–P3 above express lamentation over the depleting security system and the alleged nepotistic disposition of the Nigerian government towards it. P1 resorts to the *negating* strategy (*«no progress»*) to express pessimism and disappointment while also submitting that despite the attainment of the Diamond Jubilee, insecurity has only brought retrogression to Nigeria as it was in the '70s. The consequence of such retrogression is constructed with the *naming* stylistic strategy (*«slave contraption»*) through the use of a nominal group that instantiates negative labelling of Nigeria's nationhood. The *representing actor* strategy is instantiated in P2 as the actor (*«Buhari»*), Nigeria's former president, is represented as an anarchist who initiates the material process of division (*«divided»*), hence, aggravating the prevalent insecurity in the country through ethnic bigotry. As further claimed in P2, the government *«feigns ignorance»* of the onslaughts carried out on innocent Nigerian citizens by the herdsmen. The stylistic device of *assuming and implying* is deployed by the poster, as this is expected to trigger an implicature in the minds of other online participants that Buhari has been largely pretentious about his reactionary measures that usually followed incidents of killings, arson, displacement of locales, and other violent acts perpetrated in southwestern states. The security apparatuses are called out for negligence in the effective dispatch of obligations. It is further affirmed that how the government has chosen to address the operations of *«Islamic mercenaries»* and *«Boko Haram»*, has ethnic undertones. The nepotistic stance and sense of judgement of the federal government, as perceived by interactants, strongly imply endangerment of the attacked ethnic group, especially since the evil-perpetrating herdsmen are adjudged to be Fulani, and, invariably, kinsmen of the Nigerian president. Taking to the *enumerating* strategy, P3 sarcastically identifies *«herdsmen, bandits from the north and Boko Haram»* as the only lawful groups in Nigeria. In essence, they have constituted a menace and have continued to frustrate Nigeria's unity. The poster enumerates these groups to otherise and disassociate them from the peace-loving South. On this basis, secession is assumed to be the right call to end every form of ethnic tension.

P4: *Igboho incited people to protest about the killings in his region and also organised rallies when the federal government refused to act towards insecurity ravaging the country through his kinsmen. He was in his house when the federal government sent battalions of soldiers to his house to kill and maim at midnight. Hold on, what are you talking about? Also, they planted weapons and claimed they were taken from Igboho's residence. It's better for him to stay away for now in order to make up a new strategy* [Nairaland, July 16, 2021].

P5: *When were they when farmland were destroyed, the town (ibarapa) were massacred and the most hypocrite part of it is none of these guys have been arrested not to talk of prosecuted?* [Nairaland, September 15, 2021].

P6: *The Yoruba never agitated for marginalization. It's start with the Fulani invasion and the attack on farmers as the security agent turn a blind eye. Beside the security services as at today is been dominated [Nairaland, July 3, 2021].*

The Yoruba nation agitation was fueled by herdsmen's attacks and gruesome murder of Yoruba indigenes on their ancestral farmland and hamlets, even as the former set ablaze humans and properties under the guise of self-defence and a show of aggression [Nwanike, 2022]. The poster of P6 unequivocally states that the recurrence of these heinous attacks and the security agents' response of «turning a blind eye» to the disastrous events further widen the existing ethnic divide and tension between the Hausa-Fulani and the Yoruba people. Instead of tackling the unabating insecurity Nigeria is embattled with, the government is consumed with the ambition of taming the Oduduwa secessionist agitation, which spurred the set-up of Sunday Igboho, a frontline leader of the agitation, to accuse him, within the legal premise, of stockpiling arms. The government is alleged to have «planted weapons» in Igboho's residence (P4 refers to Igboho with the referent «he»). In P5, the participant lets out an outburst in the form of an interrogative over the indifference the Nigerian government has shown concerning the Fulani herders' attack on local dwellers, and the government's show of military force to cripple the Oduduwa secessionist campaign instead of arresting and prosecuting those who orchestrated the killings of some Igangan dwellers in Ibarapa, a town in southwest Nigeria. P4 maintains that Igboho was right to have «incited people to protest about the killings in his region» and also spearheaded the expulsion of the Northern nomadic herdsmen from Yoruba territories. In light of the foregoing, online participants appear to provide the ravaging insecurity as justification for the Oduduwa nation secessionist campaign.

3.2. The Amalgamation Pact of 1914

Nigeria's colonial history plays a major role in the Oduduwa nation secessionist narrative. Nigeria became a sovereign nation after the amalgamation of the Northern and Southern protectorates in 1914 by Frederick Lord Lugard. Following this exercise, the historical occurrences of ethnic politics and the quest for regional representation at the centre foretold the ethnicity-motivated politics that were to bedevil the Nigerian political system. Gliding on shared knowledge of the historical antecedent of Nigeria, commenters express negativity towards the amalgamation of 1914 and a desirable dismemberment of what P1 labelled «slave contraption». The stance of these discourse participants aligns with Ugwuoke et al.'s [2020] perception of the 1914 amalgamation pact as a forced and fraudulent union.

P7: *You might not be alive to see it happened. Were the people one before the British amalgamated them in 1914? Only 28 people signed it. 22 British and 6 people from what is called Nigeria today. This 6 were Hausas- Fulanis and Yoruba. None from Igbo and all other tribes in Nigeria [Nairaland, May 22, 2022].*

P8: *All what I know is that this bloody Fulani govt will soon set the country on fire. Self determination is a right of every nationality anywhere in the world. For we shall know the truth and the truth shall set us free. The end of Nigeria is knocking at the door and is fast approaching. Why are the northerners always afraid of breaking up from this good for nothing country? Nigeria is not one and it can never be one. One Nigeria is a monumental scam. The fulanis are born jihadist and we dnt share the same culture, beliefs, religion, orientation, education, exposure and upbringing. The 1914 Almagamation was a disaster that befell the country and the end shall justify the means [Nairaland, May 23, 2021].*

P9: *already this contraption animal forest called nigeria will not past 2023 na...its we that will divide this lord luggard experimentation.....* [Nairaland, June 22, 2021].

P10: *Nigeria was patched together in 1914 and will be divided whether you like it or not. In a few years, you will require a visa to come ride okada in Lagos* [Nairaland, July 3, 2021].

The text producers of P7–P10 conceive the 1914 amalgamation as a woe that befell the Yoruba nation and other marginalised regions. P8 registers discontent and disgust at the exclusion of the «*Igbos and other tribes in Nigeria*» from the signatories of the amalgamation. This alone speaks volumes about the unequal ethnic representation and the unsolicited and forceful joining of these tribes with the Hausa-Fulani and the Yoruba tribes. These are pointers to the causes of the Nigerian civil war of 1966 as the first call for secession, and the intensifying efforts towards the creation of the Biafra Republic through the activities of the Indigenous People of Biafra (IPOB) in recent times. P8 and P9 employ the *naming* strategy to construct Nigeria as a «*monumental scam*» and «*contraption animal forest*» which, again, is an instance of valence and a negative representation of Nigeria and the amalgamation pact as a fraudulent arrangement. To enforce this stance, P8 takes to the *describing* strategy to construe the 1914 amalgamation with the predicative «*disaster*». This description is premised on the notion that northern Nigeria's association with the Jihadist movement is essentially a domineering culture that is predisposed to subjecting all other tribes and ethnic groups to the religious reign of Jihadism. Based on the relayed orientation about the religious and political dominance of northern Nigeria, which is backed up by Nigeria's former President, the participant sticks to the *negating* strategy to declare that «*Nigeria is not one and it can never be one*». Furthermore, P10 also holds the view that the 1914 incident was an unfavourable arrangement. *Prioritising* is indexed in P10 as the text producer achieves this through the form of information structure, which is strategic to placing Nigeria as a subject that suffers the tragedy of «*was patched*». Through passivisation, «*Nigeria*» as a recipient of an action is brought to the fore as a victim of circumstance. Therefore, the text producer attempts to invoke empathy in other on-line participants, so that they would subscribe to this notion of a victimised Nigeria. Consequently, in P9 and P10, the *hypothesising* stylistic device is then indexed with the use of epistemic modal items «*will*» to express a sense of certainty and high possibility that «*Nigeria will not past 2023...*» and that «*Nigeria will be divided...*». Against this background, the conception of the 1914 amalgamation as a failed and prejudiced arrangement serves as a fillip behind the secessionist agitations of IPOB and the *Ilana Omo Oodua*.

3.3. The Perceived Marginalisation of Southern Nigeria

The call for secession is also informed by the perceived marginalisation of the southern region of Nigeria, inhabited by the Yoruba and Igbo ethnic majorities as well as other minority tribes. Before the boisterous demonstrations for the secession of the south, the restructuring mandate had been a strategic measure and narrative suggested to mitigate ethnic tensions, enhance equitable allocation and maximisation of resources, and clamp down on insecurity in different regions [Obiorah & Okoye, 2020]. For instance, the Niger Delta crisis dwells mainly on the federal government's control of oil wealth and the oil region, poor infrastructure and environmental hazards ravaging the oil region. Consequently, this has resulted in a high level of militancy, violence and protestations in the region. While the Niger Delta group have had their fair share of marginalisation, the Oduduwa nation group capitalises on this to demand the secession of the Yoruba people.

P11: *If you want Nigeria to continue existing then let the government do the right thing by restructuring Nigeria economically and I mean resource control. This is the viable antidote to disintegration and obasanjo of all people should know that. If this issue is not addressed then division is very inevitable [Nairaland, August 27, 2021].*

P12: *You are entitled to your opinion sir but it is what we want. Nigeria based on its multilingual nature will always be difficult to manage not to talk of when there is corruption and lack of trusts among the cultural entities that constitute the country. Every region especially the southern ones are being constrained in this unproductive union, let everyone go their separate ways, I am sure this will lead to maximization of potentials [Nairaland, October 3, 2021].*

P13: *A movement that encompasses the South west, south east, south south and the middle belt will achieve a faster recognition from the UN and other foreign countries apart from Britain. The tempo should be sustained to show that the balkanization of Nigeria is a felt need of the peoples of what is now called Nigeria. The Ipobs part of the coalition should be kept under watch so that they do not exhibit their typical character. Oduduwa republic, time is now [Nairaland, September 15, 2021].*

P14: *It's not just about marginalisation
The Yorubas have realised they do not need to be in the same country with blood thirsty cannibals [Nairaland, October 1, 2020].*

The text producer of P11 harps on the equitable allocation of economic resources, one of the cardinal pillars of the restructuring mandate, as the hypothesised “viable antidote to disintegration”, and this again is a pointer to the perceived marginalisation of the South and regional enslavement. To systematically execute what P13 refers to as «*the balkanisation of Nigeria*», a coalition of the southern states in the south-west, south-east, south-south and middle belt is proposed, such that it will attract foreign intervention from international bodies like the United Nations and world powers such as Britain and the US. «*The maximisation of potentials*», which the text producer advances through *hypothesizing* and verbal elements («*will lead*»), can then be achieved following the divorce of the South from the North. In advancing this stance, the *naming* strategy is instantiated with the use of the nominal group «*blood-thirsty cannibals*» (P14) to describe the northern part of Nigeria. *Naming* is further used to derogatorily label and negatively represent Nigeria's nationhood as an «*unproductive union*» (P12) and the nation as a «*conquered territory and slave camp*» (P12). The text producers imply that the state of insecurity is bound to grow worse given the fact that the government that is saddled with securing the lives of its citizenry, by implication and assumption, is affiliated with terrorism. The text producers use negative labels to amplify the cognitive description of otherisation and polarisation. In essence, the *equating* stylistic resource is used to conceive an association and coalition of «*the southwest, southeast, south-south and middle belt*» as a formidable force that is pitched against the dominant north. On the strength of the above stance, the discourse participants are in full support of the secessionist campaign as a panacea to pacifying the aggrieved South who have, over the years, been victims of ethnic marginalisation.

3.4. The Lingering Biafran Secessionist Movement

The first attempt at secession in the history of Nigeria's politics can be traced to the civil war (Biafra War) of 1967–1970. The Nigerian civil war immediately followed the January 15, 1966, military coup and the July 29, 1996, counter-coup in the first republic. The war between the Nigerian government and major parts of the Southeastern region claimed millions of lives through

violent conflicts, organised massacres, food shortages, famine, and the destruction of infrastructure and national monuments. However, despite the failed secessionist move, the struggle for the Biafra Republic did not dissipate. The reawakening of the Biafra consciousness, known as the Neo-Biafra movement, is credited to some groups, chief among them the Movement for the Actualisation of the Sovereign State of Biafra (MASSOB), which advocates the actualisation of the Biafra republic through non-violent means. A new group, the Indigenous People of Biafra (IPOB), emerged and became popular in 2015 to increase the tempo of agitation for the secession of eastern states.

P15: *People like that half-breed Koiki are moles working to sabotage Yoruba struggle the moment he started making senseless and reckless statements that an attack on IPOB is an attack on the Yorubas, then I knew he was setting them up to fail. Why will any sane person say an attack on violent IPOBs that Wike, Uzodinma and co. are dealing seriously with is an attack on peace loving Yorubas.. such audacity to link a proscribed terrorist group from far away South East to the most progressive race on earth [Nairaland, August 16, 2021].*

P16: *we biafrans are happier for this «yoruba nation» rally even more than the yorubas themselves, because this will quicken what we've been looking for [Nairaland, May 22, 2021].*

P17: *Who would have believed that Yoruba would one day want Nigeria to break up. The same Yoruba that sided Fulani and MB to sabotage Biafra now wants Oduduwa. To love injustice is so bad. I still am awed with the paradox. Their love for free crude oil seems to have been minified by the blood of their people. So they now know that killing of one's kinsmen is enough reason to agitate for one's own country. But when Igbo were killed in the north, Igbo should not have wanted out of Nigeria. What goes around comes around. Anyway sha, I still will never take them serious because everything is politics to them. They may just be making noise to bring Fulani to negotiate and stop their plan of sending Tinubu to the gulag. Everyone should just keep looking at them because they'll always go behind and sell you out. The only genuine self-determination we are aware of is Biafra. When they wake up we'll know it is morning at their end [Nairaland, March 19, 2021].*

P18: *Nna mehnennnnnnnnnnnnnnnnnnnnnnnnnnnnnnn. Yorubas are never serious about this fake wanting of their own country. Just making noise because of 2023. Biafrans are those doing the doings [Nairaland, July 21, 2021].*

The Oduduwa nation campaign shares a similar secessionist agenda with IPOB. In P15 to P19 above, online participants discuss the Oduduwa nation's agitation in light of the current activities of IPOB. Some pro-Oduduwa nation discourse participants aligned with the Biafran movement due to the common goal of secession, while some, such as the text producer P16, distanced the Oduduwa nation movement from Biafra as a result of the ethnic sentiment and violent modalities of IPOB, which had been proscribed as a terrorist group by Nigeria's former president, President Muhammadu Buhari. Similarly, some participants who are not of the Yoruba tribe, such as P16, throw their weight behind the secessionist campaign while also suggesting a collaboration that can force secession. Conversely, some anti-Oduduwa nation participants, such as P18, ruled by ethnic sentiments, express negativity towards the discussed activities and conceive the Oduduwa nation secessionist movement as a «fake movement», arguing that «*Biafrans are those doing the doings*». Additionally, P17 urges other discourse participants to «*never take them serious*» because

«*the only self-determination we are aware of is Biafra*». In essence, issues surrounding the Biafra nation movement provide an intertextual base for discourse representations of the Oduduwa nation agitation.

4. CONCLUSION

The discourse of secession in Nigeria's political landscape continues to gather momentum, especially through the instrumentality of digital activism. The Oduduwa nation campaign recently resurged and became a global and local issue that rode on the wings of digital media technology. This study has undertaken a critical stylistic appraisal of some discourse and social issues that surround the discursive engagement and construction of the Oduduwa nation secessionist campaign in *Nairaland*. The study identifies aggravating insecurity in the country, the amalgamation pact of 1914, the perceived ethnic oppression of the southern region, and the lingering Biafra nation's agitation agenda as social issues that inform the online engagement of the Oduduwa republic movement. These issues are advanced by online participants as justification for the dismemberment of Nigeria and reasons why Nigeria's nationhood should be terminated.

Findings further reveal that online participants deploy critical linguistic-stylistic strategies such as naming and describing, negating, representing actions, equating, hypothesising, prioritising and enumerating as stylistic devices to project their resistance posture and to air their desire for the actualisation of the secession mandate. These critical stylistic resources are essentially deployed to otherise and dissociate from other Nigerians (either of the Yoruba tribe or other tribes) who do not subscribe to and support the secessionist campaign. These linguistic-stylistic strategies are significantly deployed alongside ideological orientations. On the one hand, they are used in a way that disfavours and delegitimises the otherised northern Nigeria while harping on the sentimental roles played by Nigeria's former president's administration and assumed affinity with the Fulani tribe, who are associated with different forms of socio-political malaise embattling the country. On the other hand, the strategies favoured and legitimised the activities and ideological beliefs of the Oduduwa nation secessionist crusaders as an opposition group. This resonates with Ajiboye's [2020] and Igwebuike and Akoh's [2022] idea that secessionist groups and their online and offline crusaders usually position themselves as non-conformists while also legitimising their oppositional activities against the government and political stakeholders. This is, therefore, reinforced by how online participants enact resistance and their staunch opposition against a united Nigeria. This, again, bolsters Van Dijk's [2009] stance that linguistic and discursive structures can express and project the cognitive positioning, mental models, and ideological standpoints of an individual or group on certain discourse issues. Consequently, as the burning issue of secession continues to resurface in Nigeria's political landscape, its rabid contestation in online space poses a threat to nationhood in that cyberspace can be harnessed to sustain the propagation of separatism and national disintegration.

Conflict of Interest

The author states that there is no conflict of interest.

REFERENCES

1. Aghedo, C. U. (2012). Linguistic Determinants of Military and Terrorism in Nigeria: The Case of the M.E.N.D. and Boko Haram. *Development Country Studies*, 2(11), 159-170. <http://www.iiste.org/Journals/index.php/DCS/article/viewFile/3571/3620>
2. Ajala, A. (2009). *Yoruba Nationalist Movements, Ethnic Politics and Violence: A Creation from Historical Consciousness and Socio-Political Space in South-Western Nigeria* (Working paper №105). Mainz, Germany: Institut für Ethnologie und Afrikastudien, Johannes Gutenberg-Universität.
3. Ajiboye, E. (2020). Polarisation and the Sustenance of Biafra Secessionist Discourses Online. *Journal of Asian and African Studies*, 55(4), 475–491. <https://doi.org/10.1177/0021909619883403>
4. Ajiboye, E., & Abioye, T. (2019). When Citizens Talk: Stance and Representation in Online Discourse on Biafra Agitations. *Discourse & Society*, 30(2), 117–134. <https://doi.org/10.1177/0957926518816197>
5. Akinrefon, D. (2021). *Alleged plans to eliminate Sunday Igboho, A rumour – Lawyer, Yomi Aliyu*. Vanguard. Retrieved October 10, 2023, from <https://www.vanguardngr.com/2021/12/alleged-plans-to-eliminate-sunday-igboho-a-rumour-lawyer-yomi-liyu-2/amp/>
6. Alrefae, Y., Abdul-Ghafour, A., Alazzany, M., & Alrefae, S. (2019). A Critical Discourse Analysis of the Selected Opposition and State Printed Media on the Representation of Southern Mobility in Yemen. *International Journal of Linguistics, Literature and Translation*, 2, 136–44. <https://doi.org/10.2139/ssrn.3353733>
7. Aminu, P., & Chilwa, I. (2022). Reinventing Identity and Resistance Ideology in Protest Narratives: The Case of Oduduwa Secessionist Group on Facebook. *Journal of Language Aggression and Conflict*, 11(2), 1-26. doi:10.1075/jlac.00078.ami
8. Auwal, A. (2018). Social Media and Hate Speech: Analysis of Comments on Biafra Agitations, Arewa Youths' Ultimatum and their Implications on Peaceful Coexistence in Nigeria. *MCC*, 2(1), 54-75.
9. Buhari, L. (2018). Separatists' Agitations and Quest for State Police in Nigeria. *European Journal of Social Sciences Studies*, 3(3), 249-262. <https://oapub.org/soc/index.php/EJSSS/article/view/458>
10. Chilwa, I. (2015). Occupy Nigeria 2012: A Critical Analysis of Facebook Posts in the Fuel Subsidy Removal Protests. *CLINA: An Interdisciplinary Journal of Translation, Interpreting and Intercultural Communication*, 1(1), 47-69.
11. Chilwa, I. (2018). A Nation Divided Against Itself: Biafra and the Conflicting Online Protest Discourses. *Discourse & Communication*, 12(4), 357-381. <https://doi.org/10.1177/1750481318757778>
12. Chilwa, I., & Odebunmi, A. (2016). On terrorist attacks in Nigeria: Stance and engagement in conversations on Nairaland. *Communication and the Public*, 1(1), 91-109.
13. Heyd, T. (2014). Doing race and ethnicity in a digital community: Lexical labels and narratives of belonging in a Nigerian web forum. *Discourse, Context & Media*, 4, 38-47. <https://doi.org/10.1016/j.dcm.2013.11.002>
14. Heyd, T., & Honkanen, M. (2015). From Naija to Chitown: The new African diaspora and digital representations of place. *Discourse, Context & Media*, 9, 14-23. doi:10.1016/j.dcm.2015.06.001

15. Igwebuike, E., & Akoh, A. (2022). Self-legitimation and Other-Delegitimation in the Internet Radio Speeches of the Supreme Leader of the Indigenous People of Biafra. *Critical Discourse Studies*, 19(6), 575-592. doi:10.1080/17405904.2021.1921817
16. Igwebuike, E., & Akoh, A. (2023). Delegitimising Nonviolent Resistance Via Newspaper Headlines: The Case of Sit-At-Home Protests by Indigenous People of Biafra. *Journal of Asian and African Studies*. <https://doi.org/10.1177/00219096231168070>
17. Jeffries, L. (2010). *Critical Stylistics: The power of English*. Basingstoke: Palgrave Macmillan.
18. Juarez-Miro, C. (2018). *The dialogue of the deaf: A discourse analysis on the construction of the Catalan and Spanish identities in news media* [Master's thesis, University of Minnesota]. <https://conservancy.umn.edu/handle/11299/215008>
19. Kamalu, I., & Atoma, O. (2019). The Construction of Tenor, Identities and Power Relations in Online Discourses on Indigenous People of Biafra (IPOB). *Journal of Gender and Power*, 12(2), 97-115. <https://doi.org/10.14746/jgp.2019.12.006>
20. Mutsvairo, B. (2016). Dovetailing desires for democracy with new ICTs' potentiality as platform for activism. In B. Mutsvairo (Ed.), *Digital Activism in the Social Media Era: Critical Reflections on Emerging Trends in Sub-Saharan Africa* (pp.3-23). Palgrave Macmillan. https://doi.org/10.1007/978-3-319-40949-8_1
21. Nairaland Forum. <https://www.nairaland.com/>
22. Ojoawo, A. (2019). Critical Stylistics. In A. Sunday and F. Egbokhare (Eds.), *Contemporary Issues in Language Studies* (pp.309-314).
23. Ononye, C. (2017). Lexico-Stylistic Choices and Media Ideology in Newspaper Reports on Niger Delta Conflicts. *Indonesian Journal of Applied Linguistics*, 7(1), 167-175. <https://dx.doi.org/10.17509/ijal.v7i1.6870>
24. Opeibi, T. (2016). Digital Media and Civic Engagement in Nigeria: A Corpus-Based Discourse Study of President Goodluck Ebele Jonathan's Facebook. In R. Taiwo & T. Opeibi (Eds.), *Discourse of Digital Civic Engagement* (pp. 9-34). New York: Nova Science Publishers.
25. Osisanwo, A., & Akano, R. (2023). 'A Threat to National Unity, An Emancipator': Discourse Construction of the Yoruba Nation Secessionist Agitation in Selected Nigerian Digital Communities. *Critical Discourse Studies*, 1-17. <https://doi.org/10.1080/17405904.2023.2211176>
26. Osisanwo, A., & Osas, I. (2020). "We are not Terrorists, We are Freedom Fighters": Discourse Representation of the pro-Biafra Protest in Selected Nigerian newspapers. *Discourse and Society*, 31(6), 631-647. <https://doi.org/10.1177/0957926520939687>
27. Shirky, C. (2008). *Here Comes Everybody: The Power of Organizing Without Organizations*. New York City: Penguin Press.
28. Sunday, A., Ewuim, N., & Sumumma, Z. (2021). Effect of Growing Insecurity on Agitation for Self-Determination in South-Western Nigeria. *Nigerian Journal of Social Development*, 10(1), 17-25. <https://doi.org/10.12816/0060686>
29. Unya I., & Omaka A. (2021). Separatist Agitations in Nigeria: Historical Background, Problems and Remedies. *Journal of Alternative Perspectives in the Social Sciences*, 11(2), 201-236. <https://brill.com/view/journals/tare/aop/article-10.1163-1821889x-bja10029/article-10.1163-1821889x-bja10029.xml>
30. van Dijk, T. A. (2009). *Society and Discourse. How Social Contexts Influence Text and Talk*. New York: Cambridge University Press. <https://doi.org/10.1017/CBO9780511575273>

About the author:

Richard Damilare Akano is an Assistant Lecturer in the Department of English and Literary Studies at Osun State University, Nigeria. ORCID ID: 0000-0002-2577-0613

Received: November 3, 2023.

Accepted: December 12, 2023.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

<https://doi.org/10.24833/2687-0126-2024-6-1-26-43>

БУСТЕРЫ КАК МЕТАДИСКУРСИВНОЕ СРЕДСТВО ПЕРСУАЗИВНОСТИ В ЗАЩИТИТЕЛЬНОЙ РЕЧИ

О.А. Богинская

Иркутский национальный исследовательский технический университет

(Иркутск, Россия)

olgaa_boginskaya@mail.ru

Аннотация: Современные исследования открывают новые грани судебного дискурса, обращаясь к особенностям его продуцирования и находясь в поисках новых аналитических инструментов. Несмотря на теоретическую и практическую значимость и многоаспектность данных работ, в них крайне редко применяется метадискурсивный инструментарий, который имеет значительный потенциал в изучении дискурсивных практик, все чаще характеризующихся не только как информационная среда, но и как пространство взаимодействия и воздействия. Интерактивная и персуазивная природа судебного дискурса обуславливает потребность привлечения метадискурса как эффективного аналитического инструмента, охватывающего средства выражения отношения к пропозициональному содержанию и вовлечения адресата в диалог с говорящим. В настоящей статье рассматривается метадискурсивный аспект защитительной речи как жанра судебного дискурса. Исследование проводится с использованием количественного анализа данных корпуса текстов и их интерпретации на основе контекста. Новизна исследования состоит в применении метадискурсивного инструментария в лингво-прагматическом анализе русскоязычного судебного дискурса. Цель статьи заключается в том, чтобы выявить языковые особенности персуазивного аспекта защитительной речи как жанра судебного дискурса с опорой на такое метадискурсивное средство, как бустинг. В ходе исследования были установлены пять разновидностей бустеров – маркеры уверенности, маркеры эвиденциальности, маркеры интенсивности, маркеры солидарности и маркеры превосходства, реализующие пять прагматических функций: демонстрация уверенности говорящего в истинности пропозиции, указание на достоверность и надежность источника информации, увеличение эмоциональной силы высказывания, обозначение верхней границы континуума и указание на общеизвестные факты или совместный опыт переживания явления или ситуации. Автором было установлено, что на лексическом уровне бустинг преимущественно реализуется с помощью эвиденциальных глаголов и существительных, наречий меры, степени и времени и прилагательных в превосходной степени. Частотными также оказались и местоимения первого лица множественного лица. Представляется, что правильное использование бустеров в судебном дискурсе является показателем прагматической компетентности юриста и залогом эффективной коммуникации с адресатом.

Ключевые слова: судебный дискурс, защитительная речь, бустер, персуазивность, метадискурс.

Для цитирования: Богинская, О.А. (2024). Бустеры как метадискурсивное средство персуазивности в защитительной речи. *Дискурс профессиональной коммуникации*. 6(1), 26–43. <https://doi.org/10.24833/2687-0126-2024-6-1-26-43>

1. ВВЕДЕНИЕ

«Судебный дискурс относится не только к древнейшим родам речей, но и имеет многовековую традицию исследования» [Шатин, Силантьев, 2020, с. 402], предоставляет исследователям уникальные возможности для дискурсивного анализа, будучи продуктом речевой деятельности, концентрирующим целый набор прагматических стратегий и тактик и лексико-грамматических средств. Жанры судебного дискурса привлекают внимание большого количества отечественных и зарубежных лингвистов, в фокусе внимания которых оказываются различные аспекты коммуникации в зале суда [Артёмова, 2013; Богинская, 2022; Волкова и др., 2023; Девяткина, 2006; Крапивкина, 2017; Кузнецова, 2006; Шатин, Силантьев, 2020; Aldridge, 2007; Boginskaya, 2022a, 2022b; Cotterill, 2003; Heffer, 2005; Kurzon, 2006; Rosulek, 2015 и др.]. В частности, на материале выступлений в судебных прениях В.В. Девяткина предприняла попытку определить стилевой состав защитительной речи и обнаружила его неоднородность и переходный характер: от официально-делового стиля до публицистического, достигающего уровня ораторского искусства [Девяткина, 2006]. В работе Е.А. Кузнецовой исследовалась ораторская маска, которую автор определила как средство маскировки судебного ратора, его перевоплощение [Кузнецова, 2005]. Автор описала разновидности ораторских масок и их роль в создании образа судебного оратора. На материале выступлений А.Ф. Кони Т.В. Артёмова подвергла анализу нарративные структуры в судебном дискурсе, предложив трёхуровневую модель организации обвинительной речи [Артёмова, 2013]. Л.Г. Кыркунова исследовала композиционную структуру обвинительных и защитительных речей, уточнив их обязательные компоненты [Кыркунова 2010]. И.В. Палашевская описала функции судебного дискурса, структуру, конститутивные признаки и исследовала нарративную природу и статусные характеристики участников судебного разбирательства [Палашевская, 2011]. В работе О.А. Крапивкиной судебные дискурсивные практики рассмотрены как процесс конструирования дуалистичных реальностей и указано, что дуалистичность обнаруживает свойства, связанные с объективной природой судебных речей, задается относительно автономно, независимо от личностей участников судебного процесса [Крапивкина, 2018]. Ю.В. Шатин и И.В. Силантьев рассмотрели ключевые приемы аргументации в судебном дискурсе А. Ф. Кони и Ф. Н. Плевако и соотнесли их с аргументативной схемой Кембриджской школы. Интересен вывод авторов об интуитивном использовании российскими раторами приемов аргументации, которые составили основу неориторической теории [Шатин, Силантьев, 2020]. Иной подход был реализован в работе Я.А. Волковой, Н.Н. Панченко и Н.К. Пригариной, которые применили понятие «дискоммуникация» в анализе текстов судебных речей российских адвокатов XIX–XXI вв. и установили три причины неосуществления замысла адресанта: нарушения в целеполагании, несоблюдение правил аргументации и неудачная вербализацию замысла [Волкова и др., 2023].

Предметом исследования судебного дискурса зарубежными аналитиками являются прагматика судебных выступлений [Chaemsaitong, 2014; Gotti, 2014; Tracy & Hodge, 2018; Yang & Wang, 2021], жанровые характеристики [Cotterill, 2003; Rosulek, 2015; Heffer, 2005], трудности перевода [Cao, 2013; Hu & Cheng, 2016], вопросы юридической семиотики [Cheng & King, 2008]. Так, исследовав материалы известного уголовного дела по обвинению О. Дж. Симпсона, Дж. Коттерилл определила судебную речь как дискурсивное отражение процесса (ре)конструирования события преступления и выявила языковые и дискурсивные особенности данного жанра [Cotterill, 2003]. Подробный анализ жанра судебной речи представлен в работе К. Хеффера, который разработал модель дискурсивного взаимодействия юристов и присяжных заседателей на основе двух модусов коммуникации – нарративного и парадигматического [Heffer, 2005]. К. Хеффер указал на гибридность судебных дискурсивных практик как результат стратегического напряжения: дискурсивные практики юриста и носителя обыденного сознания – продукты стратегического напряжения между парадигматическими потребностями профессионалов и нарративным мышлением обывателей. Иной подход обозначен в исследовании И. Е. Карранца, который описал метапрагматические индексы в жанре судебной речи и выделил пять их разновидностей, сигнализирующих, что дискурс протекает в определенном социальном поле: 1) перформативные акты, 2) оценки, 3) социокультурные практики, 4) контекстуальные условия, 5) стиль [Carranza, 2008, p. 169]. На материале судебных речей Л. Ф. Розулек выявила несколько разновидностей риторических стратегий, используемых юристами для создания противоположных версий события преступления. В основе данных разновидностей лежат механизмы фокусирования/дефокусирования, которые помогают говорящему акцентировать внимание на разных аспектах одной реальности [Rosulek, 2015].

Как показал краткий обзор предыдущих исследований, в фокусе внимания оказываются самые различные аспекты судебного дискурса. Современные исследования открывают его новые грани, обращаясь к особенностям продуцирования и функционирования и находясь в поисках новых аналитических инструментов. Несмотря на теоретическую и практическую значимость и многоаспектность данных исследований, в них крайне редко применяется метадискурсивный инструментарий, который имеет значительный потенциал в изучении дискурсивных практик, все чаще характеризующихся не только как информационная среда, но и как пространство взаимодействия и воздействия. Интерактивная и персуазивная природа судебного дискурса обуславливает потребность привлечения метадискурса как эффективного аналитического инструмента, охватывающего средства выражения отношения к пропозициональному содержанию и вовлечения адресата в диалог с говорящим.

В исследованиях последних десяти лет метадискурс зарекомендовал себя как эффективный исследовательский инструмент, широко применяемый при изучении различных типов дискурсивных практик. Однако большинство метадискурсивных исследований было выполнено на материале научного дискурса [см. Takimoto, 2015; Zou & Hyland, 2019 и т.д.]. Жанр судебной речи никогда не был объектом метадискурсивного анализа, хотя метадискурс имеет огромное значение в достижении его главной коммуникативной цели – убедить суд в невиновности подсудимого.

Для устранения указанного выше пробела в исследовании коммуникации в зале суда в настоящей работе ставится цель определить языковые особенности персуазивного аспекта защитительной речи как жанра судебного дискурса с опорой на такое метадискурсивное средство, как бустинг. Для достижения данной цели поставлены следующие задачи:

- 1) выявить разновидности бустеров как метадискурсивных маркеров увеличения персуазивной силы высказывания и определить их частотность;
- 2) описать прагматические функции бустеров в корпусе защитительных речей;
- 3) выявить средства языковой реализации разных групп бустеров и составить список наиболее частотных лексических единиц актуализации бустинга.

2. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Определим метадискурс как коммуникативную категорию, включающую эксплицитный набор языковых средств, актуализирующих отношение говорящего к пропозициональному содержанию и помогающих ему вовлечь адресата в диалог.

К. Хайленд выделил пять разновидностей метадискурсивных средств в зависимости от прагматической функции, реализуемой в дискурсе: хеджи, бустеры, экспликативы аффективного состояния, маркеры самореференции и маркеры взаимодействия [Hyland, 2005]. Так, хеджи служат для смягчения иллокутивной силы или категоричности высказывания (*вряд ли*), а бустеры, напротив, эксплицируют уверенность говорящего, исключая любые спекуляции (*конечно же*). Экспликативы аффективного состояния (*важный, интересный, эффективный*) вербализуют эмоциональные паттерны поведения и оценку пропозиционального содержания с точки зрения его важности, значимости, сложности и т.д. Маркеры самореференции указывают на присутствие говорящего в дискурсе, обозначают его ответственность за продуцируемые высказывания (*я, мы, мне, нам, мой, наши*). И, наконец, маркеры взаимодействия (*давайте, вы, вам*) помогают говорящему вовлечь адресата в диалог, подчеркнув его статус полноправного коммуникативного партнера.

Поскольку в фокусе внимания настоящего исследования находятся бустеры, остановимся более подробно на данных метадискурсивных средствах. Отметим, что в российской научной литературе прагматические функции бустинга преимущественно рассматриваются в рамках категории категоричности, которая включает «лингвистические и нелингвистические характеристики, позволяющие определить степень уверенности говорящего в описываемом положении дел или его оценке, а также позволяющие судить о степени безапелляционности передаваемой говорящим информации» [Малышкин, Никитин, 2014, с. 109]. Категория категоричности исследуется целым рядом российских лингвистов (Г.И. Гущиной, Н.Н. Панченко, Я.А. Волковой и др.). Г.И. Гущина, например, описала способы и специфику реализации категории категоричности в русском и английском языках [Гущина, 2008]. Н.Н. Панченко и Я.А. Волкова выявили связь категории категоричности с такими категориями, как авторитетность и уверенность, и доказали, что русскоязычному академическому дискурсу присущ высокий уровень категоричности, что обуславливает его конфликтогенность [Panchenko & Volkova, 2021]. В несколько иной перспективе рассмотрела данную категорию Е.Ю. Викторова. Используя терминологию К. Хайленда, автор исследует бустеры в рамках вспомогательной системы дискурса, включающей дискурсивные единицы (дис-

курсивы), помогающие адресату адекватно воспринимать и интерпретировать высказывание. Она отмечает, что бустеры играют чрезвычайно важную роль, помогая говорящему выделить главное в речи, расставить акценты, выразить уверенность, усилить категоричность высказывания [Викторова, 2022].

В модели К. Хайленда бустинг рассматривается как метадискурсивная стратегия, способствующая увеличению иллокутивной силы высказывания, усилению его персуазивности, под которой понимается оценка пропозиционального содержания с точки зрения достоверности/недостоверности, формируемая под воздействием на сознание адресата. Отсюда персуазивным может быть любое речевое действие, направленное на то, чтобы сформировать у адресата внутреннее убеждение в достоверности излагаемой информации и побудить к совершению или несомнению им определенных действий с помощью различных риторических средств, включая метадискурсивные ресурсы.

Методологическим субстратом настоящего исследования послужила модифицированная модель бустинга, предложенная К. Хайлендом и Х. Зоу [Hyland & Zou, 2021]. В таблице 1 представлена типология бустеров, предложенная этими исследователями и дополненная автором настоящей статьи. К данной классификации были добавлены маркеры солидарности и маркеры эвиденциальности, которые, как представляется, также увеличивают иллокутивную силу персуазивного высказывания.

Таблица 1. Типология бустеров

Тип	Функция	Лексическая реализация
Маркеры уверенности	демонстрируют убежденность автора	<i>уверен, конечно, несомненно</i>
Маркеры эвиденциальности	указывают на источник сведений	<i>показывать, демонстрировать</i>
Маркеры превосходства	указывают на верхнюю границу континуума	<i>наилучший, наиважнейший</i>
Маркеры интенсивности	увеличивают эмоциональную силу высказывания	<i>крайне, очень, всегда</i>
Маркеры солидарности	указывают на общеизвестные факты, совместный опыт переживания тех или иных явлений	<i>общеизвестно, как правило</i>

3. МАТЕРИАЛ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Материалом для исследования послужили 38 защитительных речей российских адвокатов, размещенные в свободном доступе в сети Интернет. Основным критерием отбора был временной период, к которому относятся защитительные речи, – последние два десятилетия, поскольку в фокусе находились сопоставимые по времени тексты.

Ниже приведены этапы анализа, представленного в настоящей статье.

(1) Отбор текстов защитительных речей и их экспортирование в файл формата Microsoft Word.

(2) Анализ текстов с целью выявления бустеров.

(3) Контекстуальный анализ обнаруженных бустеров с целью уточнения их прагматической функции.

(4) Распределение бустеров по группам.

(5) Определение частотности разновидностей бустеров.

(6) Определение частотности лексических средств актуализации бустинга.

(7) Обобщение полученных результатов в виде таблиц.

4. РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Частотность использования бустеров, выявленных в корпусе текстов защитительных речей, представлена в Таблице 2.

Таблица 2. Частотность групп бустеров

Тип	Частотность
Маркеры интенсивности	224
Маркеры эвиденциальности	204
Маркеры превосходства	194
Маркеры уверенности	142
Маркеры солидарности	84
Всего	948

В ходе исследования были найдены все разновидности бустеров, включенные в модифицированную таксономию К. Хайленда и Х. Зоу. Как видно из таблицы, наиболее частотными оказались маркеры интенсивности, за которыми следуют маркеры эвиденциальности. Маркеры солидарности использовались защитниками значительно реже остальных групп. Их доля составила чуть более 9% (84 единицы).

Ниже рассмотрим примеры, которые иллюстрируют функционирование бустеров в контексте защитительной речи.

4.1. Маркеры интенсивности

Самыми частотными в исследуемом корпусе являются маркеры интенсивности, коммуникативная функция которых – интенсифицировать признак, оценку или количество относительно их нейтрального проявления. Оказывая эмоциональное воздействие на адресата, они также способствуют усилению персуазивности высказываний, предотвращая возможные сомнения в истинности пропозиции. Приведем примеры:

(1) *И вот сейчас, Ваша честь, я поставлю **очень** важный для настоящего дела вопрос.*

(2) *И это крайне важно, потому что **никакие** доказательства, собранные предварительным следствием до оценки их судом, не считаются достоверными.*

(3) *Здесь **всё** дефектно – и право, и факты.*

*(4) Исполнители по договорам возмездного оказания услуг **всегда** стремятся к тому, чтобы выполнить условия контракта с меньшими затратами.*

*(5) Потерпевший заявил в судебном процессе: **считаю неприличным** употребление в подзаголовке слова “вор”, поскольку таковым **никогда** судом не признавался.*

*(6) У защиты нет **никаких** оснований полагать, что эти деньги были криминальными.*

Эффект увеличения иллюкативной силы персуазивного высказывания достигается за счет наречий *очень, всегда, никогда* и местоимений *никакие, никаких, всё*. Данные маркеры используются для оценки объекта действительности и демонстрируют интенцию адвоката придать высказыванию статус категорического суждения, исключающего альтернативные предикаты. Говорящий не оставляет адресату пространство для иных интерпретаций излагаемых фактов.

Наиболее частотные маркеры интенсивности, обнаруженные в корпусе, представлены в Таблице 5.

Таблица 5. Наиболее частотные маркеры интенсивности

Маркеры интенсивности	Частотность
очень	108
всегда	62
никакой	38
никогда	34

Лексический репертуар данной группы маркеров не является богатым. Как видно из таблицы, они представлены преимущественно наречиями и отрицательным местоимением *никакой*, которые интенсифицируют признак или оценку, усиливая тем самым персуазивный эффект высказываний.

4.2. Маркеры эвиденциальности

Вторыми по частотности в исследуемом корпусе оказались маркеры эвиденциальности. Использование данного типа бустеров указывает на интенцию защитника представить версию события преступления как основанную на надежных и достоверных источниках информации, а не на спекуляциях. Приведём пример:

*(7) Это **демонстрирует**, что подход к оценке обстоятельств дела, предлагаемый стороной защиты, основан исключительно на действующем в стране законодательстве.*

Эвиденциальный глагол продемонстрировать усиливает персуазивность высказывания о выбранном стороной защиты подходе к оценке обстоятельств дела.

*(8) Вот когда я увидел обвинительное заключение по этому делу, мне как опытному адвокату стало **ясно**, что доказательств в этом деле нет.*

*(9) **Совершенно очевидно**, что он не понимает содержания процитированного закона.*

В данных примерах в качестве маркеров эвиденциальности выступают наречия *ясно* и *очевидно*, которые позволяют говорящему исключить альтернативные интерпретации сложившейся ситуации. Они предполагают, что говорящий признает возможность существования иных точек зрения, но решил свести данное разнообразие к нулю. Использование данных маркеров указывает на то, что у говорящего есть все основания заявлять об отсутствии доказательств или о непонимании свидетелем смысла закона. Наречие *совершенно*, функционирующее как маркер интенсивности, еще больше усиливает персуазивность высказывания.

Помимо глаголов и наречий, функции увеличения иллокутивной силы высказывания служат эвиденциальные существительные:

(10) *Однако подавляющее большинство всех этих показаний ... со всей **очевидностью** оправдывают их.*

(11) *Тем не менее, **факт** остаётся фактом.*

(12) *Их количество само по себе является **доказательством** того, что их деятельность являлась предпринимательской.*

(13) *Защита полагает – и для этого имеются веские **основания**, – что ход следствия во многом определялся родственниками погибшего.*

Указание на надежный источник информации способствует усилению персуазивности высказываний. В рамках судебного процесса таким источником часто служит законодательство, на которое ссылаются стороны для обоснования своей позиции.

(14) ***В соответствии** с пунктом 2 статьи 709 ГК РФ, эти издержки входят в цену, и мы, так сказать, имеем право на компенсацию.*

Наиболее частотные маркеры эвиденциальности, найденные в корпусе текстов защитительных речей, представлены в Таблице 4.

Таблица 4. Наиболее частотные маркеры эвиденциальности

Маркеры эвиденциальности	Частотность
показывать	42
доказательство	38
факт	34
в соответствии	26
согласно	22
демонстрировать	20
очевидно	12
ясно	8

В отличие от маркеров интенсивности, выраженных преимущественно наречиями, данная группа бустеров представлена большим разнообразием лексико-грамматических категорий, среди которых доминируют существительные и глаголы. Также достаточно частотными оказались и производные предлоги.

4.3. Маркеры превосходства

Самой малочисленной группой бустеров оказались маркеры превосходства, обозначающие верхние границы признака или свойства. Приведем примеры из корпуса, в которых прилагательные в превосходной степени помогают адвокатам усилить персуазивность высказываний:

(15) *Подробнейшим* образом Краснихина объясняла оставление этих анализов, а анализы не нашли.

(16) *Постановление, прекращающее дело о «Мерседесах», - ярчайший* пример раболепия и лизоблюдства прокурорских чиновников, любыми путями отмывающих сановных вельмож от ими же признаваемых нарушений.

(17) *Наилучшим* аргументом за то, что адвокат просит Юсубову сказать в суде правду, служит последняя фраза, адресованная ей Лебедевым.

Указывая на верхнюю границу континуума, данные маркеры помогают адвокатам устранить сомнения в истинности пропозиции. Выполняя роль интенсификаторов, они содержат интенциональный компонент, усиливающий иллюкутивную силу персуазивного высказывания.

Наиболее частотные маркеры превосходства, обнаруженные в корпусе, представлены в Таблице 6.

Таблица 6. Наиболее частотные маркеры превосходства

Маркеры превосходства	Частотность
наилучший	22
важнейший	14
ярчайший	10
главнейший	8
наибольший	6

Как показано в таблице, наиболее частотные маркеры превосходства относятся к лексико-грамматической категории прилагательных. Интересно, что в ходе анализа не было найдено ни одного наречия в превосходной степени, которое также способно усилить персуазивность высказывания путем указания на верхнюю границу признака.

4.4. Маркеры уверенности

Маркеры уверенности оказались четвертой по частотности группой бустеров, реализующих интенцию адвоката убедить адресата в достоверности излагаемых фактов путем экспликации уверенности в обоснованности версии защиты и лишения адресата интерпретационного пространства. Маркеры уверенности увеличивают силу пропозиции и делают связь между ней и полученными доказательствами более эффективной. Убедительная речь, как отмечает В. В. Мельник, «способствует формированию такой же внутренней убежденности у председательствующего судьи и присяжных заседателей» [Мельник, 2001].

Ниже приведены примеры, иллюстрирующие, как с помощью эпистемического наречия *безусловно* и краткого прилагательного *уверен* адвокаты пытаются опровергнуть точку зрения стороны обвинения и убедить суд в правильности позиции защиты:

(18) *Безусловно, отсутствие каких-либо корыстных целей расценивается как обстоятельства, смягчающие вину.*

(19) *Уверен, что это не останется без соответствующего продолжения.*

Также с целью придания высказываниям категоричного характера использовалось существительное *сомнение* в комбинации с отрицательным местоимением в роли маркера интенсивности.

(20) *Никаких сомнений нет: ни Ильюшенко, ни Гайданов, ни Киракозов статью Вадима Поэгли не читали.*

Наиболее частотные маркеры уверенности, найденные в корпусе текстов защитительных речей, представлены в Таблице 3. Данные таблицы позволяют увидеть, как интенция адвоката убедить адресата в достоверности излагаемых фактов реализуется лингвистически.

Таблица 3. Наиболее частотные маркеры уверенности

Маркеры уверенности	Частотность
конечно	34
несомненно	30
безусловно	18
уверен	12

Среди маркеров уверенности наиболее частотными являются эпистемические наречия *конечно* и *несомненно*.

4.5. Маркеры солидарности

Солидарность реализуется с помощью языковых средств выражения принадлежности говорящего и адресата к единой социальной группе или дискурсивному сообществу. Маркеры солидарности относятся к одним из наиболее эффективных риторических средств, способствующих увеличению иллюкутивной силы высказывания путем апелляции к общим знаниям, опыту и традициям. Приведем пример:

(21) *Вы же знаете, что в договоре есть пункт, описывающий предмет договора.*

Маркер солидарности помогает говорящему поместить адресата – судью – в рамки дисциплинарного знания, которое доступно всем членам юридического дискурсивного сообщества. Указание на членство в одном сообществе позволяет говорящему сблизиться с адресатом и достичь своей перлюкутивной цели.

Наиболее частотными средствами создания эффекта солидарности оказались личные местоимения первого лица множественного числа:

(22) *Не случайно в речи прокурора **мы** так и не услышали ни одного довода в обоснование правовой оценки деяния.*

(23) *А слову печатному, слову, звучащему с телеэкрана, **мы** так привыкли верить.*

Инклюзивное местоимение первого лица создаёт эффект включённости адресата в единое (для адресанта и адресата) коммуникативное пространство, указывает на общий опыт переживания ситуации. Кроме того, использование личных местоимений первого лица множественного числа создает эффект доверительного общения адвоката с аудиторией. Конструируя событие преступления, адвокат заявляет о своих намерениях таким образом, чтобы интенциональные горизонты говорящего и адресата слились в одной точке.

В Таблице 7 представлены наиболее частотные маркеры солидарности.

Таблица 7. Наиболее частотные маркеры солидарности

Маркеры солидарности	Частотность
мы / нам / нас / наш	38
известно	22
знаем	14
давайте	14

Как показал анализ лексических средств реализации солидарности, адвокаты наиболее часто используют с этой целью местоимения первого лица множественного числа, краткое прилагательное известно, эпистемический глагол знать в первом лице множественного числа и глагол в повелительном наклонении *давайте*, имеющими значение приглашения к совместному действию.

5. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Как показало исследование, ориентированность защитника на адресата – судью и/или присяжных заседателей – заставляет использовать различные метадискурсивные средства, включая бустеры, усиливающие персуазивность высказываний. Эффективность судебной речи, достижение перлокутивного эффекта во многом определяются правильным выбором метадискурсивных категорий и языковых средств их реализации.

В корпусе исследуемых текстов были найдены пять разновидностей бустинга – метадискурсивной категории, используемой для продуцирования персуазивных высказываний и поддержания эффективных отношений с адресатом: маркеры уверенности, маркеры эвиденциальности, маркеры интенсивности, маркеры превосходства и маркеры солидарности, реализующие пять прагматических функций: демонстрация уверенности говорящего в истинности пропозиции, указание на достоверность источника информации, увеличение эмоциональной силы высказывания, обозначение верхней границы континуума, указание на общеизвестные факты, совместный опыт переживания явления или ситуации. Было уста-

новлено, что наиболее часто с целью усиления персуазивности высказываний адвокаты использовали маркеры интенсивности и маркеры эвиденциальности. Частотность маркеров солидарности была значительно ниже остальных.

В ходе анализа было выявлено, что на лексическом уровне бустинг преимущественно реализуется с помощью эвиденциальных глаголов и существительных, наречий меры, степени и времени и прилагательных в превосходной степени. Частотными также оказались и местоимения первого лица множественного лица.

Представляется, что правильное использование бустеров в судебном дискурсе является показателем прагматической компетентности юриста и залогом эффективной коммуникации с адресатом. Результаты анализа частотности языковых средств реализации бустеров могут быть использованы начинающими адвокатами при построении защитительных речей.

В качестве перспективы исследования можно указать на необходимость сопоставительного анализа бустеров и других метадискурсивных средств в защитительной и обвинительной речи, а также в речах, произнесенных в суде с участием и без участия присяжных заседателей.

Конфликт интересов:

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Артемова Т. В. Нарратив как механизм реализации замысла оратора (на примере судебных речей А. Ф. Кони) // *Современные проблемы науки и образования*. 2013. № 6. С. 767.
2. Богинская О.А. Состязание – игра – ритуал: о трех аспектах коммуникативного взаимодействия в зале суда // *Вестник Томского государственного университета. Филология*. 2022. № 76. С. 5–27. doi:10.17223/19986645/76/1
3. Викторова Е.Ю. Хеджи vs бустеры: коммуникативное смягчение и усиление в жанре официального отзыва на диссертацию // *Жанры речи*. 2023. Т. 18. № 2 (38). С. 126–131. doi: 10.18500/2311-0740-2023-18-2-38-126-131
4. Волкова Я. А., Панченко Н. Н., Пригарина Н. К. Дискоммуникация: межкультурный, дискурсивный и лингвоэкологический аспекты // *Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание*. 2023. Т. 22 (1). С. 138–150. <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2023.1.11>
5. Гущина Г.И. Категория категоричности / некатегоричности высказывания в системе норм речевой коммуникации (на материале русских и английских диалогов) // *Вестник Башкирского университета*. 2008. № 13 (4). С. 982-985.
6. Девяткина В.В. Современная речь адвоката в системе функциональных стилей литературного русского языка: дисс. ... канд. филол. наук. Саратовская государственная академия права. Саратов, 2006.
7. Крапивкина О.А. О дуализме судебных дискурсивных практик // *Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Проблемы языкознания и педагогики*. 2018. № 4. С. 90-98.

8. Крапивкина О.А. Опыт анализа дискурсивных практик как форм социального взаимодействия (на материале судебных Телешоу) // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2017. № 46. С. 21-30. doi:10.17223/19986645/46/2
9. Кузнецова Е.А. Ораторская маска в судебной защитительной речи: на материале выступлений Ф. Н. Плевако: дис. ... канд. филол. наук. Барнаул, 2005.
10. Кыркунова Л.Г. Судебная речь: методика работы над композицией // Юрислингвистика. 2010. № 10 (10). С. 266-271.
11. Малышкин К.Ю., Никитина Л.Б. Лексико-грамматические маркеры категоричности высказывания // Омский научный вестник. 2014. № 5 (132). С. 108-110.
12. Мельник В.В. Ораторское искусство как средство построения убедительной судебной речи в состязательном уголовном процессе // Российское право. 2001. № 9. С. 139-144.
13. Палашевская И.В. Состязательный и персуазивный аспекты судебного разбирательства // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2011. № 1. С. 137- 141.
14. Шатин Ю.В., Силантьев И.В. Российский судебный дискурс в свете теории аргументации // Критика и семиотика. 2020. № 2. С. 401-412. doi: 10.25205/2307-1737-2020-2-401-412
15. Aldridge M., Luchjenbroers J. Linguistic manipulations in legal discourse: Framing questions and “smuggling” information // International Journal of Speech, Language, and Law. 2007. Vol. 14 (1). P. 83–105.
16. Boginskaya O. Dissenting with conviction: Boosting in challenging the majority opinion // International Journal of Legal Discourse. 2022a. Vol. 7 (2). P. 257-279.
17. Boginskaya O. Popularizing in legal discourse: What efforts do Russian judges make to facilitate juror’s comprehension of law-related contents? // Discourse studies. 2022b. Vol. 24 (5). P. 1-15.
18. Cao D. Legal translation studies // C. Millan-Varela & F. Bartrina (Eds.). The Routledge handbook of translation studies. London and New York: Routledge, 2013. P. 113-129.
19. Carranza I. Metapragmatics in a courtroom genre // Pragmatics. 2008. Vol. 18 (2). P. 169-188. doi:10.1075/prag.18.2.01car
20. Chaemsaitong K. Interactive patterns of the opening statement in criminal trials: A historical perspective // Discourse Studies. 2014. Vol. 16 (3). P. 347–364.
21. Cheng L., King K.S. Terminological equivalence in legal translation: A semiotic approach // Semiotica. 2008. Vol. 172. P. 33–45.
22. Cotterill J. Language and power in court: A linguistic analysis of the O. J. Simpson trial. New York: Palgrave MacMillan, 2003.
23. Gotti M. Linguistic insights into legislative drafting // Theory and Practice of Legislation. 2014. Vol. 2 (2). P. 123-143. doi:10.5235/2050-8840.2.2.123
24. Heffer C. The language of jury trial. Houndmills, UK: Palgrave, 2005.
25. Hu P.C., Cheng L. A study of legal translation from the perspective of error analysis // International Journal of Legal Discourse. 2016. Vol. 1 (1). P. 235–252. doi:10.1515/ijld-2016-0007
26. Hyland K. Metadiscourse: Exploring Interaction in Writing. London: Continuum, 2005.
27. Hyland K., Zou H. “I believe the findings are fascinating”: Stance in three-minute theses // Journal of English for Academic Purposes. 2021. Vol. 50. P. 100973. <https://doi.org/10.1016/j.jeap.2021.100973>

28. Kurzon D. Law and Language: Overview // Encyclopedia of language and linguistics. London, Amsterdam: Elsevier, 2006. P. 728-731. <https://doi.org/10.1016/B0-08-044854-2/04718-0>
29. Panchenko N.N., Volkova Ya.A. Categoricalness in scientific discourse // Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences. 2021. Vol. 14 (4). P. 535–543. <http://dx.doi.org/10.17516/1997-1370-0740>
30. Rosulek F.L. Dueling discourses: The construction of reality in closing arguments. New York: Oxford University Press, 2015.
31. Takimoto M. A Corpus-Based Analysis of Hedges and Boosters in English Academic Articles // Indonesian Journal of Applied Linguistics. 2015. Vol. 5 (1). P. 95–105. <http://dx.doi.org/10.17509/ijal.v5i1.836>
32. Tracy K., Hodge D. Judge Discourse Moves that Enact and Endanger Procedural Justice // Discourse and Society. 2018. Vol. 29 (1). P. 63–85. <https://doi.org/10.1177/0957926517726112>
33. Yang M., Wang M. A science mapping of studies on courtroom discourse with CiteSpace // International Journal of Legal Discourse. 2021. Vol. 6 (2). P. 291-322. <https://doi.org/10.1515/ijld-2021-2057>
34. Zou H., Hyland K. Reworking research: Interactions in academic articles and blogs // Discourse Studies. 2019. Vol. 21 (6). P. 713-733.

REFERENCES

1. Aldridge, M., & Luchjenbroers, J. (2005). Linguistic manipulations in legal discourse: Framing questions and “smuggling” information. *International Journal of Speech, Language, and Law*, 14(1), 83–105.
2. Artemova, T.V. (2013). Narrativ kak mekhanizm realizacii zamysla oratora (na primere sudebnyh rechej A. F. Koni) [Narrative as a mechanism for realizing the speaker’s plan (using the example of court speeches by A.F. Koni)]. *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya* [Modern problems of science and education], 6, 767 (in Russian).
3. Boginskaya, O.A. (2022). Sostyazanie – igra – ritual: o trekh aspektakh kommunikativno-go vzaimodeistviya v zale suda [Competition – game ritual: three aspects of communicative interactions in the courtroom]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya* [Tomsk State University Journal of Philology], 76, 5–27 (in Russian). doi:10.17223/19986645/76/1
4. Boginskaya, O. (2022a). Dissenting with conviction: Boosting in challenging the majority opinion. *International Journal of Legal Discourse*, 7(2), 257-279.
5. Boginskaya, O. (2022b). Popularizing in legal discourse: What efforts do Russian judges make to facilitate juror’s comprehension of law-related contents? *Discourse studies*, 24(5), 1-15.
6. Cao, D. (2013). Legal translation studies. In C. Millan-Varela & F. Bartrina (Eds.). *The Routledge handbook of translation studies* (113-129), London and New York: Routledge.
7. Carranza, I. (2008). Metapragmatics in a courtroom genre. *Pragmatics*, 18(2), 169-188. doi:10.1075/prag.18.2.01car
8. Chaemsaitong, K. (2014). Interactive patterns of the opening statement in criminal trials: A historical perspective. *Discourse Studies*, 16(3), 347–364.
9. Cheng, L., & King, K.S. (2008). Terminological equivalence in legal translation: A semi-otic approach. *Semiotica*, 172, 33–45.
10. Cotterill, J. (2003). *Language and power in court: A linguistic analysis of the O. J. Simpson trial*. New York: Palgrave MacMillan.

11. Devyatkina, V.V. (2006). *Sovremennaya rech' advokata v sisteme funkcional'nyh stilej literaturnogo russkogo yazyka* [Modern speech of a lawyer in the system of functional styles of the literary Russian language] [Candidate's thesis, Saratov State Law Academy]. Saratov, Russia (in Russian).
12. Gotti, M. (2014). Linguistic insights into legislative drafting. *Theory and Practice of Legislation*, 2(2), 123-143. doi:10.5235/2050-8840.2.2.123
13. Gushchina, G.I. (2008). Kategoriya kategorichnosti / nekategorichnosti vyskazyvaniya v sisteme norm rechevoj kommunikacii (na materiale russkikh i anglijskikh dialogov) [The category of categorical / non-categorical statements in the system of norms of speech communication (on the material of Russian and English dialogues)]. *Vestnik Bashkirskogo universiteta* [Bulletin of Bashkir University], 13(4), 982-985 (in Russian).
14. Heffer, C. (2005). *The language of jury trial*. Houndmills, UK: Palgrave.
15. Hu, P.C., & Cheng L. (2016). A study of legal translation from the perspective of error analysis. *International Journal of Legal Discourse*, 1(1), 235-252. doi:10.1515/ijld-2016-0007
16. Hyland, K. (2005). *Metadiscourse: Exploring Interaction in Writing*. London: Continuum.
17. Hyland, K., & Zou, H. (2021). "I believe the findings are fascinating": Stance in three-minute theses. *Journal of English for Academic Purposes*, 50, 100973. <https://doi.org/10.1016/j.jeap.2021.100973>
18. Krapivkina, O.A. (2018). O dualizme sudebnyh diskursivnyh praktik [On the dualism of judicial discursive practices]. *Vestnik Permskogo natsional'nogo issledovatel'skogo politekhnicheskogo universiteta. Problemy yazykoznaniya i pedagogiki* [PNRPU Linguistics and Pedagogy Bulletin], 4, 90-98 (in Russian).
19. Krapivkina, O.A. (2017). Opyt analiza diskursivnyh praktik kak form social'nogo vzaimodejstviya (na materiale sudebnyh Teleshou) [Analysis of discourses as forms of social interaction: a case study of court shows]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya* [Tomsk State University Journal of Philology], 46, 21-30 (in Russian). doi:10.17223/19986645/46/2
20. Kurzon, D. (2006). Law and Language: Overview. In *Encyclopedia of Language & Linguistics* (pp. 728-731). Elsevier. <https://doi.org/10.1016/B0-08-044854-2/04718-0>
21. Kuznetsova, E.A. (2005). *Oratorskaya maska v sudebnoj zashchitel'noj rechi: na materiale vystuplenij F. N. Plevako* [Oratorical mask in a judicial defense speech: based on the speeches of F. N. Plevako] [Candidate's thesis]. Barnaul, Russia (in Russian).
22. Kyrkunova, L.G. (2010). Sudebnaya rech': metodika raboty nad kompoziciej [Judicial speech: methods of working on composition]. *Yurislingvistika* [Legal Linguistics], 10(10), 266-271 (in Russian).
23. Malyshkin, K.Yu., & Nikitina, L.B. (2014). Leksiko-grammaticheskie markery kategorichnosti vyskazyvaniya [Lexical and grammatical markers of categorical statements]. *Omskii nauchnyi vestnik* [Omsk Scientific Bulletin], 5(132), 108-110 (in Russian).
24. Melnik, V.V. (2001). Oratorskoe iskusstvo kak sredstvo postroeniya ubeditel'noj sudebnoj rechi v sostyazatel'nom ugolovnom processe [Public speaking skills as a means of constructing a convincing judicial speech in adversarial criminal proceedings]. *Rossiiskoe pravo* [Russian law], 9, 139-144 (in Russian).
25. Palashevskaya, I.V. (2011). Sostyazatel'nyi i persvazivnyi aspekty sudogovoreniya [Court rhetoric in agonal and persuasive perspectives]. *Proceedings of Voronezh State University. Series: Linguistics and intercultural communication*, 1, 137-141 (in Russian).

26. Panchenko, N.N., & Volkova, Ya.A. (2021). Categoricalness in scientific discourse. *Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences*, 14(4), 535–543. <http://dx.doi.org/10.17516/1997-1370-0740>
27. Rosulek, F.L. (2015). *Dueling discourses: The construction of reality in closing arguments*. New York: Oxford University Press.
28. Shatin, Yu.V., & Silantev, I.V. (2020). Rossijskij sudebnyj diskurs v svete teorii argumentacii [Russian judicial discourse in the light of the theory of argumentation]. *Kritika i semiotika [Critique and Semiotics]*, 2, 401-412 (in Russian). doi:10.25205/2307-1737-2020-2-401-412
29. Takimoto, M. (2015). A Corpus-Based Analysis of Hedges and Boosters in English Academic Articles. *Indonesian Journal of Applied Linguistics*, 5(1), 95–105. <http://dx.doi.org/10.17509/ijal.v5i1.836>
30. Tracy, K., & Hodge, D. (2018). Judge Discourse Moves that Enact and Endanger Procedural Justice. *Discourse and Society*, 29(1), 63–85. <https://doi.org/10.1177/0957926517726112>
31. Viktorova, E.Yu. (2023). Khedzhi vs bustery: kommunikativnoe smyagchenie i usilenie v zhanre ofitsial'nogo otzyva na dissertatsiyu [Hedges vs boosters: Communicative mitigation and enhancement in the genre of dissertation review]. *Zhanry rechi [Speech Genres]*, 18(2), 126–131 (in Russian). doi: 10.18500/2311-0740-2023-18-2-38-126-131
32. Volkova, Ya.A., Panchenko, N.N., & Prigarina, N.K. (2023). Diskommunikatsiya: mezhkul'turnyi, diskursivnyi i lingvoekologicheskii aspekty [Discommunication: Intercultural, Discursive and Linguoecological Aspects]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics]*, 22(1), 138-150 (in Russian). <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2023.1.11>
33. Yang, M., & Wang, M. (2021). A science mapping of studies on courtroom discourse with CiteSpace. *International Journal of Legal Discourse*, 6(2), 291-322. <https://doi.org/10.1515/ijld-2021-2057>
34. Zou, H., & Hyland, K. (2019). Reworking research: Interactions in academic articles and blogs. *Discourse Studies*, 21(6), 713-733.

Информация об авторе:

Богинская Ольга Александровна – доктор филологических наук, профессор кафедры иностранных языков Иркутского национального исследовательского технического университета. ORCID ID: 0000-0002-9738-8122.

Получено: 6 ноября 2023 г.

Принято к публикации: 20 декабря 2023 г.

METADISCURSIVE BOOSTING IN RUSSIAN COURTROOM DISCOURSE: ENHANCING PERSUASIVENESS IN DEFENSE SPEECHES

Olga A. Boginskaya

Irkutsk National Research Technical University (Irkutsk, Russia)

olgaa_boginskaya@mail.ru

Abstract: Recent studies are revealing new aspects of courtroom discourse, examining its generation and applying novel analytical methods. Yet, despite their significance and complexity, the use of metadiscursive tools remains scarce. These tools offer substantial promise for analyzing discursive practices, increasingly seen as not just informative but also interactive and impactful. The inherently interactive and persuasive nature of courtroom discourse underscores the need for metadiscourse as a potent analytical instrument. Such an instrument encompasses mechanisms for expressing attitudes toward the propositional content and for drawing the recipient into a dialogue with the speaker. This article addresses the metadiscursive dimension of defense speeches as a distinct genre within courtroom discourse. The study uses quantitative analysis on a corpus of Russian-language courtroom texts, innovatively applying metadiscursive analysis to identify linguistic elements that enhance the persuasiveness of defense speeches, with a focus on the technique of boosting. Throughout the study, five types of boosters were identified – markers of certainty, evidentiality, intensity, solidarity, and superiority – each serving one of five pragmatic functions: to show the speaker's confidence in the truth of their assertions, to point to the credibility and reliability of the source, to amplify the emotional impact of the statement, to denote the upper bounds of a continuum, and to reference commonly known facts or shared experiences of events or situations. The study reveals that boosting at the lexical level is predominantly achieved through the use of evidential verbs and nouns, adverbs of measure, degree, and time, as well as superlative adjectives. Additionally, the frequent use of first-person plural pronouns was observed. The findings suggest that adept use of boosters in courtroom discourse is indicative of a lawyer's pragmatic competence and is crucial for effective communication with the court and the jury.

Keywords: courtroom discourse, the defense closing argument, booster, persuasiveness, metadiscourse.

How to cite this article: Boginskaya, O.A. (2024). Metadiscursive Boosting in Russian Courtroom Discourse: Enhancing Persuasiveness in Defense Speeches. *Professional Discourse & Communication*, 6(1), 26–43 (in Russian). <https://doi.org/10.24833/2687-0126-2024-6-1-26-43>

About the authors

Olga A. Boginskaya, Dr. Sci. (Philology), is a Professor in the Department of Foreign Languages at Irkutsk National Research Technical University (Irkutsk, Russia). ORCID ID: 0000-0002-9738-8122.

Received: November 6, 2023.

Accepted: December 20, 2023.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

<https://doi.org/10.24833/2687-0126-2024-6-1-44-68>

QUESTION TYPOLOGY IN KENYAN TV ARGUMENTATIVE TALK SHOWS

Loice W. Mwai

Kenyatta University (Kenya)

wamaithaliz@gmail.com

Geoffrey M. Maroko

Machakos University (Kenya)

gmaroko@mksu.ac.ke

Daniel O. Orwenjo

Technical University of Kenya (Kenya)

orwenjo@gmail.com

Emily A. Ogutu

Kenyatta University (Kenya)

eatogutu@yahoo.com

Abstract: The argumentative talk on radio and TV has become a popular feature of media discourse in Kenya. Question-answer sequences as the talk unfolds through the joint participation of co-participants in the talk have emerged as a means to put argumentative talk into effect. Yet, the nature of questions and their categorization remain little understood. Given the recursive nature of question-answer sequences, this paper investigates question typology that sets apart argumentative talk shows from other types of talk. The data consists of transcripts from two Kenyan TV argumentative talk shows: *Checkpoint* on KTN and *Opinion Court* on Citizen TV. A question classification scheme by Schirm [2008] was used to discuss the incidence and usage of questions in argumentative talk shows. Findings revealed that clashing, rhetorical, classic clarifying, and opinion-eliciting questions were the most frequently used types in the data sets. It was also noted that different question types served unique rhetorical purposes leading to the conclusion that argumentative talk shows on TV exhibit recursive interactional resources qualifying it as a genre.

Keywords: media, question typology, genre, generic features, argumentative talk shows.

How to cite this article: Mwai, L.W., Maroko, G.M., Orwenjo, D.O., Ogutu, E.A. (2024). Question Typology in Kenyan TV Argumentative Talk Shows. *Professional Discourse & Communication*, 6(1), 44–68. <https://doi.org/10.24833/2687-0126-2024-6-1-44-68>

1. INTRODUCTION

The argumentative talk show is emerging as an opinion-shaping genre in Kenyan political discourse. It usually involves a moderator and opposing teams with occasional recourse to the audience. One main rhetorical device the moderator employs to shape the dialogue in talk shows is the strategic use of questions. Schirm [2009] recognizes the importance of questions as a means of persuasion and the expression of poignancy. She further avers that questions in interactive texts have not only been used since the time of Aristotle but have also generated research interest over the years.

Questions can be defined formally (e.g., by syntactic, semantic or intonational criteria or combinations of all) or one can define them functionally (in pragmatic, speech act sense), by identifying what they accomplish in interaction. Question-answer exchanges are common examples of the basic unit of social interaction referred to as adjacency pairs [Sacks, 1992; Schegloff & Sacks, 1973]. The adjacency pair consists of two utterances made by different people in a fixed sequence such as one asking a question and the other one responding to it. In general, by asking a question the speaker positions himself/herself as lacking certain knowledge. This is referred to as the 'K-' position. Simultaneously, it implies that the addressee is knowledgeable, which is referred to as a 'K+' position. Questioning therefore brings into play an epistemic gradient between interlocutors, which then makes a response to the question relevant. The speaker then having received and accepted the answer, moves from a 'K-' position to a 'K+' position, which he/she should indicate with an acknowledging response [Jagtiani, 2013]. In the talk shows under study, hosts elicit information through a question-answer sequence on behalf of the wider audience; hence, the wider audience may be treated as the addressee lacking certain knowledge or information. The main objective of this paper is to therefore analyze the question typology that sets apart the argumentative talk show genre on Kenyan TV stations from other genres. It further discusses the function of each category of questions towards the achievement of the communicative goal of the given talk shows: *Opinion Court* on Citizen TV and *Checkpoint* on KTN.

Questions have been classified differently: on their formal or structural properties [Quirk, et al., 1985] as well as on their functions [Schirm, 2008], therefore different typologies exist. Quirk et al. [1985] classify questions into three major types on the basis of their form. The first type is the WH-questions, which invite a reply from an open range of options. They are often marked by the presence of an interrogative word (e.g. what, which, when, why, how) that specifies the element the answer is to be oriented to. For example, in the question 'Why is the government against dialogue?' The word 'Why' expects a response relating to reason rather than manner or place. Second are the Yes/No questions, which expect an answer that confirms or negates what the questioner asks. Third are alternative questions, also called choice questions that expect, as the reply, one of the options contained in the question itself. The Yes/No questions provided by Quirk et al. [1985] are further divided into subclasses. The first subclass involves inversion of the subject and the operator (e.g. 'Does he go to school?'). Inverting the subject and the operator gives rise to the characteristic syntactic form of Yes/No questions in English. The second class involves adding rising intonation to declarative statements (e.g. 'He goes to school?'). This question is marked in the sense that the speaker poses the question in anticipation of a confirmation [Strivers, 2010].

The third subclass is the tag questions (e.g. You go to school, don't you?/ You don't go to school, do you?). The tag question is appended to a statement. The yes/no questions have a different orientation that gives rise to negative Yes/No questions [Quirk et al., 1985; de Ruiter, 2012]. The negative questions are framed in a way that shows the bias of expectation to a given response. In the following contrast:

Are you taking exams?

Aren't you taking exams?

The first question is neutral with regard to speaker expectations, but the negative question signals that he or she is hoping for a positive answer but not really expecting one. For this reason, negative questions may be conducive, i.e., they may indicate that the speaker is predisposed to the kind of answer he wishes [Quirk et al., 1985]. Respondents then can either comply with or resist these constraints. According to Raymond [2003] and Strivers [2011], where Yes/No responses occur, such responses are called *type-conforming* since they are predominantly produced as answers to polar questions. Generally, the type conforming to Yes/No responses can stand alone or they can occur in turn-initial position with further components added, for example: 'Yes, we can dialogue.' Departures from such responses are done for certain interactional purposes and have different sequential consequences. On the other hand, *non-conforming* responses to a polar question occur when a respondent provides an explanation instead of responding with a Yes/No answer. These questions were evident in our data under negative debating questions. Heritage's [2002] study of news interviews records that interviewers' negative questions are posed "under the auspices of an ideology of 'neutrality'" [Heritage, 2002, p.1430], but in reality, they allow for the interviewer to project an expected answer.

Questions that occur in talk shows can be described using four parameters as advanced by Ilie [1994, 1999] and Schirm [2008]. These are the role and competency of the participant asking the question, as well as the standardness and the sequential place of the question itself. As far as the role of the person asking the question is concerned, questions in talk shows can be asked by either the moderator or a guest. Sequential place refers to the place of the question within the turn sequence it occurs in. A question is the result of competency if it is within the role of the person asking it, while it is not if it does not fit this role. A question is standard if it is asked because of a gap in the knowledge of the person asking it, and if this person expects an overt verbal answer; otherwise, it is nonstandard. The strength of this taxonomy is that it recognizes the differences between the two participants in the moderated talk shows, the characteristics of these roles, and the communicative functions of the question type in the conversation.

The discourse function of questions is "to seek information on a specific point" [Quirk et al., 1985, p. 804]. However, there are questions that do not seek information and there are statements that do [de Ruiter, 2012]. In this context, it needs to be mentioned that the syntactic form of questions cannot always be taken to indicate its pragmatic function. For example, there are formal statements like 'You are married' that request information and formal questions like 'Are you kidding?' that do not. Hence, it is questionable to call all utterances 'questions' in the interrogative mood sense of asking something. In an almost similar vein, Strivers [2011] notes that there are several ways (syntactically, lexically, intonationally and by content) to indicate that an utterance is a question. Pragmatic functions of questions can also be identified, by establishing what they accomplish in interaction. It therefore follows that in order to be sure of what counts as a question and what its pragmatic functions are, all available information needs to be taken into account. It is this view of questions that this study adopted so that assigning the question type was dependent on

their form, content as well as their communicative function in their context of use. This dimension was partly justified by Kuhlen's [2012] argument that the type of question used in broadcast talk depends on the local interaction and the nature of the communicative activity.

Schirm [2009] presents a typology of questions that may be used to shape the rhetorical structure of talk shows while Swales [1990; 2004] argues that such typicality of language use defines a genre. In the Kenyan talk show context, therefore, what are the features of the various kinds of question types? What roles do these questions serve in the argumentative talk shows? Focusing on three participant roles, namely the talk show hosts, the panellists and the wider audience, this paper discusses the question types that characterize the Kenyan argumentative talk shows and their attendant pragmatic roles in a bid to delineate the generic features of talk shows.

2. MATERIAL AND METHODS

2.1. Corpus

The corpus was made up of transcripts of two Kenyan TV talk shows presented in the year 2014. These are *Opinion Court* on Citizen TV and *Checkpoint* on KTN. Two broadcasts of each of the programmes were recorded. *Opinion Court* is normally presented on Thursdays from 9:40 p.m. and runs for about 45 minutes, while *Checkpoint* is presented on Sundays and runs for 60 minutes. This means that a total of 4 broadcasts were recorded, resulting in 210 minutes of conversational data sets. The recordings constituted the linguistic data that was analyzed to describe the question typology in the Kenyan TV argumentative talk shows.

2.2. Methodology

To capture the four interactional episodes in the TV programmes, one of us used a digital audio recorder to record and upload talk shows onto a computer for storage. This would also allow for repeated replays during transcription of the data. Transcription of each of the talk shows recorded was done using standard orthography transcription combined with notational conventions that follow the model developed by Jefferson [1974]. This Conversational Analysis model captures the verbal and prosodic details of speech, such as in-breaths, cut-offs, simultaneous speech, and pauses, insofar as they became analytically relevant. The researcher then shared the transcriptions with the three of us in a consultative meeting meant to both listen to the recordings and assess the accuracy of the transcriptions. This exercise allowed us to raise and resolve any minor transcription errors.

The next line of engagement was on how we would code the question typologies in the two data sets. We agreed to adopt and adapt a typology by Schirm [2008] which broadly classifies questions into dispute-directing, argumentative and clarifying ones. Under each broad class, there are other subclasses. We summarized these dimensions in Table 1:

Table 1. Question Types on the Basis of Role, Competency, Standardness, and Sequential Place

Class/Question Type	Role	Competency	Standardness	Sequential place
1. Dispute directing questions				
a) Dispute starting	Host	+	Not standard	T1(at the start of dispute)
b) Clashing questions	Host	+	Not standard	T2

c) Topic changing	Host /guest	+ /-	Standard/not standard	T1
2. Argumentative questions				
a) Negative debating question	Host/ guest	+/-	Non-standard	T1, T2
b) Attacking echo	Host	+	Not standard	T3
c) Attack back	Host/guest	+	Not standard	T3
d) Rhetorical questions	Host/guest	+	Not standard	Anywhere
3. Clarifying questions				
a) Classic clarifying	Host/guest	+/-	Standard	T3
b) Opinion eliciting	Host	+	Standard	T1
c) Examination	Host/guest	+/-	Standard	T1
d) Permission eliciting	Host/Guest	+	Standard	Pre-T1

Adapted from Anita Schirm [2008].

Notes:

- The plus (+) sign indicates competency, i.e. it is within the role of the participant asking it.
- The minus (-) sign indicates that it is not within the role of the speaker asking.

For example, in the opinion eliciting question, Host (+) means that the question is the result of competency because it is within the role of the host to raise it. Secondly, Topic changing question, Guest (-) means that the question is a result of lack of competency because the person asking it, in this case, the guest, does not fit the role of asking questions. For Standardness, a question is standard if it is asked because of a gap in the knowledge of the person asking it, and if the person expects an overt verbal answer. For example, *When does the government plan to provide laptops to primary school children?*

T1- the question occurs within the first turn of a question-answer sequence

T2- the question occurs at turn two of the sequence

Pre-T1 - turn-question occurring before the sequence

For example:

T1H: *I want to start with you Prof..... did Saba Saba live up to your expectations? Did CORD deliver what you think they had set out to?*

T2P1: *Yes and no. And ah in the point of yes, they re-emphasized the point that there are problems in this country that require urgent attention...*

The dispute-starting question at turn 1 (T1) above occurs at the first turn of the Question-Answer sequence. The response occurs at turn 2 (T2).

List of abbreviations:

T: Represents speaking turn so that T1 is the first speaking turn in the sequence.

P: Panelist

H: Talk show host

CA: Conversational Analysis

CORD: Coalition of Reforms and Democracy

IGP: Inspector General of Police

KANU:	Kenya African National Union
ODM:	Orange Democratic Movement
Q-A:	Question – Answer
Q-A-A:	Question- Answer- Answer
TNA:	The National Alliance
URP:	United Republican Party

The features of interest; that is, question types in the examples given are put in *italics* font.

After agreeing on the question types to look out for from the transcripts, each of us conducted independent identification and determination of incidence for each category of questions in the two data sets. Each of us summarized the analysis in a frequency table and listed examples of each question type per data set on a separate sheet of paper.

Before reporting our findings, we reconvened to check our individual analyses for inter-rater reliability. We were guided by an approach developed by Fleiss [1971] to establish the Kappa co-efficient using the following formula:

$$K = \frac{P(A) - P(E)}{1 - P(E)}$$

Where P (A) was the proportion of the times that we agreed and P(E) was the proportion of the times that we would agree by chance. Perhaps because of the fewer categories of questions involved and the number of talk shows involved in the study, our kappa coefficient was 0.95 which according to Landis and Koch [1977] is rated as “almost perfect agreement.” This gave us the confidence to conflate our individual analyses into one.

Since this study sought to describe the distribution and pragmatic use of different kinds of questions according to Schirm [2008; 2009], the mixed method design procedure by Creswell & Plano Clark [2011] was adopted. Data were analysed in an explanatory sequential format which entailed first determining the incidence of question types in the study corpus followed by qualitative analysis of contextual use. The description of the question types was also supported by the work of Raymond [2003] and Strivers [2011]. As Wangari & Maroko [2023] explain, the mixed method approach is explanatory because the outcome of the quantitative analysis forms the basis for qualitative explanation while it is sequential since the initial quantitative stage is followed by the qualitative phase.

3. RESULTS AND DISCUSSION

3.1 Incidence for question types

Regarding question types and number of occurrences in the two data sets, the summary in Table 2 was generated.

Table 2. Incidence for Question Typologies

	Citizen TV	KTN	
Question type	No. of occurrence	No. of occurrence	Percentage (%)
Dispute directing			
(a) Dispute starting	4	2	5.1
(b) Clashing questions	8	7	12.7

(c) Topic changing	3	1	
Argumentative questions			
(a) Negative selecting	3	2	5.1
(b) Attacking echo	6	7	11.0
(c) Attack back	4	3	5.9
(d) Rhetorical questions	7	8	12.7
Clarifying questions			
(a) Classic clarifying	11	11	18.6
(b) Opinion eliciting	9	9	15.3
(c) Examination	3	2	5.1
(d) Permission eliciting	5	3	6.8
Total	63	55	100

N=118

It is notable from Table 2 that in most of the cases, there was near parity in the number of occurrences of a question type across the TV station programmes. This was particularly the case among clashing questions, negative selecting, attacking echo, attack back, rhetorical questions, classifying questions and examination questions. Across the TV stations, clashing questions, attacking echo, rhetorical questions, classic clarifying and opinion eliciting appeared the most popular types with a combined incidence of 70.3%.

Clashing questions were often picked by the hosts from the two conflicting sides of the debate as they strove to be objective in sustaining the talk. Objectivity is an umbrella concept that encompasses a range of journalistic values including factual accuracy, balance between opposing views, and neutrality in presentation [Clayman & Heritage, 2002; Clayman et al., 2020]. So in such cases, the host is expected to uphold diverse and often conflicting aspects of objectivity simultaneously.

The significant number of attacking echo questions were mainly used by the hosts to aggressively challenge the stance of the panelists in order to elicit credible and valid information from them, and also make them accountable for the information they give. This way of expressing accountability in the talk exemplifies a claim that “the interactional accountability of answering questions is the fundamental basis for the public accountability of public figures” [Clayman cited in Montgomery, 2007, p.211]. On the other hand, rhetorical questions confer a higher argumentative value on the question, which normally exhibits a strong argumentative force because they are known to imply the speaker’s firm commitment to their implied answer.

Classic clarifying questions recorded high occurrences as hosts challenged the panelists to give credible facts to support their opinions, and/or to clarify some facts. Similarly, the high frequency of opinion-eliciting questions identifies it as a source of interactional order. The host strives to get the opinions of all the panellists present with the motivation to sustain an objective talk. One would therefore expect that the opinion-eliciting questions would be more objective.

3.2. Qualitative analysis of the question types

In this section, we illustrate the question types according to Schirm [2008] giving an example from either of the TV stations. The discussion focuses on both the form and the function of the questions.

3.2.1. Dispute-Directing Questions

Dispute-directing questions are specific questions whose institutional function is to direct a dispute or an argument. In institutional talk shows, the role of the moderator is to initiate the conversation and to elicit the opposing views of the guests as well as to monitor that the dispute does not run too heated. In accordance with the role of directing, a moderator's dispute-directing questions, which enjoy competency, include dispute-starting questions, clashing questions, and topic-changing questions. These questions are illustrated as follows: (a) Dispute Starting Questions, (b) Clashing Questions and (c) Topic Changing Questions.

3.2.1.a. Dispute-Starting Questions

These are questions that are typically generated by the host/moderator after introducing the topic and the guests in the opening segment. They thus enjoy competency and typically occur at the beginning of a turn sequence. The following are examples of dispute-directing questions from some of the programmes recorded:

Example 1 KTN

T1H: *Members of CORD are saying this has been misinterpreted ...Prof A I want to give you a chance and I want you to respond to that... What exactly does national dialogue mean? What will be the terms for that?*

T2P1: *Well I am glad that it is in the media so that it is not misunderstood. But you know we have some very urgent issues that are of national importance. The issue of security is not an issue we can only leave to the government. It is a national issue requiring the participation of everybody...*

In Example 1, the topic of discussion is the national dialogue that the opposition party CORD is trying to push for. However, the government is alleged to be opposed to the idea of holding the dialogue. The talk show host points out that the opposition members claim to have been misinterpreted. This already displays a contentious issue. She therefore directs the first question to one of the participants, a political analyst, to kick off the argument, "*Prof __ I want to give you a chance and I want you to respond to that.... What exactly does national dialogue mean? What will be the terms for that?*" This is a WH-question marked by the presence of the interrogative word 'what', and it places no restrictions on P1 on the expected response [Quirk et al., 1985]. At turn 2, the participant responds by supporting the need for national dialogue to address issues that are of national importance, and cannot just be left to the government, "*But you know we have some very urgent issues that are of national importance. The issue of security is not an issue we can only leave to the government...*" It is expected, as we shall see in the next section that the host will direct the next question to another participant for a different view on the topic.

3.2.1.b. Clashing Questions

These questions, normally directed at another guest, are used to elicit the opposing views of the panellists. That is, typically, the main function of the clashing question is to change the speaker and to assist in developing the conflict. The host can initiate disagreements on a preceding utterance soon after the first dispute-starting question. This early disagreement among the panelists sets the stage for the argumentative talk that ensues as illustrated in the example below:

Example 2 KTN

T1H: *Alright, and we shall come back to you. Eeh... that deadline that has been given by CORD that is by July 7th ... Senator K, why is Jubilee against the idea of national dialogue... is it the idea that Jubilee has the solution to all problems to get any ideas from the others in the country?*

T2P2: *Thank you ... the said dialogue everybody who has spoken from the president... to myself today in Tharaka Nithi and many other leaders including ... we have said... one, we have been encouraging dialogue and some of the issues that CORD is saying, we believe there are other issues including the issue of the wage bill... So the idea of a dialogue is not a new thing. What is new to us are ultimatums, threats and incitement of the public in the face of young men in the stadia, to excite them and cheat them...*

In Example 1 in the previous section, the host introduced the issue under discussion; that is, the national dialogue that members of the opposition were pushing for at a rally. In the first dispute-directing question, the host asked one of the panelists P1, from the opposition CORD, what his view on the national dialogue was, and what the terms for the national dialogue would be. He responded that the national dialogue would address urgent matters of national importance, for example, insecurity.

In Example 2, therefore, in an attempt to elicit a different view on this, the host poses the next question to the next panellist, a senator from the government side to comment on the view that the government is opposed to the dialogue: “*Senator K, why is Jubilee against the idea of national dialogue?*” This is a WH-question that requires the senator to give reasons as to why the government is not keen on holding the national dialogue. At the same turn 1, the host uses another question that would be considered restrictive: “*Is it the idea that Jubilee has the solution to all problems to get any ideas from the others in the country?*” This is a focused Yes/No question in which a proposition may be thought to be true in general, but some uncertain elements in the proposition are queried in a focused way [Givon, 1993]. Thus, the host is questioning the perception that the Jubilee government holds the solution to all the problems in the country. The probable response to such a focused question would be “Yes, it is” or “No, it is not”. Therefore, in this example, the host makes use of a WH-question and a Yes/No question to bring in conflicting arguments.

Accordingly, the senator in his response asserts his disagreement at turn 2, and says the government is not against the dialogue, what they are against are the ultimatums given by the opposition. This is in the statement “*...we have been encouraging dialogue..... What is new to us are ultimatums, threats and incitement of the public in the face of young men in the stadia, to excite them and cheat them...*”. We therefore observe the contrast between P1 and P2 responses which is generated by the clashing question posed by the host. The host is meant to cross-examine the politician in as much as his party is responsible for the position on the national dialogue. Disagreement is normally a response to a previous clashing question. The next panellist takes a negative

orientation to the propositional content of the previous speaker's utterance. Through the clashing question, the host obtains more information regarding national dialogue, which is a matter of controversy that takes up the rest of the talk. It is this conflict of opinion that advances the argument as domains of consensus and controversy are established and maintained in the unfolding discourse. Next, we focus on the third type of dispute-directing questions.

3.2.1.c. Topic-Changing Questions

This type of question either introduces an entirely new topic or singles out a point mentioned earlier and asks a question about it. The topic-changing questions always open a new turn sequence, as in the following examples. In our corpus, this question was used by the talk show host as illustrated below:

Example 3 KTN

T1H: *Senator, Senator let's talk about the challenges that the Jubilee Government has faced over the last one year and as we conclude, how you are going to sort that out. There are a lot of Kenyans who are unsafe today.... Going to the market, being in a matatu, being in a shopping mall, no matter where they are..... there is a real threat of insecurity we have seen rising since Jubilee won power, something we have not seen in the previous regime...Tell us what challenges you are facing and how you are planning to tackle them so that one year from now we will have a different discussion.*

T2P2: *Thank you. The issue of insecurity is very worrying. ...One area that must improve is the security sector especially with regard to the effort that our men and women in uniform make toward national emergency and terrorist attacks...*

Example 3 is drawn from a discussion on the topic of Jubilee and CORD talk ultimatums. The talk earlier progressed as participants from both sides (the government and the opposition) disputed the need for a national dialogue. Towards the end of the programme, as marked by the words "*as we conclude*", the host brings in a new though closely related topic on the challenges the Jubilee government has faced since they took power. "*Tell us what challenges you are facing and how you are planning to tackle them so that one year from now we will have a different discussion*". Here, the host uses two successive questions in the same utterance. The question "*what challenges...*" requires P2 to provide information on the specific challenges the Jubilee government is facing, while the next question "*how are you planning to tackle them...*", demands an explanation of the manner or the strategies the government will use to address the challenges. Note that she poses the question at the beginning of her turn and repeats it at the end of the turn, probably to control the nature of the contribution from the panellists. The panellist sticks to the topic by saying that the police need to improve their response towards emergency and terrorist attacks. The topic-changing question creates a link between what has been discussed before, i.e. the national dialogue, and what comes next in the show, i.e. the challenges being faced by the Jubilee government.

It is interesting to note that in this kind of discourse, the topic is not as rigid as is the case in the courtroom, news interview and classroom discourse. The talk exhibits some features of ordinary conversation where topics emerge freely and in a variety of ways, and a speaker can initiate a new turn of departure which gives the talk a quasi-conversational character [Hutchby, 2019]. This gives the argumentative talk shows a dual nature: institutional and semi-institutional as noted also by Ilie [2015]. In the section that follows, we present the second category of questions: the argumentative questions.

3.2.2. *Argumentative Questions*

This is the second broad class of questions that characterize argumentative talk shows. They explicitly or implicitly question the standpoint of the other participants and express opposition to their statement, thus maintaining the argument. In our corpus, we identified four different kinds of argumentative questions: These questions are presented as follows: (a) Negative Debating Questions, (b) Attacking Echo Questions, (c) Attack Back Questions, and (d) Rhetorical Questions.

3.2.2.a. *The Negative Debating Questions*

This type of question includes structurally interrogative questions with a negative particle. Dispute participants do not regard negative questions as questions asking for clarification but, instead, as expressions of possible standpoints or criticisms of a third party [Heritage, 2002]. They may take both contracted and uncontracted forms, for instance: “*Couldn’t it be/ Could it not be...*”, “*Can’t we/ Can we not....*”, “*Aren’t we/ Are we not...*”. In our data these questions appeared in the contracted form, achieved various functions, and were asked by either the host or the panellists as shown in Example 4:

Example 4 Citizen TV

T1P3: *And URP must be able to understand that the President has all powers as put in the Constitution... It is really time that the URP expectations were that ____ and when I talk of URP, it is actually Kalenjins land. If you look at the Kalenjins, all of them actually are in URP, including*

T2P2: *Don’t we have people in KANU?*

In Example 4, the topic is the wrangles in the Jubilee coalition over the sharing of power between the two parties that make up the Jubilee coalition: TNA and URP. P3, a member of the Opposition at turn 1 points out that the URP that produced the Deputy President should understand that the President, who is a member of TNA, has all the powers under the Constitution. He further alleges that all Kalenjins are members of URP. However, in a negative debating question “*Don’t we have people in KANU?*” P2 dismisses this claim. If anything, it is a fact that there are some Kalenjins who are indeed members of KANU. The question therefore counters or challenges P3’s stated position that all Kalenjins are in URP.

The negative debating questions identified in the corpus of this study were packaged as rhetorical questions that sought to enhance the argument in the confrontational sequences in which they occur. For instance, the question “*Don’t we have people in KANU?*” is more of a challenge or a dispute to the previous utterance that all Kalenjins are in URP. The challenges advanced by the negative interrogatives are unanswerable in the example given. Koshik [2002] classifies these types of questions as rhetorical.

3.2.2.b. *The Attacking Echo Questions*

The second member of the argumentative category of questions is the one which repeats fully or partly an utterance that occurred earlier in the conversation. This repetition is also augmented with arguments expressing opposition, thus, questioning the truth value of the original statement. These questions draw on resources from a previous answer to provide for their relevance and credibility [Clayman & Heritage, 2002]. They were used mostly by the hosts to undermine the validity of an earlier claim. The following examples illustrate this:

Example 5 Citizen TV

T1H: *CORD talked about security. Is security a problem in this country?*

T2P3: *It is, but when O is saying the success of the rally was to remind Kenyans about the problem they are facing....*

T3H: *Mmh*

T4P3: *You don't have to remind any Kenyan. We are facing serious challenges as a country. There are problems, we know it. But what are your solutions? Have you ever heard any one alternative policy that CORD in the past through their shadow cabinet minister in different dockets? What's CORD's plan on security? We have plans and implementing them. It is taking time yes, there are challenges we admit. We would want to see what alternative they have. But in due time, and as soon as it is possible, most of the things will be sorted out.*

Earlier in the talk, on the discussion on “politics post *Saba saba*” a panellist from the CORD had pointed out issues that they had sought to address in the rally, insecurity being one of them. In Example 5, we see the host repeat the issue of insecurity in the statement “*CORD talked about security*”. On the basis of this response, the host poses the next question to a senator from the government, “*Is security a problem in this country?*”. So the first statement echoes an earlier statement which is followed up by the question that seeks to get the view of the senator on the matter. This is a Yes/No question with a subject-operator inversion and it enjoys competency as it is posed by the talk show host. Accordingly, the question receives a conforming response in which the Senator (P2) admits that there are many challenges the Country is facing but challenges the opposition to come up with strategies to address the problems in the question “*What's CORD's plan on security?*” (Turn 4). He responds to the attack by presenting the Government's position that “*as soon as it is possible, most of the things will be sorted out*”. The attacking echo question is seen to also generate and advance an argument.

It can be observed from our analysis that panellists may present an opinion, that the host may challenge. After that point, the organization of the talk situates them in a defensive position vis-à-vis the host. The echo questions in this data may stand as accusatory questions in that once posed, they prompt the panellists to defend themselves or subsequently clarify the issue under attack. The next section focuses on the third type of argumentative questions.

3.2.2.c. The Attack Back Questions

Unlike the Attacking Echo Questions, Attack Back Questions make no direct reference to the previous view in the course of attacking it, but they formulate another question instead of providing an answer. This means that in certain circumstances, the question-answer adjacency pair as a basic unit of social interaction may not hold true. Typically, the Attack Back Questions always immediately follow the previous question. Ilie [2001] observed that the authority of the show host is not absolute; the show guests themselves may also initiate a turn without necessarily being prompted. Thus, this question is typically posed by a guest, thus enjoys competency, and it is non-standard. Attack Back Questions featured in the corpus of this study occurred mainly when the panellists addressed each other directly without the allocation by the host. Consider Example 6 below:

Example 6 Citizen TV

T1H: *Please keep it brief prof. Why these wrangles or conflicts?*

T2P1: *Yes. I will keep it brief. I want to give free advice to my friend Senator M.... those who do not respect history will never respect the present or the future and you are one of them in your coalition. If you look at the history of this country from 1963 to now. Look at my script by Machiavelli, those who help you to power must be done away with. Look at Jaramogi and Jomo Kenyatta, what he said that Kenyatta should rule, but what about the quarrel between Jaramogi Odinga and Tom Mboya and what it did to the people? Then you come to Daniel Arap Moi and vice president Kibaki, vice president eh Karanja. What happened? They start to have conflicts. What happened? He did away with them. And he did away with them because of causes related to power. Kibaki and Raila Odinga. They agreed they would share government and finally, you saw Kibaki say where did I talk about this? I am the president.*

T3H: *Now...*

T4P3: *How can you prove that you are an exception?*

T5P1: *You cannot, you cannot argue from the past, we must show the facts and...and address the present....*

In Example 6, we observe a scenario where the host at Turn 1 nominates P1, a political analyst to explain why there is conflict in the Jubilee coalition: *“Please keep it brief prof. Why these wrangles or conflicts?”* This is a WH-question that demands that P1 provides reasons for the wrangles in the Jubilee coalition. It invites a narrative response with little degree of restriction as observed at Turn 2; he gives an elaborate background on previous squabbles between political leaders. He enumerates a list of previous political leaders who rose to power and then did away with those who had helped them get to those positions. These he feels relate well to the collisions in Jubilee. He cites the conflict between the first president Jomo Kenyatta and Jaramogi, who helped him ascend to power. Then Mwai Kibaki and Raila Odinga’s agreement to share power which was never honoured; *“Look at my script by Macchiavelli, those who help you to power must be done away with. Look at Jaramogi and Jomo Kenyatta, what he said that Kenyatta should rule...”* He therefore connects these past experiences with the current coalition between URP and TNA whereby power should be shared equally, but this has not been the case. He therefore makes reference to Machiavelli’s “Principle” which states that those who help you to rise to power should be done away with in order to remain in power. In turn 2, the host attempts to come in probably to direct the next question to another panellist. She uses the discourse marker *“now”* to indicate her intention to take over the floor. However, before she could go on, P3, a panellist from the CORD coalition asks the WH-question *“How can you prove you are an exception?”* which is directed to a senator from the Jubilee coalition. This question casts doubt on the willingness of the president, who is a member of TNA, to share power equally with URP, the other party in the Jubilee coalition. This question therefore occurs as P3 addresses another guest P2 directly without the allocation of the host. At turn 5, the co-panellist, in response to the question dismisses the P1 allegation by stating that *“you cannot, you cannot argue from the past, we must show the facts and...and address the present...”*. Here, a departure in the Q-A roles is observed. P3 rather than waiting for the host to allocate the next turn initiates a question-answer sequence himself addressed to a co-panelist. This practice is more common in ordinary conversation [Schegloff, 2007].

In using the Attack Back Questions the panellists as we can observe would abandon their role to provide answers or responses, adopt a questioning role to attack a co-panellist with a question, and sometimes take over the role of the host, a convention not common with institutional discourse. However, the hosts normally resist such attempts by cutting in to assert their role, and they are able to forestall such future attempts. Clayman [2010] observes that such attacks demonstrate a departure from the Q-A turn-taking system, but we observe that the hosts take up their institutionally mandated role to restore order. This demonstrates how power relations between the talk show hosts and the panellists play out. The last category of questions under the argumentative questions is the rhetorical questions.

3.2.2.d. Rhetorical Questions

In this type of argumentative questions, the person asking a question does not expect an immediate answer but uses it as a means of creating effect [Ilie 1999; Gruber 2001]. In this study data, the rhetorical questions occurred mostly in the hosts' and the panellists' argumentative monologue as illustrated below:

Example 7 Citizen TV

T1P1: *Just a little response to what Mheshimiwa is saying, these issues have been acknowledged they are very important issues, but A, if you look at these issues, look at the messages... issues of corruption, some of these messengers have been in position in government where they could have sorted out issues of corruption in their own dockets. In the land, in medical services, what have they done?*

T2H: *You are referring to Prof ___?*

T3P1: *Yes, yes, because Prof A was in medical services at one time, through his declaration nurses were sacked. How do you create jobs by sacking nurses? It's probably they have forgotten that. Secondly, they have people in immigration. ___ was in immigration. How much did he work? Tangible evidence that he did something to change the level of corruption in immigration? So, I could go on and go on. So the message they are putting forth is correct. But what most Kenyans are not comfortable about is... the messengers...*

P1, a political analyst, presents his reservations about the members of CORD calling for a rally to discuss challenges like security and corruption in the country. At turn 1, he points out to the host that some of the politicians in the opposition were in the previous government but they didn't seem to have delivered much. In the utterance "*In the land, in medical services, what have they done?*" the question "*what have they done?*", which is a WH-question, comes out as rhetorical as the host to whom it is directed does not give a response; instead she asks the panellist if he is referring to Prof ___ at turn 2. "*You are referring to Prof ___*" is a question in the form of a statement. In turn 3, P1 indeed confirms so in the statement that begins "*Yes, yes, because Prof ___ was in medical services at one time; through his declaration nurses were sacked*". This response creates a link between the question and the rhetorical questions that follow. "*How much did he work?*" is another WH-question followed by another question in the form of a statement: "*tangible evidence that he did something to change the level of corruption in immigration?*" By use of these rhetorical questions, P1 appears to convey a strong personal commitment that these members of the opposition have no ground to actually pass the message of incompetence in the current government.

The rhetorical questions enjoy competency in that the panellists in the talk shows have a chance to ask the questions. They are also nonstandard since they are not a result of a knowledge gap in the area. The rhetorical questions are used argumentatively in the talk shows. When asked by the show host, certain rhetorical questions acquire an institutional function of controlling and/or evaluating the ongoing talk [Ilie, 1998, pp. 133-134]. In all the examples above, it can be noted that neither the hosts nor the panellists attempt to answer the rhetorical questions. This provides further evidence that these questions are meant to prompt an argumentative discussion [Ilie, 1999]. Their strength is reinforced by the fact that they are message-oriented, audience-oriented and interlocutor-oriented at the same time. In the section that follows, we address the last category of questions.

3.2.3 Clarifying Questions

These are standard questions that elicit missing information, and they fall into three types in our data as illustrated in this section in four subsections: (a) Classic Clarifying Questions, (b) Opinion Eliciting Questions, (c) Examination Questions, and (d) Permission Eliciting Questions.

3.2.3.a. Classic Clarifying Questions

This type of question aims to elicit information in pursuit of credibility. They do not start or contain an opinion and usually occur in the first turn of a secondary sequence adjacency pair. The questions are directed at absolute fact with the forms “*Why so...?*”, and “*Who is...?*” These questions mostly occur during highly probing and adversarial lines of questioning [Ilie, 1999]. Let us now present these questions as they are featured in this study data.

Example 8 KTN

T1H: *Okay, A. while we are still talking about the police, let's talk about how much we are investing in the police service and whether they are equipped enough for these times of terror...*

T2P1: *Yeah I think, the Kenya police service act has never been enacted. We went into the election in 2013 without a unified police force... so there was Operation Linda Nchi in which 400-450 officers have been killed by the Al Shabaab....*

T3H: *450 police officers killed in the line of duty since the operation Linda took off. So M, you are the police spokesman. One of the effort in terms of security is?*

T4P1: *Thank you very much.... since the IGP came into office he has made a strong urge that there is order in the police service. One, through ensuring there is.....*

T5H: *Such as?*

T6P1: *Equipment... motor vehicle to enable us the officers to survey the border in a way that they are able to identify any elements coming but also the number because on its own will not be enough...*

T7H: *So... So?*

T8P1: *So, we are working on the number and you have seen the effort of the government to increase the number of officers. We are also working on the mobility...*

In Example 8, the host seeks to find out what measures the government is taking to curb terror in the Country. She is particular about the police equipment, and at turn 1 therefore, she asks the police spokesperson to clarify that. The phrase “*let's talk about how much we are investing in the police service and whether they are equipped enough*” is a question in the statement form that

comprises a requisition with an embedded WH-word “how”. In turn 2, P1, a police spokesman, points out that 450 officers have been killed. This response forms the basis for the next question by the host at turn 3, who still seeks to find out credible facts on what the government is doing in a “so” prefaced statement-form question “*so one of the efforts in terms of security is?*” In turn 4, the host probes further, and directs the next question to P1 to clarify on what order the IGP has brought to the police service, in the question “*Such as?*” It, therefore, seems that her questions are conditioned by pursuit of tangible facts. This demand for credibility is further pursued in line 7 through the use of the non-sentence question “*So... So?*”

In turns 6 and 8, P1 in his response talks of the motor vehicles which have seen an increase in the number, to enable the officers to survey the borders: “*Equipment..... motor vehicle to enable us, the officers, to survey the border...*”. He also says that the government has increased the number of police officers: “*You have seen the effort of the government to increase the number of the officers ...*”. Turn 8 provides information / firsthand knowledge of the matter in question. P1 and P4 have therefore enhanced the credibility of the message they are conveying by providing facts that consolidate the responses. The effort to accentuate P1’s authoritativeness is perhaps most apparent when the host refers to him by the title “police spokesman”, which forms the basis of that knowledge. Our observation thus adapts to Martinez’s [2000] argument that the police spokesman is influenced by his professional position, and consequently his obligation for accountability to make truth the centrepiece of his response and that of the encounter at large. We now shift to another example drawn from Citizen TV, where the host makes explicit the need for clarity.

Example 9 Citizen TV

T1H: *Alright. For purposes of clarity. The issue of ____?*

T2P3: *The issue of ____ coming in. One thing I want to say is when you read the constitution, it is very clear that you can only bring the issue of impeachment when there is a serious violation of the constitution. My friend eh ____ has given eh.... We have not seen what ____ has done wrong. If it is the issue of transferring ___, he is a public servant and he can be transferred like any other person. So to me, the issue of ____ coming for impeachment it does not hold water at all.*

In Example 9, the host seeks clarification from P3, a senator, on the issue of the impeachment of the then-devolution cabinet secretary _____. The impeachment has been a subject of debate. It is obvious that the question is meant to clarify the terms for impeachment as the host uses the statement “*for purposes of clarity...*”. This preface is followed by a statement-form question, “*The issue of ____?*” P3 explains, citing the constitution, that one is only impeached if he or she has seriously violated the constitution, and therefore, an act like transferring a civil servant is far from such violation. Thus, the person in question should not be a victim of impeachment.

Note that in Example 8 the host does not leave the floor open to any panellist to respond to the classic clarifying questions, she rather selects one based on their credentials normally presented in the opening segment. Consider the statement “*So M, you are the police spokesman ...*” M is expected to present the security measures that the government is putting in place. This sequentially obligates a response from the selected speaker, which is connected to the preceding challenge. Reynolds [2011] identifies a similar practice and looks at it as a display of relative difference in knowledge, which treats the selected speaker as having the primary rights to the answer. We could treat these kinds of questions as recipient-focused [Schegloff, 2007]. Next, we focus on opinion-eliciting questions, another subclass of clarifying questions.

3.2.3.b. *Opinion-Eliciting Questions*

These types of questions enquire directly about the interlocutor's opinion in connection with some concrete event rather than an absolute fact. That is, they are interested in the interlocutor's attitude, regardless of the truth value of the content. The questions take the forms "What is your opinion on...", "What's your take...", "What are your thoughts on...", etc. In responding to the questions, panellists preface their responses with structures like "I think...", and "For me...", the host first sets the context of the question and then topicalizes the matter to which the panelists should respond as shown in the examples in this section.

Example 10 KTN

T1M: *I would like to talk about aah... we see an attack in Likoni, we see a grenade blow up in Eastleigh... we see ahah some explosives assembled in Pangani,...Let's talk about the long-time solutions because to some extent and while many Kenyans appreciate what is happening it sometimes appears like a knee-jerk reaction.*

T2P4: *I think the biggest problem we are having right now is for the people to try and agree that we cannot just fight terrorism or insecurity generally using the security agency. It is an undertaking where everybody needs to be involved...*

T3H: *So, in your view, what is your solution now? What will make Kenya feel safer because it can now happen when you are in a matatu, it can happen at the bus stop.*

T4P4: *These things are normally stored where people are, they are normally transported among people. The public needs to trust us, give us information...*

In Example 10, the host seeks to find out from the police spokesman (P4) what the government's solution to the terror attacks is. At turn 1, she sets a background to the issue by highlighting the various attacks, for example, the Likoni attack and the explosives at Pangani. Note that she doesn't seek the opinion in the form of a question, but a statement that indeed requires the opinion of P4: **"Let's talk about the long-time solutions because to some extent and while many Kenyans appreciate what is happening... it sometimes appears like a knee jerk reaction"**. At turn 2, P4 gives his opinion that the fight against terrorism should be a collective responsibility. Notice here the use of the words *"I think"* as a marker of his personal opinion: *"I think the biggest problem we are having right now is for the people to try and agree that we cannot just fight terrorism or insecurity generally using the security agency..."* So by responding to the host statement, P4 presupposes his interpretation of the host's proposition as a question. This is a clear indication that form cannot be a sole indicator of a question, since questions do not necessarily need to be produced in the interrogative form. In turn 3 that follows, the host asks for his view on the solution *"so in your view, what is your solution now?"* Again the host is trying to elicit his thoughts on the topic by using the structure *"...in your opinion"* that is followed up by the WH-question, *"What is your solution now?"* In turn 4, the panellist says that the public needs to work with the security agents, a statement that reiterates his earlier position: *"The public needs to trust us, give us information..."*

In some other cases, the host can elicit opinions from different panellists on a matter of opinion or controversy drawn from an interview with a political analyst. In such cases, the panellists can either display an opinion in support or lack of support for the issues raised. The example below drawn from Citizen TV presents an elaborate illustration of this. The host first presents a video clip on an interview she had conducted with a political analyst. She then invites the panellists to react to the political analyst's opinion.

Example 11 Citizen TV

T1H: *Gentlemen, I want to bring another view because part of the woes as you have seen within Jubilee coalition have also been occasioned by the MP ... who wants to impeach ... Let's listen to the views of ... and what he has to say about that and if it could catapult into something even bigger.*

Political analyst: *If this game is escalated to a point where the president is impeached, and by the way, that is something we must anticipate especially with this impeachment talk. If he is impeached, the beneficiary of the impeachment will be ...*

TH: *On what grounds? On what possible grounds would one use to bring up a bid to impeach the President?*

Political analyst: *You do not need to have any grounds. It can just be you do not like the shape of his head. And eh recently you do not like the way he walks. If we have numbers, we will impeach him and eh... Look at it if you have the URP members saying that ah we are not with ... because ... seems to be with. W., then you have the CORD members. If you put the two together, then you will have a President with crises within parliament. But the beneficiary of this ultimately will have to be - And he can even appoint ... to become the Deputy President.*

T2P1: *Now...*

T3H: *Hold on Prof. I want to come to you ... on this because he has mentioned your coalition leader ...and there are those who may observe or opine that there are still very warm relationships between URP and ODM because of the previous relationship between ... and... Does that theory that you have just heard resonate with you?*

T4P3: *I think A, one thing you need to know is that eh in politics, we do not have permanent enemies and ah permanent friends. So in terms of strategic partnerships in politics is allowed. The same way Senator M. had mentioned about the relationship between the Kikuyus and the Kalenjins. Many pessimists thought it would not work. But eh looking at eh what ... has just mentioned, the issue of I don't think ODM has plans of mending woes with URP and TNA.*

T5H: *I will come, we will come to details of what is going on and the rallies. Please hold on to that. Let me get the views of the rest of the panel very quickly on ... views.*

T6P1: *... he is preparing the president to see the beneficiary of his problems. And that is how... will destroy him. In fact, what ... has done is what I have exactly said...*

T7P2: *..., what ... is saying at least I know... he is my friend. What he is saying is what vultures and brokers in town are doing. Because in all honesty, is what we call political vultures are doing because they want a political rift between ...and ...*

In Example 11 Citizen TV, the host presents the views of ... who is of the opinion that an attempt to impeach the cabinet secretary is a larger scheme to impeach the president. At turn 1, the host therefore seeks to get the responses of the guests on this matter. Turn 3 is allocated to an MP from the CORD coalition to give his view on the statement “...And there are those who may observe or opine that there is still a very warm relationship between URP and ODM because of the previous relationship between ... and...” This statement precedes the Yes/No question “**Does that theory that you have just heard resonate with you?**” In his response, he first generally admits that in politics there are no permanent enemies but he later refutes the allegation that ODM has any plans of mending with URP and TNA.

Notice how he begins his turn by *“I think...”* and then *“I don’t think ODM has plans of mending woes with URP and TNA. CORD, we are very keen, we want Kenyans to give a report card...”* Thus, he shares his thoughts which are totally in contrast with the political analyst’s view. In turn 5, the host then allocates the subsequent turns to the rest of the panel to share their views. Note the statement, *“Let me get the views of the rest of the panel very quickly..... on ...views”*. In turn 6, P1, a political analyst shares his views that are rather contentious that if the President is impeached, the Deputy President will be the beneficiary. This is in the statement *“he is preparing the President to see the beneficiary of his problems. And that is how ... will destroy him”*. P2, a senator from the Jubilee government opines that the purported impeachment is meant to cause a rift between the President and his deputy. In a rather very scathing remark, he refers to those plotting the impeachment as political vultures in turn 7. We observe that the political analyst’s view is both contentious and objectionable. His opinion on this highly divisive issue has strong judgmental overtones, thus sparking varied opinions from the panellists who are drawn from both the government and the opposition.

It can be observed from the examples presented that in this category, the host introduces a balance of perspectives from the panellists while maintaining a neutralistic posture. Across these examples, hosts can be seen exercising marked caution when introducing matters of opinion or controversy. Such matters could in principle be quite damaging to neutralism [Hutchby, 2006]. The remarks from the guests come across as distinctly contentious or objectionable in character. In exercising some degree of control over the issue, the host selectively invites a guest to respond to the issue raised. The panellists are given a practically unconstrained floor to voice their opinions, though they are guided on what to comment on in the first turn by the host. The host generates disagreement among the panellists, and the panellists strive to foster diversity of opinion. For example, the political analyst’s remarks have been regarded as particularly opinionated and controversial, subsequently attracting diverse responses from the two sides of the political divide. The host avoids actions whose primary purpose is to express support for a point of view. They, therefore, use receipt tokens such as *“mhm”*, *“huh”*, *“okay”*, etc. after panellists present their views.

In responding to the questions, the panellists authenticate their talk with experiential background and knowledge to show the relevance of their contributions to the topics under discussion. They seek to justify their statements or actions in the sense that they hold institutional positions and by their status, the “public figures are treated as having some loci on the matter at hand” [Montgomery, 2007, p.148]. For example, P3 is a senator in ODM, thus his response to the political analyst’s claim *“I don’t think ODM has plans of mending woes with URP and TNA”* is likely to hold because he represents the party and has knowledge of what the party believes in.

Next, we focus on the third type of questions under the category of clarifying questions, namely: Examination Questions.

3.2.3.c. Examination Questions

Examination questions seek to find out if the person to whom the question is directed has certain information or not. They mostly take the form *“Are you aware...?”*, *“Do you know...”*, *“Are you complacent with...?”* In our data, these kinds of questions were asked by the host and were directed at a particular panellist whom the host felt to be the custodian of the information elicited going by the credentials spelt out in the opening segment of the talk show. They are similar to classic clarifying questions in that they aim at eliciting information. Consider the examples in this section that illustrate this phenomenon.

Example 12 Citizen TV

Political analyst: *The insecurity galore being blown up...they want to blow up until we have a situation where we say we have no confidence in this government to be able to deliver...we have that well photographed. Do you remember 43% of polls in 2013 did not vote for the current government? This means they could begin to have an avalanche, which could lead to an African spring... A spring that could flow into Uganda that could go into Rwanda go into South Sudan and the West has been very good at choreographing such springs. This is the beginning here in Kenya with the current rate of terrorism.*

T1H: *Let me start with you Dr... He is alleging that the new push, the rallies CORD is holding and telling the public, to voice your grievances against the government is a larger scheme to form an African spring? Are you complacent?*

T2P3: *I think eh first and foremost we need to understand where ... is coming from. In terms of research, you look at the person in terms of truthfulness. This is a gentleman who came up with the issue of the tyranny of numbers. So whatever opinion that he comes up with, the aspect of objectivity is not there... is subjective. He knows where his bread and butter comes from... So I am not going to agree with what he is saying... We are just holding rallies, and we are here to welcome our CORD leader...*

The discussion in this excerpt sparks out of a video clip on an interview conducted by the host and featuring the political analysts. The issue under discussion is the rallies that the CORD had held to welcome their leader. The analyst alleges that holding the rallies is a wider scheme to form an African spring that will begin right here in Kenya and spread into other African countries. The host, therefore, seeks to establish from P3, a member of parliament from the CORD coalition, if indeed this is the case. After formulating a context for the question in the statement “*Let me start with you Dr...He is alleging that the new push, the rallies CORD is holding and telling the public, voice your grievances against the government is a larger scheme to form an African spring*”. The host invites then poses the examination question “*Are you complacent?*” Probably, the host expects the panellist to verify the information delivered by the analyst. In his response, the panellist builds a rebuttal and says that ... is subjective in his opinion. He refers to the analyst’s notion of tyranny of numbers that appeared to favour the current government in the 2013 general election. Hence, the panellist feels that the view is meant to please the government. He puts this in the statement “*...is subjective. He knows where his bread and butter comes from. So to I am not going to agree with what he is saying*”. In the next section, we focus on the last type of clarifying question: the permission-eliciting questions.

3.2.3.d. Permission Eliciting Questions

Permission Eliciting Questions do not elicit any information but “ask for permission” to add a comment or clarify a comment made earlier. Clayman and Heritage [2002] reckon that their use demonstrates a common and relatively benign form of departure that emerges in multi-interviewees where a currently unaddressed interviewee seeks to comment on some aspect of the talk in progress. With the permission granted to contribute, the interlocutors moved on with their utterances. In our corpus, requests were made in the format of a positive interrogative through the construction “*Can I...*”. Let us now illustrate this occurrence in the example below:

Example 13 KTN

T1H: *Yes, I would like you to address the challenges as we close our discussion....*

T2P1: *Can I, can I make a few corrections?*

T3H: *Alright.*

T4P1: *You know quite a number of projects Jubilee say they are implementing, were initiated during the previous government. The thing is government projects will take time to come to fruition. Fortunately, they have borne fruits in their government....and they should not tell the people that are the Jubilee projects. No, they were there during the grand coalition government...*

T5H: *Yes*

T6P1: *They are part of Vision 2030...*

We observe in Example 13 that the programme is coming to a close as indicated in the host's statement in turn 1, "*...as we close our discussion*". The host directs at turn 1 that the guests should address the challenges the Jubilee administration is facing. But at turn 2, P1, a senator from the opposition, seeks permission to make a few corrections in the positive interrogative, "*Can I, can I make a few corrections?*" The host grants him permission at turn 3, in the word, "*alright*". With the permission granted, he states that "*you know quite a number of projects Jubilee say there are implementing, were initiated during the previous government...*" He differs from the previous statement earlier in the show on the achievements the Jubilee government claims to have made. He firmly states, "*fortunately, they have borne fruits in their government...*" The host acknowledges that with the marker "yes" in turn 5. In turn 6, P1 continues with the turn he had discontinued at turn 4 when the host cut in. He states that the projects are part of Vision 2030. Hence, the activity initiated with the request at turn 2 by P1 has been completed.

A similar observation can be made in the attack-back questions that the panellists make non-elicited comments in the unfolding talk. The requests made in the permission-eliciting questions could in principle consist of an adjacency pair with the first pair part comprising a request, and the second pair part – compliance or rejection [Schegloff, 2007]. This principle applies in the example above where the P1 request "*Can I...*" at turn 2 receives acceptance "*alright*" at turn 3. This could justify the argument that the use of the modal verb "Can (I)" licenses the possibility that the host may turn down the request [Kuhlen, 2012].

Taking a genre analysis approach, this paper has outlined a range of ways in which talk show hosts elicit information from the panellists through varied question types in argumentative talk shows on two TV stations in Kenya. The arguments in the talk shows studied were initiated through a certain category of questions immediately after the opening segment: the dispute-directing questions. Once the talk show hosts started off the arguments, the talk developed as they engaged the panellists in opposing or clashing views throughout the talk show. The analysis has demonstrated a recurrence of question types on the two media stations. This indicates that questioning is a typical feature of the argumentative talk show genre. Conventional definitions of genre advance the notion that genres constitute particular shared conventions of content, structure and communicative purposes [Swales, 1990, 2004]. Informed by previous genre analysts [Swales, 1990, 2004; Maroko, 1999, 2008; Bhatia, 2004; Devvit, 2004], it can be argued that argumentative talk shows on Kenyan TV stations can be recognized as a genre.

The question typology in this study was based on formal or structural characteristics of questions. Assigning question types was based on both the propositional content and also the communicative function of initiating and developing the argumentations that characterized the talk show

discourse in their context of use. Some questions were formally distinct: the WH-Questions, Yes/No Questions and Rhetorical Questions. Other types borne out of our data were the statement-form questions marked by a rising intonation. This style did not clearly mark their pragmatic function. For example, a WH-question could be used to request information, seek clarification or also serve as a rhetorical question. This confirms that while the form and function of questions are intertwined, one form of question can serve several different functions in the interaction [Kuhlen, 2012].

Probing a panelist's statements or arguments, either through requiring further details or an account of some of his/her response was a common practice used by the talk show hosts. This was done through attacking echo and attack-back questions which cast doubt on the panelists' assertions. As Clayman and Heritage [2021] reckon, such questions may be adversarial in content and demand for accountability quite explicitly.

Additionally, a high number of the hosts' questions did not only consist of a questioning component. Unlike ordinary conversation, where a speaker is initially entitled to only one turn, i.e. constructional unit, the talk show host can produce multi-units [Greatbatch, 1998; Heritage & Roth, 1995]. These generally consist of "prefatory" statements which serve to set the background context that helps inform the audience as well as establish the relevance of the subsequent question and provide the necessary references.

Of significance is that in the sequential organization of the practice of questioning and answering, speaker selection was crucial in developing the argument; the host was seen to direct some particular questions to a particular panellist. This happens when the information to be elicited belongs to the recipient's territory of knowledge. Consequently, the selection of the speaker sequentially obligated a response, and the response enhanced the credibility of the information passed to the wider audience. We observe under Conversational Analysis that the talk show hosts and the panellists orient to one another's action as they engage in question-answer sequences in the interactional ordering of the talk, with the talk show host having a dominating role over the turns. The question-answer sequence largely displayed a Q-A format whereby a question was followed by an answer. Notable though were Q-A-A, where an elicitation from the host in the form of a question was followed by two responses from the panellists. Q-Q-A sequences featured in our data as a question from the host followed by another question from a panellist normally addressed to a co-panellist. The co-panelist would then provide a response as was noted in the attack back questions. This displayed a violation of the turn-taking system, which is unexpected in institutionalized discourse [Clayman & Heritage, 2002, 2021; Tolson, 2006]. Reacting to this violation Tolson [2006] argues that talk shows demonstrate a possibility of transgressing the generic protocols; a panelist can initiate a question-answer sequence. This is an observation that our findings clearly stay with, and further confirms that argumentative talk shows have a dual nature in that they display features of both ordinary conversations and institutional discourse [Hutchby, 2019; Schirm 2008].

4. CONCLUSION

From our analysis of the questions in this paper, we observe that questions are the main resources of interactional order that give the TV talk shows their oppositional and argumentative character. The questions recur in the programmes, take different forms and serve different communicative functions. The conclusion from our analysis therefore is that there are certain types of questions that typify this form of talk on Kenyan TV argumentative talk shows. The common ques-

tion and their corresponding communicative purposes delineate the Kenyan TV argumentative talk shows. To explore the communication characterizing the argumentative TV talk shows further, future lines of research could focus on establishing correspondences between question typology and strategies adopted by panellists to respond to the questions. In addition, as TV programming is becoming more interactive, it will be interesting to explore the role of contributions through viewers' call-in sessions and comments on social media platforms, such as Twitter, in shaping the argumentative talk show genre.

Conflict of interest

The authors declare that there is no conflict of interest.

REFERENCES

1. Clayman, S.E. (2010). Address terms in the service of other actions: The case of news interview talk. *Discourse and Communication*, 4(2), 161-183. doi: 10.1177/1750481310364330
2. Clayman, S.E., & Heritage, J. (2002). *The news interview: Journalists and public figures on the air*. Cambridge: Cambridge University Press.
3. Clayman, S.E., & Heritage, J. (2021). Conversation Analysis and the study of socio-historical change. *Research on Language and Social Interaction*, 4(2), 225-240.
4. Clayman, S.E., Heritage, J., & Hill, A.M.J. (2020). Gender matters in questioning presidents. *Journal of Language and Politics*, 19(1), 125-143.
5. Creswell, J. W., & Clark, V. L. P. (2011). *Designing and conducting mixed method research* (2nd ed.). Thousand Oaks, CA: Sage Publications.
6. Devitt, A. (2004). *Writing genres*. Carbondale: Southern Illinois University Press.
7. deRuiter, J.P. (2012). *Questions: Formal, functional and interactional perspectives*. Cambridge, England: Cambridge University Press.
8. Fleiss, J.L. (1971). Measuring nominal scale agreement among many raters. *Psychological Bulletin*, 76(5), 378-382. <https://doi.org/10.1037/h0031619>
9. Givón, T. (1993). *English grammar. A function-based approach*. Amsterdam, Netherlands/Philadelphia, PA: John Benjamins.
10. Greatbatch, D. (1988). A turn-taking system for British news interviews. *Language in Society*, 27, 401-430. doi:10.1017/S0047404500012963
11. Gruber, H. (2001). Questions and strategic orientation in verbal conflict sequences. *Journal of Pragmatics*, 33, 1815-1857.
12. Heritage, J. (1998). Conversation analysis and institutional talk: Analysing distinctive turn-taking systems. In S. Cmejrkova et al. (Eds.), *Proceedings of the 6th international congress of IADA* (pp.3-17). Tubingen: Niemeyer.
13. Heritage, J. (2002). The limits of questioning: Negative interrogatives and hostile question content. *Journal of Pragmatics*, 34, 1427-1446. [https://doi.org/10.1016/S0378-2166\(02\)00072-3](https://doi.org/10.1016/S0378-2166(02)00072-3)
14. Hutchby, I. (2006). *Media talk: Conversational analysis and the study of broadcasting*. Glasgow: Open University Press.

15. Hutchby, I. (2019). *Conversational analysis*. SAGE Research Methods Foundations. <http://dx.doi.org/10.4135/9781526421036>
16. Ilie, C. (1994). *What else can I tell you? A pragmatic study of English rhetorical questions as discursive and rhetorical acts*. Stockholm Studies in English. Stockholm: Almqvist and Wiksell International.
17. Ilie, C. (1995). The validity of rhetorical questions as arguments in courtroom. In F.H. Van Eemeren, R. Grootendorst, J.A. Blair and C.A. Willard (Eds.), *Special fields and cases: Proceedings of the third international ISSA conference on argumentation* (73-88).
18. Ilie, C. (1998). Questioning is not asking: The discursive functions of rhetorical questions in American talk shows. *Texas Linguistics Forum*, 39, 122-135.
19. Ilie, C. (1999). Question-response argumentation in talk shows. *Journal of Pragmatics*, 31, 975-999.
20. Ilie, C. (2001). Semi-institutional discourse: The case of talk shows. *Journal of Pragmatics*, 33, 209-254.
21. Ilie, C. (2015). Questions and questioning. *The International Encyclopaedia of Language and Social Interaction*. Wiley & Sons Inc. doi:10.1102/97811/8611463/wbie/si202
22. Jagitani, N. (2013). *Questions – Formal, functional and interactional perspectives*. Cambridge: Cambridge University Press.
23. Koshik, I. (2002). A conversation analytic study of yes/no questions which convey reversed polarity assertions. *Journal of Pragmatics*, 34, 1851-1877.
24. Kuhlen, E. (2012). Some truths and untruths about final intonation in conversational questions. In J.P. de Ruiter (Ed.), *Questions: Formal, functional and interactional perspectives* (123-145). Cambridge, England: Cambridge University Press.
25. Landis, J.R., Koch, G.G. (1977). The measurement of observer agreement for categorical data. *Biometrics*, 33, 159-174. <https://doi.org/10.2307/2529310>
26. Maroko, G.M. (1999). *Rhetorical structure in Master of Arts (M.A.) research proposals of Kenyatta University* [Unpublished M.A Thesis]. Kenyatta University: Nairobi.
27. Maroko, G.M. (2008). *A genre analysis of selected Master of Arts (M.A.) and Master of Science (M.Sc.) theses in Kenyan public universities* [Unpublished Ph.D. Thesis]. Kenyatta University: Nairobi.
28. Martinez, E.R. (2000). *Political interview, talk show interview and debates on British TV: A contrastive study of the interactional organization of the three broadcast genres*. [Unpublished PhD Thesis]. University of Santiago.
29. Montgomery, M. (2007). *The discourse of broadcast news: A linguistic approach*. New York and London: Routledge, Taylor and Francis Group.
30. Quirk, R., Greenbaum, S., Leech, G., & Svartvik, J. (1985). *A comprehensive grammar of the English language*. London, England: Longman.
31. Raymond, G. (2003). Grammar and social organization: Yes/no interrogatives and the structure of responding. *American Sociological Review*, 68(6), 939-967.
32. Reynolds, E. (2011). Enticing a challengeable in arguments: Sequence, epistemic and preference organization. *International Pragmatics Association*, 21(3), 411-430. doi:10.1075/prag.21.3.06rey
33. Sacks, H. (1992). *Lectures on conversation*. Oxford: Blackwell Publishing.
34. Schegloff, E. (2007). *Sequence organization in interaction: A primer in conversation analysis*. Cambridge: Cambridge University Press.

35. Schegloff, E., & Sacks, H. (1973). Opening up closings. *Semiotica*, 8, 289-327.
36. Schirm, A. (2008). *Chapter eight of the role of questions in talk shows*. University of Szeged: Hungary.
37. Schirm, A. (2009). *The role of questions in Talk shows*. UK: Cambridge Scholars Publishing.
38. Strivers, T. (2010). An overview of the question-response system in American English conversation. *Journal of Pragmatics*, 42(10), 2772-2781. doi: 10.1016/j.pragma.2010.04.011
39. Strivers, T. (2011). Morality and question design. "Of course" as contesting a presupposition of askability. In S. Tanya, M. Lorenza, S. Jakob (Eds.), *The morality of knowledge in conversation* (pp.82-106). Cambridge: Cambridge University Press. doi: 10.1017/CBO9780511921674.005
40. Swales, J. (1990). *Genre analysis: English in academic and research settings*. Cambridge: Cambridge University Press.
41. Swales, J. (2004). *Research genres: Explorations and applications*. Cambridge: Cambridge University Press.
42. Tolson, A. (1996). *Mediations, text and discourse in media studies*. London: Arnold.
43. Tolson, A. (2006). *Media Talk: Spoken discourse on TV and radio*. Edinburg University Press. <http://www.jstor.org/stable/10.3366/j.ctt1g09vbv>
44. Wangari, S., & Maroko, M.G. (2023). Metadiscourse in the Kenyan CEO Letter Genre: A Corpus Assisted Study. *Language Circle: Journal of Language and Literature*, 18(1), 148 – 159. <https://doi.org/10.15294/lc.v18i1.47447>

About the authors:

Loice Wamaitha Mwai holds a PhD in applied linguistics from Kenyatta University. She is currently a Lecturer in the Department of English, Linguistics, and Foreign Languages at the same University. Her research interests are in Genre Analysis, Sociolinguistics, Media, and Language. ORCID ID: 0000-0003-4347-9712

Geoffrey Mokua Maroko holds a PhD in applied linguistics from Kenyatta University. He is an Associate Professor of applied linguistics at Machakos University. His current teaching and research interests are in genre and discourse analysis, language management & planning, media & communication, and language teaching & testing. ORCID ID: 0000-0003-1747-6753

Daniel Ochieng' Orwenjo holds a PhD in applied linguistics from the University of Frankfurt. He is currently an Associate Professor of applied linguistics at the Technical University of Kenya. He is the Director of the Centre for Languages and Communication Studies at the University. He is a Fellow of the Global Young Academy (GYA) and Africa Science Leadership Program. His teaching and research interests are in diverse areas of applied linguistics.

Emily Auma Ogutu is a Senior Lecturer in the Department of English, Linguistics, and Foreign Languages at Kenyatta University. She holds a PhD in Linguistics from the University of Birmingham. Her teaching and research interests are in various areas of text linguistics.

Received: November 4, 2023.

Accepted: December 20, 2023.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

<https://doi.org/10.24833/2687-0126-2024-6-1-69-94>

***RUMOUR* ('СЛУХ'): ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ СЛОВА С ПОЗИЦИЙ КАТЕГОРИИ ЭВИДЕНЦИАЛЬНОСТИ**

С.В. Иванова

*Санкт-Петербургский государственный университет
(Санкт-Петербург, Россия)
svet_victoria@mail.ru*

Г.Ш. Хакимова

*Южно-Уральский государственный университет, филиал в г. Златоусте
(Златоуст, Россия)
gkhakimova@yandex.ru*

Аннотация: На фоне исследований медиакommunikации и описания социальных связей субъектов особый интерес представляет изучение феномена слухов, в том числе как объекта лингвистического анализа. Настоящая статья посвящена описанию и обобщению лексико-графического значения базового для передачи опосредованного знания слова *rumour*. Предлагаемый ракурс исследования обусловлен интересом, с одной стороны, к неопределенному знанию и неформальным коммуникационным практикам, к которым относятся такие явления, как слухи, сплетни и пр., присущие в том числе профессиональной коммуникации, с другой стороны, – к категории эвиденциальности. Материалом исследования служат словарные толкования, противоречивость которых потребовала проведение анализа в свете идей лексической семантики. Основным методом избран компонентный анализ, подкреплённый в соответствии с принципом дополнительности семантических описаний рядом других методов традиционной семасиологии. В результате установлена полисемия исследуемого слова, семантема которого включает пять лексико-семантических вариантов, характеризующихся различными типами отношений: смешанным (радиально-цепочечным) типом связи семем с главным значением, с одной стороны, эквиолентным и привативным видами оппозиции, с другой. Семантическое ядро значений полисеманта *rumour* составляют интегральные семы «информация», «неформальный», «сомнительная достоверность», «неподтвержденность», «неопределенный источник». Наличие в структуре денотативного макрокомпонента значений инвариантного набора из трех последних семантических признаков указывает на прямую связь семантики исследуемой леммы с языковыми категориями эвиденциальности и эпистемической модальности. Показано, что при интерпретации полученных данных объяснительным потенциалом обладает понятие свидетельства как источника информации, решающим фактором при этом является его дробная типология в виде уровней. Более четкая дифференциация уровней свидетельства внутри репортативной эвиденциальности позволяет категоризовать центральное значение исследуемого слова как информацию, обладающую признаками передающегося знания, реализуемую посредством неформальных сообщений и квалифицируемую как собствен-

но репортазив, отмеченный третьим уровнем свидетельства («third-hand evidence»), характеризуемый незасвидетельствованностью, неконфирмативностью. Ядерная сема «сомнительная достоверность» во всех значениях слова *rumour* свидетельствует о взаимообусловленности репортазивного значения и эпистемической оценки полученного знания, проявляющейся в том, что косвенный опосредованный доступ к информации потенцирует её квалификацию как неэвидентной, т.е. нуждающейся в подтверждении.

Ключевые слова: дефиниция, значение, компонентный анализ, сема, слух, свидетельство.

Для цитирования: Иванова, С.В., Хакимова, Г.Ш. (2024). *Rumour* ('слух'): лексикографическое значение слова с позиций категории эвиденциальности. *Дискурс профессиональной коммуникации*, 6(1), 69–94. <https://doi.org/10.24833/2687-0126-2024-6-1-69-94>

1. ВВЕДЕНИЕ

1.1. Постановка проблемы

Межличностное взаимодействие предполагает социальные связи субъектов коммуникации как на формальном, так и неформальном уровнях. Неформальные отношения лежат в основе не только повседневно-бытового общения индивидов, но и являются неотъемлемой частью системы профессиональной деятельности, прежде всего сферы неформальных внутриорганизационных коммуникаций. Одним из элементов, имманентно присущих такого рода социальной интеракции, являются слухи.

В условиях развивающегося информационного общества классическое гносеологическое противопоставление знания, получаемого человеком в рамках индивидуального чувственного опыта («empirical knowledge»), и знания, получаемого в процессе коммуникации с другими («knowledge through communication»), подвергается определённой ревизии и обретает новое содержание¹. Это связано с тем, что в «обществе знания» «познающий субъект настолько пленен сообщениями, поступающими отовсюду, что практически утратил всякую когнитивную автономию и шансы на критическую рефлексию» [Касавин, 2013, с. 7].

При разработке проблем, связанных с источниками знаний, принципами формирования убеждений, критериями истинности и засвидетельствованности информации, возникли понятия «testimony-based belief» [Goldberg, 2001] и «rumor-based belief» [Gelfert, 2013, 2019]. На фоне оценки знания как динамичного процесса, колеблющегося между утверждением и сомнением, все чаще раздаются призывы обратить пристальное внимание на слухи, сплетни и другие практики, связанные с кажущимися маргинальными явлениями типа *whispers*, *hearsay*, *unverified reports*, *vague stories*, *libel*, *slander*, *denunciation*. В частности, предлагается объединить усилия по их изучению посредством разработки зонтичной концепции не-

¹ В традиционной эпистемологии произошел поворот в сторону социальной эпистемологии, что привело к возникновению в недрах последней нового направления – эпистемологии свидетельства («epistemology of testimony», «philosophy of testimony»), в рамках которой извечный философский спор по поводу эпистемических источников в вопросах, связанных с опосредованным знанием, сместился в плоскость понятий «testimonial knowledge» («testimonial knowledge»), «second-hand knowledge» (см. [Касавин, 2013; Dewhurst, 2014; Fricker, 2006; Gelfert, 2014; Goldberg, 2005]).

определенного знания («uncertain knowledge») [Jobs, 2014]. В свете новых подходов и идей стереотипное мнение о банальности и исключительной ложности сведений, передаваемых молвой, постепенно утрачивает свою стандартность².

Обзор литературы по изучаемой проблеме позволяет заключить, что в своих проявлениях феномен слухов сложен и многообразен. Социально-психологического и философского знания о слухах явно недостаточно. Для создания всеобъемлющей модели этого феномена необходимо обратиться к его лингвистической ипостаси.

1.2. Методология

Методологически работа зиждется на идеях лексической семантики, прежде всего семемной и семной семасиологии. Значение слова рассматривается как единица языкового сознания человека, при изучении которого декларируется поддерживаемый большинством исследователей параметрический подход, предполагающий понимание значения как дискретной единицы, иерархически структурированной совокупности составляющих его минимальных компонентов значения, «квантов» содержания – сем. Разные значения, дифференцируемые по семному составу и отражающие отдельные денотаты, являются семемами одного слова в случае полисемии, совокупность семем, выражаемых полисемантом, составляет его семантему³.

Объектом данного исследования является семантическая структура английской лексической единицы (далее ЛЕ) *rumour*. Цель работы – установить обобщенное лексикографическое значение слова *rumour* на основе компонентного анализа и интерпретировать его с позиций языковой семантики⁴. Предлагаемый ракурс восполняет недостаточность лексикографического описания лексемы *rumour*⁵, а также интегрируется с изучением категории эвиденциальности.

Разделяя мнение А.П. Бабушкина и И.А. Стернина [Бабушкин, Стернин, 2018] относительно лексикографического значения, мы исходим из того, что оно представляет собой системное значение, т.е. значение, сформулированное кратко, полученное в результате используемого лексикографами принципа редукционизма, обуславливающего репрезентацию минимума признаков, причем выделенных достаточно субъективно. Но при этом оно содержит ядерные семы, являющиеся основой семантического наполнения реально функционирующего значения слова, хотя по объему оно, безусловно, меньше последнего. Другими словами, семантическая структура слова эксплицируется через его словарную дефиницию,

² О содержании данного понятия почти 100 лет назад рассуждал М. Хайдеггер. Приписывая ему положительную коннотацию, Хайдеггер указывал на то, что изучаемое понятие «означает терминологически позитивный феномен, конституирующий бытийный способ понимания и толкования повседневного присутствия (Dasein)» [Хайдеггер, 1993/1997, с. 167]. По М. Хайдеггеру, Дазайн обращается в определенном способе говорения о самом себе, проявляемом через молву, толки, слухи. Мыслитель трактует его в терминах «истолкованность», «толковость», «растолкованность» как один из вариантов существования (причем естественного) субъективности [Там же, с. 167–170].

³ Ср. «A semanteme is a lexical meaning – that is, the signified of a full lexical unit of L» [Meščuk, Milićević, 2020, с. 79].

⁴ О востребованности такого рода задач в современных семантических исследованиях в рамках произошедшего методологического сдвига, характеризуемого «установкой на объяснительность», указано А.А. Зализняк: «Действительно, если некоторая предыдущая эпоха занималась описанием тех или иных механизмов языка путем их моделирования, то сейчас интерес явно сдвинулся в область их объяснения, с одной стороны, и их инвентаризации – с другой (словарь стал сейчас, по-видимому, самым популярным жанром лингвистической литературы)» [Зализняк, 2001, с. 13–14].

⁵ Из известных нам работ частично этот подход реализуется в работе Г.Е. Крейдлина и М.В. Самохина [Крейдлин, Самохин, 2003]. Они изучали проблему слухов в рамках словесной триады «слух-молва-сплетня» на материале русского языка, сосредоточившись главным образом на их рассмотрении в качестве особых речевых актов и аргументируя их свойства подключением семантического анализа словарных толкований и сочетаемостных характеристик.

части которой являются показателями основных компонентов (сем) его значений. Отраженная в толковых словарях семема составляет базу для полноценного описания значения, реально существующего в сознании носителей языка.

С целью получения максимально исчерпывающих результатов используется алгоритм, преследующий поэтапное решение ряда задач:

- 1) с опорой на анализ дефиниций, репрезентированных в различных лексикографических источниках, провести анализ семантической структуры лексемы *rumour* на основе компонентного анализа;
- 2) в случае полисемии определить количество лексико-семантических вариантов (далее ЛСВ) в семантической структуре исследуемой ЛЕ и тип многозначности;
- 3) провести полный компонентный анализ отдельных семем исследуемого слова с целью выявления состава сем, установить отношения между семемами и их иерархии в рамках семантемы;
- 4) представить унифицированное лексикографическое значение путем обобщения словарных дефиниций разных толковых словарей традиционного типа;
- 5) на основе сформированных семных дефиниций сделать выводы, касающиеся специфики лексикографического значения слова *rumour*.

Поставленная цель и вытекающие из нее задачи предопределяют реализацию комплексного подхода для их решения. Доказательная база настоящей работы охватывает методы традиционной семасиологии, прежде всего компонентного анализа с опорой на словарные дефиниции, репрезентированные в различных лексикографических источниках. Основной метод, на котором строится логика рассуждений, не исключает комплементарного использования других типов структурно-семантического анализа. К ним мы обращаемся на отдельных этапах исследования, реализуя «принцип дополнительности семантических описаний» [Стернин, Рудакова, 2017, с. 5]. Комплекс выбранных частных методик исследования (непосредственно связанных с логико-семантическим описанием) включает метод анализа словарных дефиниций [Караулов, 1980; Селиверстова, 1975; Уфимцева, 1984], метод словарной идентификации [Балли, 1951/1961], метод ступенчатой идентификации [Кузнецова, 1973], метод обобщения (унификации) словарных дефиниций [Стернин, Рудакова, 2017]. При необходимости более точного выявления компонентов значений исследуемой ЛЕ привлекается контекстуальный анализ приведенных в словарях примеров. Также задействован интроспективный метод, традиционно принятый при описании лексикографического значения.

Под компонентным анализом, вслед за О.Н. Селиверстовой, понимается процедура «расщепления значения на составные части, вычленение которых обусловлено как соотношением элементов внутри отдельного значения (наличие более общих и более частных элементов, то есть иерархичность организации), так и соотношением этого значения со значениями других языковых единиц» [Селиверстова, 2004, с. 82]. Для получения более объективных результатов по обобщенному описанию лексикографических значений исследуемых ЛЕ соединение анализа словарных дефиниций с компонентным анализом производится в рамках каждой дефиниции всех учтенных словарей. Здесь уточним свою позицию по ряду дискуссионных аспектов: 1) вопрос о лимитируемости сем остается открытым, 2) значение является динамической величиной и не является лишь упрощенной суммой отдельных компонентов, 3) выделение минимальных единиц плана содержания представляется достаточно сложной процедурой и сопряжено с известной долей условности и субъективности со стороны исследователей.

Выделение конкретных семем в интегрированное лексическое значение сопровождалось тремя группами сложностей. Во-первых, единицы, используемые в качестве слов-идентификаторов (родовой семы), обладают в английском языке широкой семантикой, вмещающей нередко значения, находящиеся в различных оппозитивных отношениях, что иногда приводит к некоторой размытости содержания дефиниции. В этом случае выделение семы осуществлялось на основе синтагматического ряда, с учетом значения второго, синонимичного, слова (если оно альтернативно употреблено в перечислительной дефиниции). В рамках классификационной дефиниции для выделения актуализуемых значений использовался контекстуальный анализ, в том числе приведенных примеров. Дополнительно проводился анализ единиц синонимического ряда (в случае его представленности в словаре)⁶.

Во-вторых, в словарях традиционно используется расширительное, нестрогое описание при представлении как содержания в целом, так и дифференциальных признаков отдельных значений дефиниендума, что является следствием реализации принципа редукционизма и лаконичного описания [Стернин, Рудакова, 2017, с. 6]. Для преодоления противоречий, связанных с выделением денотативного макрокомпонента, в настоящей работе задействован принцип денотативной дифференциации значений (подробно описан в [Там же, с. 6–13]). С ним связаны следующие используемые в данной работе операции. Если при репрезентации слова как однозначного в силу нерасчлененного подхода или одного из его значений в случае констатации полисемии ядерная часть в описательных дефинициях представлена двумя родовыми семами, отличающимися денотативно, объединенное значение разворачивается в две отдельные семемы с последующим компонентным анализом каждой. В рамках полисемии идентифицируемого слова и представления того или иного его значения в виде лексико-грамматической группы (далее ЛСГ) посредством перечислительной дефиниции, словарная идентификация производится в отношении состава всех членов, входящих в ЛСГ, уточняются отношения между их значениями с последующим применением процедуры «семного разворачивания» дефиниции (термин О.Н. Селиверстовой [Селиверстова, 1975]). Если при ступенчатой идентификации элементов дефиниции обнаруживаются семантические компоненты, «упакованные» как скрытые семы в составе того или иного его значения, при необходимости формулируется новый, более развернутый и точный, вариант семной дефиниции, поскольку значение, входящее в другое значение как его составная часть, входит в это значение «со всем его содержанием» [Кузнецова, 1989, с. 23]. Объяснительная трансформация, используемая при синонимическом толковании слова, дает двоякий результат. При совпадении денотата синонимов анализ производится посредством выделения отдельных компонентов дефиниции синонима и их интерпретации как дифференциальных признаков соответствующего ЛСВ исходного слова. Поскольку в большинстве случаев слова, входящие в синонимический ряд, являются полисемантами и в рамках соответствующих значений близки, но не тождественны, они могут представлять собой самостоятельные семемы дефинируемого слова и в этом случае выделяются как отдельные ЛСВ в рамках его семантемы. С целью более точного определения структуры исходного слова или семного состава соответствующего ЛСВ дополнительно привлекается контекстуальный анализ словарных примеров.

⁶ Основные приемы толкования трудных случаев семантического анализа систематизированы в [Апресян, 1995, с. 99 и сл.].

В-третьих, исходя из того, что ядерными считаются значения, выделенные всеми словарями и приведенные первыми, представляется затруднительным определение иерархии семем исследуемых полисемантов в связи с расхождением в их трактовке и упорядочении значений в разных источниках. Есть основания полагать, что эти противоречия обусловлены различными задачами, преследуемыми авторами словарей, их подходом к дефинированию, что в целом связано с проблемой адекватности представления значения слова в лексикографических работах.

2. РЕЗУЛЬТАТЫ И ОБСУЖДЕНИЕ

2.1. Компонентный анализ лексикографического значения слова *rumour*

20 лексикографических источников [The American Heritage Dictionary of the English Language; Cambridge Advanced Learner's Dictionary & Thesaurus; Cambridge Business English Dictionary; Cambridge Essential Dictionary; Cobuild Advanced English Dictionary; Collins English Dictionary; English Wiktionary; Hornby, 1983; Kernerman English Multilingual Dictionary; Random House Kernerman Webster's College Dictionary; Longman Dictionary of Contemporary English, 2000; Longman Dictionary of Contemporary English online; Longman Dictionary of English Language and Culture, 1999; Macmillan Dictionary; Merriam-Webster's Learner's Dictionary; Oxford Advanced Learner's Dictionary; Webster's New World College Dictionary; the New International Webster's Comprehensive Dictionary of the English Language, 2003; WordNet Dictionary; Yourdictionary] репрезентируют достаточно противоречивые толкования слова *rumour*. Его дефиниции не совпадают ни по содержанию, ни по форме: 10 словарей представляют лексему как моносемант, остальные – как многозначное слово. В пяти словарях актуализируются три значения с ограничительными функциональными пометами *archaic*, *obsolete* 'арх., устар.'. На стадии предварительного анализа эти значения были вынесены за рамки исследования как неактуальные для синхронического описания.

Непосредственный анализ словарных дефиниций ЛЕ *rumour* позволяет выявить структуру её семантемы посредством денотативной дифференциации значений и определить компонентный состав каждой семемы⁷.

I. information that is passed from one person to another and which may or may not be true, especially about someone's personal life or about an official decision: *I've heard all sorts of rumours about him and his secretary. There's a rumour going around that Eddie's bankrupt* [Longman Dictionary of Contemporary English, 2000, p. 1241].

[information] + [of questionable accuracy] + [passed] + [from one person to another] + [about someone's personal life] + [about an official decision];

personal, *adj* – private [Longman Dictionary of Contemporary English, 2000, p. 1053];

Элемент дефиниции *passed from one person to another* эксплицирует передаваемость информации по цепочке с импликацией мультиадресатности аудитории, что в совокупности с элементом *may or may not be true* позволяет вычленить такие взаимообусловленные компоненты, как «сомнительная достоверность», «неопределенный источник» и «неподтвержденность» распространяемых сведений. Получаем следующий состав сем:

⁷ В силу ограниченности рамками статьи и невозможности представить все рассмотренные дефиниции и выполненный на их основе компонентный анализ значений исследуемой ЛЕ приведен опыт описания наиболее показательных случаев.

[information] + [of questionable accuracy] + [of uncertain origin] + [without confirmation] + [spread] + [by people] + [in chain order] + [in informal way] + [about private life of other people] + [about social matters].

II. a fact that a lot of people are talking about although they do not know if it is true (слух, молва): *I heard a rumour that you were leaving* [Cambridge Essential Dictionary].

[fact] + [of questionable accuracy] + [spread] + [widely] + [by people];

fact, n – something that you know is true, exists, or has happened: *No decision will be made until we know all the facts* [Cambridge Essential Dictionary];

talk, v – to say things to someone: *We were just talking about Simon's new girlfriend* [Cambridge Essential Dictionary].

Используемая в дефиниции в качестве идентификатора лексема *fact*, значение которой в эпистемическом плане маркировано модусом достоверности (*something that you know is true*), входит в противоречие с последующими диагностическими признаками значения исследуемого слова (*although they do not know if it is true*), не предполагающими данный эпистемический статус передаваемой информации. Соответственно, это обуславливает следующий семный состав значения исследуемого слова:

[information] + [of questionable accuracy] + [of uncertain origin] + [without confirmation] + [spread] + [widely] + [by people] + [in informal way].

III. gossip, or a story that is not confirmed but is being discussed [Yourdictionary].

LCB1: [gossip] + [without confirmation];

gossip, n – idle talk about someone's private or personal matters, especially someone not present [Yourdictionary];

idle, adj – of no importance; useless; worthless; vain; trifling; thoughtless; silly [Yourdictionary];

talk, n – a conversation or discussion; an exchange of ideas via conversation [Yourdictionary];

conversation, n – the use of speech for informal exchange of views or ideas or information etc. [Yourdictionary];

[exchange of information] + [without confirmation] + [of uncertain origin] + [of questionable accuracy] + [of little importance] + [in informal way] + [about private life of other people] + [without their presence].

LCB2: [story] + [without confirmation] + [discussed];

story, n – a sequence of real or fictional causal events; or, an account of such a sequence [Yourdictionary];

discuss, v – to communicate, tell, or disclose information, a message, etc. [Yourdictionary];

[statement] + [of questionable accuracy] + [of uncertain origin] + [without confirmation] + [spread] + [in informal way].

IV. a story or piece of information that may or may not be true, but that people are talking about: *We have been denying rumours of a split since the first week we got together* [Cobuild Advanced English Dictionary].

[story / information] + [of questionable accuracy] + [spread] + [by people] + [in informal way].

LCB1: [story] + [of questionable accuracy] + [spread] + [by people] + [in informal way];

story, n – a description of an event or something that happened to someone, especially a spoken description of it [Cobuild Advanced English Dictionary];

description, n – a description of someone or something is an account which explains what they are or what they look like [Cobuild Advanced English Dictionary];

account, *n* – a written or spoken report of something that has happened [Cobuild Advanced English Dictionary];

[statement] + [of questionable accuracy] + [of uncertain origin] + [without confirmation] + [oral]* + [written]* + [spread] + [by people] + [in informal way]⁸.

ЛСВ2: [information] + [of questionable accuracy] + [spread] + [by people] + [in informal way];

[information] + [of questionable accuracy] + [without confirmation] + [of uncertain origin] + [spread] + [by people] + [in informal way].

V. 1. general talk not based on definite knowledge; mere gossip; hearsay; 2. an unconfirmed report, story, or statement in general circulation [Webster's New World College Dictionary].

Семантическая характеристика первого значения строится на основе неточных синонимов (*general talk*, *gossip*, *hearsay*), являющихся не тождественными по денотативному макрокомпоненту. По сути, в рамках данного толкования линейно представлен целый ряд ЛСВ многозначного слова, что требует уточнения его семантической структуры и денотативной дифференциации репрезентированных значений посредством «семного развёртывания» каждого элемента дефиниции.

ЛСВ1: [talk / gossip] + [general / mere];

talk, *n* – conversation, esp. of an informal nature [Webster's New World College Dictionary];

conversation, *n* – 1. the act or an instance of talking together; *specif.*; a. familiar talk; verbal exchange of ideas, opinions, etc. [Webster's New World College Dictionary];

general, *adj* – existing or occurring extensively; common; widespread [Webster];

gossip, *n* – a person who chatters or repeats idle talk and rumors, esp. about the private affairs of others; such talk or rumors; chatter [Webster's New World College Dictionary];

mere, *adj* – nothing more or other than; only (as said to be) [Webster's New World College Dictionary];

idle, *adj* – having no value, use, or significance; worthless; useless: idle talk [Webster's New World College Dictionary];

rumor, *n* – an unconfirmed report, story, or statement in general circulation [Webster's New World College Dictionary];

[exchange of information] + [without confirmation] + [of uncertain origin] + [of questionable accuracy] + [in informal way] + [about different matters]* + [spread] + [widely] + [about private life of other people] + [without their presence]* + [of little importance].

ЛСВ2: [gossip] + [mere];

gossip, *n* – a person who chatters or repeats idle talk and rumors, esp. about the private affairs of others; such talk or rumors; chatter [Webster's New World College Dictionary];

[statement] + [without confirmation] + [of uncertain origin] + [of questionable accuracy] + [spread] + [widely] + [orally] + [about private life of other people] + [in informal way].

ЛСВ3: [hearsay];

hearsay, *n* – something one has heard but does not know to be true; rumor; gossip [Webster's New World College Dictionary];

⁸ Звездочкой выделены скрытые, имплицитные (недостаточно четко проявляемые в толковании) семы, которые устанавливаются на основе словарной идентификации отдельных элементов дефиниции и/или контекстуального анализа приведенных в словарях примеров.

[information] + [of questionable accuracy] + [without confirmation] + [of uncertain origin] + [informal]*.

LCB4: [report / story / statement] + [of uncertain origin] + [without confirmation] + [in general circulation];

report, n – a statement or account brought in and presented [Webster's New World College Dictionary];

story, n – a news event or a report of it [Webster's New World College Dictionary];

statement, n – the thing stated; account, declaration, assertion, etc. [Webster's New World College Dictionary];

[statement] + [without confirmation] + [of uncertain origin] + [of questionable accuracy] + [spread] + [widely] + [in informal way].

VI. 1. a story or statement in general circulation without confirmation or certainty as to facts; 2. gossip; hearsay [Random House Kernerman Webster's College Dictionary].

LCB1: [story / statement] + [without confirmation] + [of questionable accuracy] + [spread] + [widely] + [in informal way];

story, n – a report of the facts concerning a matter in question [Random House Kernerman Webster's College Dictionary];

statement, n – a communication or declaration in speech or writing, setting forth facts, particulars, etc. [Random House Kernerman Webster's College Dictionary];

[statement] + [without confirmation] + [of uncertain origin] + [of questionable accuracy] + [oral]* + [written]* + [spread] + [widely] + [in informal way].

В толковании второго значения, представляющем собой перечислительную дефиницию, вновь сталкиваемся с синонимом *gossip*, что обуславливает необходимость определения семантического состава его лексикографического значения. Причем, его многозначность преодолевается включением второй словарной дефиниции в один синтагматический ряд со словом *hearsay* с родовой семьей «information».

LCB2: [hearsay];

hearsay, n – unverified information acquired from another; rumor [Random House Kernerman Webster's College Dictionary];

[information] + [without confirmation] + [of uncertain origin] + [of questionable accuracy] + [received from another person] + [in informal way]*.

LCB3: [gossip];

gossip, n – idle talk or rumor, esp. about the private affairs of others [Random House Kernerman Webster's College Dictionary];

[rumor] + [about private affairs of other people];

[statement] + [without confirmation] + [of uncertain origin] + [of questionable accuracy] + [spread] + [widely] + [orally] + [about private life of other people] + [in informal way].

VII. 1. unofficial news or information, perhaps untrue, which is spread from person to person; hearsay: *The whole article was based on rumour. Rumour has it that Jean's getting married again;* 2. a story or opinion based on rumour, which may or may not be true: *All sorts of rumours are going round the office about him and his secretary. His illness led to rumours of an early election. There's a rumor circulating that the factory's going to shut down* [Longman Dictionary of English Language and Culture, 1999, p. 1181].

LCB1: [news / information] + [unofficial] + [of questionable accuracy] + [spread] + [from person to person];

news, *n* – facts that are reported about a recent event or events; new information: *What's the latest [= most recent] news about the election?* [Longman Dictionary of English Language and Culture, 1999, p. 915];

unofficial, *adj* – not official: *It's unofficial* [has not been yet officially stated], *but I know he's got the job* [Longman Dictionary of English Language and Culture, 1999, p. 1466];

hearsay, *n* – things which are said rather than proved: *I'm told he didn't resign, he was fired – but it's only hearsay* [Longman Dictionary of English Language and Culture, 1999, p. 613].

[information] + [without official confirmation] + [of questionable accuracy] + [of uncertain origin] + [new] + [spread] + [by people] + [in chain order] + [in informal way].

LCB2: [story / opinion] + [based on rumour] + [of questionable accuracy];

story, *n* – an account of events, real or imagined [Longman Dictionary of English Language and Culture, 1999, p. 1335];

opinion, *n* – 1) [C,U] what a person thinks about something, based on personal judgment rather than actual facts; 2) [C,U] what people in general think about something [Longman Dictionary of English Language and Culture, 1999, p. 951].

Включение в состав второй дефиниции самого идентифицируемого слова (*based on rumour*) свидетельствует о нарушении требований, предъявляемых к дефинированию. Известно, что главным условием при составлении любой дефиниции как логической операции является ее объективность, что предполагает отображение «природы предмета, вытекающей из развития самого определяемого предмета» [Кондаков, 1975, с. 141]. Соответственно, одним из правил объективного и содержательного отражения семантики дефиниендума постулируется правило «запрета круга» (тавтологии). Это, безусловно, исключает использование идентифицируемого слова в качестве диагностического признака в рамках его определения⁹. Кроме того, одним из требований компонентного анализа является несовпадение названия семы с анализируемым словом. С учетом указанных факторов присутствие последнего в качестве признаковой семы требует дальнейшего компонентного разворачивания и включения дополнительных сем, выделенных в структуре LCB1, что вкупе с контекстуальным анализом словарных примеров приводит к следующему конечному составу LCB2:

[statement] + [without official confirmation] + [of questionable accuracy] + [of uncertain origin] + [spread] + [by people] + [in chain order] + [in informal way].

VIII. 1. information, often a mixture of truth and untruth, passed around verbally; 2. gossip or hearsay [Collins English Dictionary].

LCB1: [information] + [of questionable accuracy] + [of uncertain origin] + [without confirmation] + [spread] + [by people] + [in chain order] + [orally] + [in informal way].

LCB2: [hearsay / gossip];

hearsay, *n* – gossip, rumour [Collins English Dictionary];

В данном толковании имеет место взаимоопределение, в связи с чем необходима дальнейшая денотативная дифференциация рассматриваемого значения. Поскольку во второй дефиниции к слову *hearsay* лексема *gossip* является соположенным членом представленного синонимического ряда, произведем анализ семного состава одного из его значений, в структуре которого присутствует признак «rumour».

⁹ Подробно о традиционных требованиях в лексикографии к толкованию лексических значений, в том числе о необходимости избегать «тавтологический круг» в толкованиях, изложено в [Апресян, 1995, с. 95].

gossip, *n* – a conversation involving malicious chatter or rumours about other people: *a gossip about the neighbours* [Collins English Dictionary];

[conversation] + [including malicious chatter] + [rumours] + [about other people];

conversation, *n* – the interchange through speech of information, ideas, etc; spoken communication [Collins English Dictionary];

chatter – *v*, to speak (about unimportant matters) rapidly and incessantly; prattle; *n*, idle or foolish talk; *gossip* [Collins English Dictionary];

malicious, *adj* – motivated by wrongful, vicious, or mischievous purposes [Collins English Dictionary];

rumour, *n* – information, often a mixture of truth and untruth, passed around verbally [Collins English Dictionary];

[exchange of information] + [of questionable accuracy] + [of uncertain origin] + [without confirmation] + [of little importance] + [about other people] + [without their presence]* + [spread] + [by people] + [in chain order] + [with harmful intent] + [orally] + [in informal way].

Анализ толкований в словарях свидетельствует о различиях в подходах к дефинированию слова *rumour*. В результате налицо противоречивость трактовок его семантического наполнения. Во-первых, несовпадение дефиниций в различных словарях отражает различия в полноте описания системных отношений его значений. Неоднородность представления его семантической структуры выражается, в первую очередь, в двояком подходе к его лексикографическому описанию. В ряде словарей постулируется узкий взгляд на смысловое содержание исследуемой лексемы, представленной в качестве односемемной. В другой части источников исследуемая лексема трактуется как полисемант, совокупность семем которого отражается в развернутых дефинициях. Во-вторых, в словарях задействованы различные типы толкований, наиболее частотными из которых являются дефиниции, относящиеся к категориям родовидовых и перечислительных толкований (по классификации С.Д. Шелова [Шелов, 2001, с. 3]). По мнению Горского, эти разновидности дефиниций можно объединить в два основных типа – интенциональные и экстенциональные [Горский, 1974, с. 33], отражающие, соответственно, интенциональный и экстенциональный подходы к описанию значения. Применительно к исследуемой ЛЕ первые описывают признаки (интенционал) обозначаемого ею явления, а вторые определяют понятие путем перечисления составляющих данный класс элементов. К последним относятся слова *gossip* и *hearsay*, толкуемые посредством друг друга и образующие круг в словарных описаниях – т.н. «тавтологические (круговые) определения» [Апресян, 1966, с. 260]. В-третьих, даже интенциональные дефиниции с разной степенью полноты и точности фиксируют состав сем одного и того же значения в рамках семантемы исследуемого слова.

В результате обобщения толкований, имеющихся в разных словарях, и изучения семного состава семем, установлено существование в структуре семантемы *rumour* нескольких актуальных ЛСВ. Помимо противоречивости при описании значений, расхождения фиксируются и в порядке представления выделенных ЛСВ, что приводит к несовпадению выстраиваемой иерархии их отношений. В связи с этим упорядочение семем (т.е. определение центрального и второстепенных значений) производится с помощью методики исчисления индекса яркости (значимости) семемы (далее ИЯС), определяемого в виде пропорции количества одной семемы, указанной в проанализированных словарях, к общему числу последних. Ядро семантемы образует ЛСВ с наибольшим индексом яркости, остальные зоны определяются по процентному отношению к ядру. Кроме того, уточняется индекс

яркости той или иной семы в составе каждого ЛСВ, который исчисляется как количество актуализаций семы в толкованиях к общему числу анализируемых словарей (по [Стернин, Рудакова, 2017]).

Приведем обобщенные дефиниции значений многозначного слова *rumour* в виде семного описания каждого значения. Иерархия ЛСВ в пределах микросистемы исследуемого слова может быть представлена следующим образом (в порядке от центральной ЛСВ к второстепенным семемам):

1. Неподтвержденная информация, молва

[information 0,75] + [interesting 0,1] + [new 0,2] + [of uncertain origin 0,75] + [of questionable accuracy 0,75] + [without official 0,15] + [confirmation 0,75] + [spread 0,7] + [widely 0,25] + [quickly 0,1] + [orally 0,2] + [by people 0,45] + [in chain order 0,35] + [in informal way 0,75] + [about social matters 0,05] + [about private life of other people 0,05].

ИЯС 0,75.

They say he used to be a thief, but that's just rumor. The whole article was based on rumour.

2. Неподтвержденное сообщение, собственно слух

[statement 0,7] + [interesting 0,1] + [new 0,05] + [of questionable accuracy 0,7] + [of uncertain origin 0,65] + [without official 0,1] + [confirmation 0,7] + [oral 0,2] + [written 0,15] + [believed to be the truth 0,05] + [spread 0,6] + [widely 0,3] + [quickly 0,05] + [in informal way 0,65] + [by people 0,35] + [in chain order 0,3].

ИЯС 0,7.

There's a rumor circulating that the factory's going to shut down. Someone's been spreading nasty rumours about me.

3. Разговоры, толки, пересуды, кривотолки, молва, злословие

[exchange of information 0,3] + [of questionable accuracy 0,3] + [without confirmation 0,3] + [of uncertain origin 0,3] + [about different matters 0,15] + [spread 0,25] + [by people 0,05] + [in chain order 0,05] + [widely 0,2] + [about other people 0,05] + [about private life of other people 0,2] + [without their presence 0,05] + [of little importance 0,15] + [with condemnation 0,05] + [with negative evaluation 0,05] + [with harmful intent 0,1] + [orally 0,05] + [in informal way 0,3].

ИЯС 0,3.

Rumour has it that there will be major job cuts in the new year. Rumour has it she will be prompted. Don't listen to rumour.

4. Косвенная информация, знание «понаслышке»

[information 0,15] + [of questionable accuracy 0,15] + [without confirmation 0,15] + [of uncertain origin 0,15] + [received from another person 0,15] + [in informal way 0,15].

ИЯС 0,15.

You can't fire him solely based on rumor. To spread or tell by rumor.

5. Слушок, сплетня

[statement 0,1] + [of questionable accuracy 0,1] + [without confirmation 0,1] + [of uncertain origin 0,1] + [spread 0,1] + [widely 0,1] + [orally 0,1] + [about private life of other people 0,1] + [in informal way 0,1].

ИЯС 0,1.

Have you heard the rumour about him and his secretary? I heard a rumour that you had got a new job.

2.2. Семантические отношения между значениями семантемы *rumour*

В результате проведенного анализа выделяется пять ЛСВ. Полученная совокупность значений, составляющих семантическую микросистему семантемы слова *rumour*, указывает на комплексность его денотата. Связь всех ЛСВ достаточно прозрачна и основывается на эпидигматических отношениях, т.е. внутрисловных отношениях, сцепляющих одно значение с другим (по Д.Н. Шмелеву [Шмелев, 1973, с. 158]). На уровне семемной организации полисемант *rumour* обнаруживает несколько типов сложившихся связей между словозначениями.

Семная структура значения первого семантического деривата (ЛСВ2) не представляет собой абсолютно новый набор сем в сравнении с составом компонентов производящего значения (ЛСВ1), а, напротив, репрезентирует во многом фактическое тождество сем. Главным различительным признаком является эпидигматическое варьирование гиперсемы: «информация» и «сообщение» соответственно. Этот факт, на наш взгляд, можно интерпретировать как проявление диффузности значений (в терминах Д.Н. Шмелева) исследуемого полисеманта. В пользу этого свидетельствует и достаточно противоречиво представленная ядерная часть ЛСВ2 в рассмотренных толкованиях. Слово-идентификатор денотата представлено в словарных толкованиях весьма альтернативно – целым рядом лексем, в семантике которых фиксируются различные формы выражения информации, выделяемые на основе эпистемических характеристик ее порождения и восприятия (эпистемической модальности): *a statement, a claim, an opinion, a piece of news, a story, a report, a fact*. В обобщенном значении данная архисема обозначена нами лексемой *statement* в эпистемически нейтральном значении *сообщение* с последующим выделением сем, фиксирующих дополнительные признаки, присутствующие в семантике указанных слов.

Информация является широким и сложным понятием, означающим «результаты деятельности мыслящей материи, закреплённые в семиотических системах» [Рождественский, 1996, с. 5] и полученные в процессе познания внешнего мира. В лингвистике принято считать, что информация материализуется через различные формы сообщения (предложение, фрагмент текста, цельный текст), оформленного номинативно и имеющего содержание фактологического характера [Гальперин, 1981, с. 26]. Понимание сообщения как проявленной информации, доступной для адресата, которому оно предназначено, фиксирует родовидовую корреляцию между семами «информация» и «сообщение». Таким образом, в первом значении находят воплощение характеристики слухов как информации, во втором слух предстает как вербализованная информация – информация, материализованная в форме сообщений, как собственно слух. Вторая семема, являясь производной от главной, содержит ряд дополнительных, дифференциальных сем: «*written*» ‘письменная форма сообщения’ (наряду с устной), «*believed to be the truth*» ‘правдоподобный характер транслируемого’.

В связи с этим можно констатировать, что между центральным (ЛСВ1) и производным (ЛСВ2) значениями установились отношения привативной оппозиции (логическое отношение включения), указывающие на наличие внутрисловной гипонимии. В одном из словарей наряду с синонимами эксплицируется гипероним к дефинируемому слову: «*Hypernyms: information*» [English Wiktionary], что свидетельствует о включенности ЛСГ «*Rumour*» в ЛСГ более высокого иерархического уровня с общим семантическим признаком «*uncertain*» и – шире – лексико-семантического поля «*Information*».

По типологии структура исследуемого полисемического слова имеет смешанный (радиально-цепочечный) тип связи семем с главным значением. Радиальная связь демонстрируется между ЛСВ1, ЛСВ3, ЛСВ4, ЛСВ5, цепочечная связь – между ЛСВ1 и ЛСВ2. По оппозиции, под которой понимается специфический вид парадигматических отношений (корреляций), между значениями можно выделить несколько типов оппозиций. Отношения между ЛСВ1, ЛСВ2, с одной стороны, и ЛСВ3, с другой, обнаруживают эквиполентную оппозицию на основе логического отношения пересечения тематических сем «информация / сообщение» (ЛСВ1, ЛСВ2) и «коммуникация» (ЛСВ3), совпадающих с категориальными семемами предметности и процессуальности соответственно. Информация и коммуникация выступают взаимообусловленными и взаимопересекающимися понятиями в том смысле, что в теории коммуникации они осмысливаются посредством друг друга и понимаются как две стороны глобального информационно-коммуникативного акта: коммуникация – процесс (форма обмена информацией, условие существования информации), а информация – его содержание (совокупность конкретных сведений). В связи с тем, что денотат ЛСВ3 отражает разговоры, толки, пересуды, молву, т.е. связан с речевой деятельностью людей, данное значение содержит ряд дифференцирующих сем, фиксирующих параметры коммуникативной ситуации передачи слухов: характеристики речевого поведения коммуникантов, особенности ситуации общения (условия общения, его участники), прагматические аспекты передаваемых сообщений, включая коммуникативную цель (интенцию), коннотативную составляющую. При наличии интегральных сем, характеризующих передачу информации, тематизирующую социальные проблемы, события частной жизни индивидов, дополнительными семантическими признаками ЛСВ3 выступают «without their presence» ‘отсутствие субъекта (мишени) слуха’, «little importance» ‘низкая степень ценности информации’, «condemnation» ‘осуждение’, «negative evaluation» ‘отрицательная оценка’, «harmful intent» ‘злонамеренность’, что указывает на включенность сплетен в данное системное значение исследуемого слова. Таким образом, в данном значении английская лексема *rumour* денотативно соотносится с русской лексемой *молва* и обозначает совокупность неформальных коммуникаций межличностного типа, в рамках которых сообщения передаются «по цепочке» и формируется общественное мнение по широкому кругу вопросов, связанных как с проблемами социума, так и с частной жизнью отдельных его представителей.

Денотат ЛСВ4 отражает косвенный тип информации, актуализируемый как чужая речь. Семантическим маркером данного значения в словарных толкованиях выступает лексема *hearsay*. Самостоятельность этому значению придает отсутствие таких видовых сем, являющихся яркими дифференциальными компонентами ядерных семем в семантической структуре исследуемого слова, как «распространяемость» и «цепочечность». По сути, в данном значении отсутствует признак самовоспроизводства получаемой реципиентом информации и актуализируется именно способ ее получения – «понаслышке», имеющий опосредованный характер.

ЛСВ5 выступает как второстепенное, периферийное значение в отношении центрального, ядерного, являясь производным от ЛСВ2 с гиперсемой «statement» ‘сообщение’. ЛСВ2 и ЛСВ5 демонстрируют отношения включения с вариантом сужения значения «слух-сообщение» без какой-либо предметной соотнесенности (что потенцирует возможность актуализации любой тематики) до значения «слушок, сплетня» с дифференциальной семой «about private life of other people», выражая неподтвержденное сообщение, тематически редуцированное до событий частной жизни индивидов.

Таким образом, выявленные обобщённые лексикографические значения исследуемого полисеманта *rumour* соотносятся с объемным денотатом, интегрирующим совокупность неформальных межличностных коммуникаций на основе информационных сообщений неverified характера различной тематической наполненности. На наш взгляд, сложность обобщенного денотата обуславливается диффузностью значений исследуемого многозначного слова, что приводит зачастую к нарушению принципа дискретной подачи его значений в словарях. На вопрос, «в какой мере диффузное, неопределенное или двусмысленное употребление слов в речи мешает дискретному представлению их значений в языке (в словаре)» [Апресян, 1995, с. 180], в отношении исследуемого слова можно ответить, обратившись к примерам, приведенным в словарях. Ср. *Rumour has it that there will be major job cuts in the new year. 'Ходят слухи, разговоры / По слухам / Люди говорят / Идет молва, что в новом году произойдут серьезные сокращения рабочих мест'. All sorts of rumours are going round the office about him and his secretary. 'По офису ходят всевозможные слухи / всякие сплетни / разговоры о нем и его секретарше. В офисе все говорят о нем и его секретарше'.* Связанность разных ЛСВ исследуемого полисеманта проявляется в виде непротиворечивой совместимости значений в рамках одного контекста. Согласно предложенной Ю. Д. Апресяном типологии причин речевой двусмысленности, порожденной языковой лексической многозначностью [Там же, с. 180–182], для данных случаев ее можно обозначить как вызванную синкретичным выражением разных значений слова *rumour*.

2.3. Связь семантики слова *rumour* с категорией эвиденциальности

При сопоставлении компонентного состава унифицированных значений интегральными семами всего множества структурных компонентов лексического значения слова *rumour* выступают «information / statement» «информация / сообщение», «informal» «неформальный», «questionable accuracy» «сомнительная достоверность», «uncertain origin» «неопределенный источник» и «without confirmation» «неподтвержденность». Четкая зафиксированность в структуре каждого ЛСВ трех ярких интегральных сем – «сомнительная достоверность», «неподтвержденность» и «неопределенный источник», характеризующих тип передаваемой информации, – свидетельствует о том, что именно они являются признаками, формирующими семантическую основу лексемы *rumour*, инвариантными компонентами, определяющими специфику всей семантемы. В связи с этим очевидным является то, что ключ к пониманию его семантики лежит в плоскости двух языковых категорий: эпистемической модальности и эвиденциальности. На это указывают и парадигматически связанные по значению с исследуемым словом элементы антонимического ряда, предлагаемые одним из словарей: *evidence, actuality, truth, proof, fact, hard facts, formal announcement, experience, official statement, silence* [Classic Thesaurus].

Сема «сомнительная достоверность» является отражением категории эпистемической модальности, фиксирующей степень достоверности пропозиции. Указанный признак выражен градуально – в диапазоне истинности-ложности, что фиксируется в дефинициях посредством формулировок типа *may / might or may not / might not be true, might be true or invented, not always true, often untrue, usually a mixture of truth and untruth, not based on definite knowledge*. Несмотря на его константность во всех дефинициях и соответственно безусловную яркость и ядерность, на наш взгляд, сам по себе он не является ключевым для семантемы исследуемого слова, поскольку без двух остальных признаков содержательное ядро последней является неполным.

Основополагающую роль в инвариантном наборе сем, объединяющем все значения в семантической структуре слова *rumour*, играют две взаимообусловленных семы, попеременно эксплицируясь в словарных толкованиях: «неподтвержденность» и «неопределенный источник». Последняя отражает отсутствие конкретного источника информации, неизвестный или неидентифицированный источник, т.е. фиксирует неавторизованный характер передаваемых сведений. Не получая зачастую яркого проявления в словарных дефинициях, признак анонимности является с очевидностью ключевым компонентом в семантике исследуемого слова в силу его выводимости из признаков неподтвержденности и сомнительной достоверности. Указывая на косвенный характер¹⁰ транслируемых сведений и необходимость подтверждения информации, обе семы обнаруживают тесную связь семантики исследуемого слова с категорией засвидетельствованности.

Засвидетельствованность или эвиденциальность (наиболее устоявшееся название в современных исследованиях) традиционно соотносится с источником информации, но не только с ним. С учетом того, что источник информации и субъект речи не всегда коррентны (говорящий может транслировать информацию как «от себя», так и «с чужих слов»), важнейшим фактором становится способ и характер получения информации, т.е. указание на наличие или отсутствие основания для высказывания. Не вдаваясь в подробности различных трактовок, отметим, что в лингвистике существуют разные типологии эвиденциальности¹¹.

Связь данной категории с семантикой исследуемого слова проявляется посредством понятия свидетельства¹². Эвиденциальное значение, характерное для «слуховой» информации, относится к непрямому доступу в варианте пересказа свидетельств других лиц. А. Айхенвальд называет эвиденциальность пересказываемости репортативной эвиденциальностью («reported evidential») и выделяет главной ее функцией указание на то, что информация известна с чьих-то слов. В рамках репортативности ею выделяется два значения: цитатив / квотатив (есть конкретный источник информации) и собственно репортатив (источник пересказываемой информации не уточняется, нерелевантен или неизвестен) [Aikhenvald, 2004, p. 63]. Именно с последним значением репортативной зоны соотносится семантика исследуемого слова.

Для настоящей работы эвристичной представляется подробная разработка репортативного сегмента, а именно то, что А. Айхенвальд вслед за Т. Уиллеттом определяет как «secondhand» и «thirdhand information» [Там же, p. 176–179]. В первом варианте, относящемся к квотативу, свидетельство приписывается другому, но конкретному источнику, во

¹⁰ На эту имманентно присущую слухам характеристику указывают Г.Е. Крейдлин и М.В. Самохин: «Здесь важно подчеркнуть один момент. Казалось бы, зачем вообще говорить о том, что сообщение, получаемое от другого лица, является чужим, – ведь «экспроприация» чужой речи является основным свойством процесса коммуникации, поскольку без передачи другому новой информации нет общения? Дело, однако, в том, что рассматриваемое свойство слухов – «быть чужой речью» – является **семантическим**» [Крейдлин, Самохин, 2003, с. 118–119].

¹¹ Перспективной представляется трактовка, предложенная В.А. Плунгяном, объединившим в рамках эвиденциальности два фактора: структурные и функциональные показатели, отражающие источник сведений, с одной стороны, характер и способ их получения, с другой. В рамках последнего выделяются прямой и не прямой (косвенный), а также личный (непосредственный) и неличный (опосредованный) типы доступа к информации [Плунгян, 2011, с. 357 и сл.]. Соответственно, слухи могут быть охарактеризованы как высказывания, отмеченные косвенной опосредованной эвиденциальностью.

¹² Не случайно, в раннем определении эвиденциальности А. Айхенвальд подчеркивается особая роль свидетельства и его тип при определении источника информации: «Evidentiality proper is understood as stating the *existence* of a source of evidence for some information; that includes stating that there is some evidence, and also specifying *what type of evidence* there is» [Aikhenvald, 2003, p. 1. – Курсив наш.].

втором – свидетельство основано на информации от третьих лиц, без ссылки на лицо-источник информации¹³. Это означает, что для слухов единственно релевантным значением является косвенность, пересказывательность информации («reported, non-firsthand evidence») в варианте собственно репортатива, связанного с информацией из неавторизованного источника, т.е. свидетельством из третьих рук («third-hand, reportative evidence»).

Константное сочетание в словарных дефинициях инвариантных сем «неподтвержденность» и «неопределенный источник» с ядерным признаком «сомнительная достоверность» свидетельствует о том, что семантическая зона непрямого доступа облигаторно сопрягается с эпистемической оценкой информации. Очевидно, что английский язык относится к эвиденциальным системам, в которых отсутствие личного доступа говорящего к информации коррелирует с её возможной недостоверностью.

Таким образом, отношение между собственно репортативом, связанным с незасвидетельствованностью (пересказывательностью, неконфирмативностью, неочевидностью), и семантикой слова *rumour* можно установить в терминах Е. В. Рахилиной как «денотативно фиксированное» [Рахилина, 2008, с. 42].

Наконец, компонентный анализ показывает, что яркой семой ЛСВ1, ЛСВ2, ЛСВ3 исследуемого слова выступает компонент «распространяемость / транслируемость информации», который, помимо эвиденциального признака пересказывательности, актуализирует циркулирующий характер слухов, их передаваемость. Это наделяет ядерные значения исследуемого слова характеристиками передающегося знания. Но поскольку эта сема не обнаруживается в структуре периферийного ЛСВ4, денотатом которого является косвенная информация (информация, полученная от другого лица, но не переданная дальше по цепочке), данный компонент не приобретает статус инвариантного, но, безусловно, является прототипическим.

3. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Востребованность данной работы обуславливается интересом к неопределённому знанию, с одной стороны, и неформальному коммуникативному взаимодействию, с другой. Одним из способов их реализации выступают слухи. Лингвистические аспекты исследуемого явления могут быть изучены с разных ракурсов, что будет способствовать не только созданию его всеобъемлющей модели, но и углублять представления, связанные в том числе с практиками, присущими профессиональной коммуникации, их неформальными аспектами.

Объектом настоящего исследования выступает ключевое английское слово. В результате изучения семантической структуры слова *rumour* с опорой на словарные дефиниции посредством компонентного анализа было произведено обобщенное описание его лексикографического значения. Совокупность установленных значений, составляющих семантему исследуемого слова, указывает на его полисемантическую природу. Семантическая вариативность слова выражается в виде существования в его структуре пяти ЛСВ, связанных между собой различными типами отношений. Яркими (ядерными) интегральными призна-

¹³ Уточним, что принципиально важной здесь является установленная Т. Уиллеттом градация эвиденциальности, относящаяся к значениям, категоризируемым как *hearsay*: «a. Second-hand evidence (hearsay): “the speaker claims to have heard of the situation described from someone who was a direct witness”. E.g., “he says”. b. Third-hand evidence (hearsay): “the speaker claims to have heard about the situation described, but not from a direct witness”. E.g., “I heard”, “I hear tell”, “it is said”, “they say” (impersonal). Thus, it represents information which has been transmitted from one person to another and finally to the speaker» [Willett, 1988, p. 96. – Курсив наш.].

ками для всех значений исследуемого полисеманта представляются семы «сомнительная достоверность», «неподтвержденность», «неопределенный источник». Присутствие указанных сем в структуре денотативного макрокомпонента связывает семантему слова с категориями эпистемической модальности и эвиденциальности. В рамках последней значения исследуемого слова относятся к домену косвенной опосредованной информации. При этом важным фактором является *уровень свидетельства* как источника информации. Семантическую специфику исследуемого слова определяет инвариантность признаков «неподтвержденность» и «неопределенный источник», что указывает на релевантность для слухов лишь одного уровня свидетельства, квалифицируемого как *third-hand evidence* и, как результат, нерелевантность верифицируемости. Классификация репортативной эвиденциальности в виде несколькоуровневой типологии свидетельства, очевидно, будет полезным инструментом при делимитации границ соположенных элементов неформальной коммуникации, номинируемых синонимами *gossip* и *hearsay*. Соединение в структуре значений слова *rumour* инвариантных сем «неподтвержденность» и «неопределенный источник» с ядерной семой «сомнительная достоверность» свидетельствует о взаимообусловленности в его семантике эвиденциального фактора и модальности, т.е. типа свидетельства и сопряженной с ним эпистемической оценки передаваемых сведений.

Таким образом, информация, реализуемая посредством сообщений, категоризируемая как «knowledge by hearsay» в варианте собственно репортатива и связанного с ним третьего уровня свидетельства («third-hand evidence»), т.е. отмеченная незасвидетельствованностью, неконфирмативностью, неочевидностью и обладающая характеристиками передающегося знания, а также неформальная коммуникация, осуществляемая на основе такого рода информации, квалифицируются нами как центральные значения семантического содержания слова *rumour*.

Полученные данные в отношении семантики слова *rumour* не окончательны и являются лишь результатом применения процедуры чисто языкового анализа лексикографического материала на уровне парадигматики на основе внутриязыковой группы методов. Однако предпринятое первичное описание семантической структуры слова *rumour*, отражающего ключевое для категории эвиденциальности понятие, будет способствовать раскрытию специфики не только плана содержания исследуемой ЛЕ, но и самой категории эвиденциальности, прежде всего ее репортативного сегмента.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Апресян Ю.Д. Идеи и методы современной структурной лингвистики. М.: Просвещение, 1966.
2. Апресян Ю.Д. Лексическая семантика. Синонимические средства языка. М.: Языки русской культуры, Восточная литература, 1995.
3. Бабушкин А.П., Стернин И.А. Когнитивная лингвистика и семасиология. Воронеж: Ритм, 2018.

4. Балли Ш. Французская стилистика. Перевод с фр. К.А. Долинина; под ред. Е.Г. Эт-кинда. М.: Изд-во иностр. лит., 1961.
5. Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. М.: Наука, 1981.
6. Горский Д.П. Определение (логико-методологические проблемы). М.: Мысль, 1974.
7. Зализняк А.А. Семантическая деривация в синхронии и диахронии: проект “каталога семантических переходов” // Вопросы языкознания. 2001. № 2. С. 13–25.
8. Караулов Ю.Н. Частотный словарь семантических множителей русского языка. М.: Наука, 1980.
9. Касавин И.Т. Источники знания: проблема «testimonial knowledge» // Эпистемология и философия науки. 2013. Т. 35. №1. С. 5–15.
10. Козинцева Н.А. Категория эвиденциальности (проблемы типологического анализа) // Вопросы языкознания. 1994. № 3. С. 92–104.
11. Кондаков Н.И. Логический словарь-справочник. Москва: Наука, 1975.
12. Крейдлин Г.Е., Самохин М.В. Слухи, сплетни, молва – гармония и беспорядок // Логический анализ языка. Космос и хаос: Концептуальные поля порядка и беспорядка. Арутюнова Н. Д. (отв. ред.). М.: Индрик, 2003. С. 117–157.
13. Кузнецова Э.В. Лексикология русского языка. М.: Высшая школа, 1989.
14. Кузнецова Э.В. Ступенчатая идентификация как средство описания семантических связей слов // Вопросы металингвистики. Л.: Изд-во ЛГУ, 1973. С. 84–95.
15. Плунгян В.А. Введение в грамматическую семантику: грамматические значения и грамматические системы языков мира. М.: Изд-во РГГУ, 2011.
16. Рахилина Е.В. Когнитивный анализ предметных имен: семантика и сочетаемость. М.: Русские словари, 2008.
17. Рождественский Ю.В. Общая филология. М.: Фонд «Новое тысячелетие», 1996.
18. Селиверстова О.Н. Компонентный анализ многозначных слов: на материале некоторых русских глаголов. М.: Наука, 1975.
19. Селиверстова О.Н. Труды по семантике. М.: Языки славянской культуры, 2004.
20. Стернин И.А., Рудакова А.В. Словарные дефиниции и семантический анализ. Воронеж: Истоки, 2017.
21. Уфимцева А.А. К вопросу о так называемом дефиниционном методе описания лексического значения слова // Слово в грамматике и словаре. М.: Наука, 1984. С. 131–141.
22. Хайдеггер М. Бытие и время. Пер. с нем. В.В. Бибихина. М.: Ad Marginem, 1997.
23. Шелов С.Д. Терминоведение: семь вопросов и семь ответов по семантике термина // Научно-техническая информация (НТИ). Сер. 2: Информационные процессы и системы. 2001. № 2. С. 3–9.
24. Шмелев Д.Н. Проблемы семантического анализа лексики. М.: Наука, 1973.
25. Alkhenvald A. Evidentiality. Oxford: Oxford University Press, 2004.
26. Alkhenvald A. Evidentiality in a Typological Perspective // A. Aikhenvald, & R. Dixon (Eds.) Studies in Evidentiality. Amsterdam: John Benjamins, 2003. Pp. 1–31.
27. Dewhurst T. Knowledge through Communication: A response to the question of how testimony-based knowledge is possible : Thesis Presented for the Degree of Doctor of Philosophy [Электронный ресурс]. University of Cape Town, 2014. URL: https://open.uct.ac.za/bitstream/handle/11427/15525/thesis_hum_2014_dewhurst_tha_copy_ra_uuml_se.pdf?sequence=1 (дата обращения: 07.02.2023).
28. Fricker E. Second-Hand Knowledge // Philosophy and Phenomenological Research. 2006. Vol. 73 (3). Pp. 592–618.

29. Gelfert A. A Critical Introduction to Testimony. London: Bloomsbury Academic, 2014.
30. Gelfert A. Coverage-reliability, epistemic dependence, and the problem of rumor-based belief // *Philosophia*. 2013. Vol. 41 (3). Pp. 763–786.
31. Gelfert A. Rumor // D. Coady & J. Chase (Eds.) *Routledge Handbook of Applied Epistemology*. New York: Routledge, 2019. Pp. 259–271.
32. Goldberg S.C. Testimonially based knowledge from false testimony // *The Philosophical Quarterly*. 2001. Vol. 51 (205). Pp. 512–526.
33. Goldberg S.C. Testimonial knowledge through unsafe testimony // *Analysis*. 2005. Vol. 65(4). Pp. 302–311.
34. Jobs S. Uncertain knowledge // *Rethinking History: The Journal of Theory and Practice*. 2014. Vol. 18 (1). Pp. 2–9. doi: 10.1080/13642529.2014.873577
35. Mel'čuk I., Milićević J. *An Advanced Introduction to Semantics*. Cambridge: Cambridge University Press, 2020.
36. Plungian V.A. The place of evidentiality within the universal grammatical space // *Journal of Pragmatics*. 2001. Vol. 33. Pp. 349–357. doi: 10.1016/S0378-2166(00)00006-0
37. Willett Th. A cross-linguistic survey of the grammaticalization of evidentiality // *Studies in Language*. 1988. Vol. 12 (1). Pp. 51–97.

СЛОВАРИ

1. Cambridge Advanced Learner's Dictionary & Thesaurus [Электронный ресурс]. URL: <https://www.dictionary.cambridge.org> (дата обращения: 15.12.2022).
2. Cambridge Business English Dictionary [Электронный ресурс]. URL: <https://www.dictionary.cambridge.org> (дата обращения: 15.12.2022).
3. Cambridge Essential Dictionary [Электронный ресурс]. URL: <https://www.dictionary.cambridge.org> (дата обращения: 15.11.2022).
4. Classic Thesaurus [Электронный ресурс]. URL: <https://www.classicthesaurus.com> (дата обращения: 14.11.2022).
5. Cobuild Advanced English Dictionary [Электронный ресурс]. URL: <http://www.collins-dictionary.com> (дата обращения: 13.04.2022).
6. Collins English Dictionary [Электронный ресурс]. URL: <http://www.collinsdictionary.com> (дата обращения: 13.11.2022).
7. English Wiktionary [Электронный ресурс]. URL: <https://en.wiktionary.org> (дата обращения: 11.11.2022).
8. Hornby A. S. *Oxford Student's Dictionary of Current English*. Oxford: Oxford University Press, 1983.
9. Kernerman English Multilingual Dictionary [Электронный ресурс]. URL: <https://www.thefreedictionary.com> (дата обращения: 10.11.2022).
10. Longman Dictionary of Contemporary English online [Электронный ресурс]. URL: <https://www.ldoceonline.com> (дата обращения: 20.12.2021).
11. Longman Dictionary of Contemporary English. Third Edition. Pearson Education Limited. 2000.
12. Longman Dictionary of English Language and Culture. L.: Longman. 1999.
13. Macmillan Dictionary [Электронный ресурс]. URL: <https://www.macmillandictionary.com> (дата обращения: 15.10.2022).

14. Merriam-Webster's Learner's Dictionary [Электронный ресурс]. URL: <https://www.learnersdictionary.com> (дата обращения: 17.10.2022).
15. Oxford Advanced Learner's Dictionary [Электронный ресурс]. URL: <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com> (дата обращения: 15.12.2022).
16. Random House Kernerman Webster's College Dictionary [Электронный ресурс]. URL: <https://www.thefreedictionary.com> (дата обращения: 14.12.2022).
17. The American Heritage Dictionary of the English Language [Электронный ресурс]. URL: <https://ahdictionary.com> (дата обращения: 15.12.2022).
18. The New International Webster's Comprehensive Dictionary of the English Language. Encyclopedic Edition. Druck und Bindung, 2003.
19. Webster's New World College Dictionary [Электронный ресурс]. URL: <http://www.col-linsdictionary.com> (дата обращения: 04.12.2022).
20. WordNet Dictionary [Электронный ресурс]. URL: <http://www.wordnet-online.com> (дата обращения: 22.12.2022).
21. Yourdictionary [Электронный ресурс]. URL: <https://www.yourdictionary.one> (дата обращения: 15.10.2021).

REFERENCES

1. Apresyan, Yu.D. (1966). *Idei i metody sovremennoi strukturnoi lingvistiki [Ideas and methods of modern structural linguistics]*. Moscow: Prosveshchenie (in Russian).
2. Apresyan, Yu.D. (1995). *Leksicheskaya semantika. Sinonimicheskie sredstva yazyka [Lexical semantics. Synonymous language means]*. Moscow: Yazyki russkoi kul'tury, Vostochnaya literatura (in Russian).
3. Babushkin, A.P., & Sternin I.A. (2018). *Kognitivnaya lingvistika i semasiologiya [Cognitive linguistics and semasiology]*. Voronezh: Ritm (in Russian).
4. Bally, Ch. (1951/1961). *Frantsuzskaya stilistika [Traité de stylistique française]* (K.A. Dolinin, Trans.). Paris; Genève. Moscow: Izd-vo inostr. lit. (in Russian).
5. Gal'perin, I.R. (1981). *Tekst kak ob'ekt lingvisticheskogo issledovaniya [Text as an object of linguistic research]*. Moscow: Nauka (in Russian).
6. Gorskii, D.P. (1974). *Opreделение (logiko-metodologicheskie problemy) [Definition (logical and methodological problems)]*. Moscow: Mysl' (in Russian).
7. Zaliznyak, A.A. (2001). Semanticheskaya derivatsiya v sinkhronii i diakhronii: projekt "kataloga semanticheskikh perekhodov" [Semantic derivation in synchrony and diachrony: the "catalog of semantic transitions" draft]. *Voprosy Jazykoznanija [Topics in the Study of Language]*, 2, 13–25 (in Russian).
8. Karaulov, Yu.N. (1980). *Chastotnyi slovar' semanticheskikh mnozhitel' russkogo yazyka [Frequency dictionary of semes of the Russian language]*. Moscow: Nauka (in Russian).
9. Kasavin, I.T. (2013). Istochniki znaniya: problema «testimonial knowledge» [Sources of knowledge: The problem of testimonial knowledge]. *Epistemology & Philosophy of Science*, 35(1), 5–15 (in Russian).
10. Kozintseva, N.A. (1994). Kategoriya evidentsial'nosti (problemy tipologicheskogo analiza [The category of evidentiality (problems of typological analysis)]]. *Voprosy Jazykoznanija [Topics in the Study of Language]*, 3, 92–104 (in Russian).

11. Kondakov, N.I. (1975). *Logicheskii slovar'-spravochnik* [Logic reference]. Moscow: Nauka (in Russian).
12. Kreidlin, G.E., & Samokhin, M.V. (2003). Slukhi, spletni, molva – garmoniya i besporyadok [Rumors, gossip, talks in view of harmony and chaos]. In N.D. Arutyunova (Ed.). *Logicheskii analiz yazyka. Kosmos i khaos: Kontseptual'nye polya poryadka i besporyadka* [Logical analysis of the language. Cosmos and Chaos: Conceptual fields of order and disorder] (pp. 117-157). Moscow: Indrik (in Russian).
13. Kuznetsova, E.V. (1989). *Leksikologiya russkogo yazyka* [Russian lexicology]. Moscow: Vysshaya shkola (in Russian).
14. Kuznetsova, E.V. (1973). Stupenchataya identifikatsiya kak sredstvo opisaniya semanticheskikh svyazei slov [Step-by-step identification as a method of describing semantic relations of words]. *Voprosy metalingvistiki* [Metalinguistics Issues]. Leningrad: Leningrad State Univ., 84–95 (in Russian).
15. Plungian, V.A. (2011). *Vvedenie v grammaticheskuyu semantiku: grammaticheskie znacheniya i grammaticheskie sistemy yazykov mira* [Introduction to grammatical semantics: Grammatical meanings and grammatical systems of the world's languages]. Moscow: Russian State Univ. for the Humanities (in Russian).
16. Rakhilina, E.V. (2008). *Kognitivnyi analiz predmetnykh imen: semantika i sochetaemost'* [Cognitive analysis of concrete nouns: semantics and cooccurrence]. Moscow: Russkie slovari (in Russian).
17. Rozhdestvenskii, Yu.V. (1996). *Obshchaya filologiya* [General Philology]. Moscow: The New Millennium Foundation (in Russian).
18. Seliverstova, O.N. (1975). *Komponentnyi analiz mnogoznachnykh slov: na materiale nekotorykh russkikh glagolov* [Componential analysis of polysemantic words: A case study of some Russian verbs]. Moscow: Nauka (in Russian).
19. Seliverstova, O.N. (2004). *Trudy po semantike* [Works on semantics]. Moscow: Yazyki slavyanskoi kul'tury (in Russian).
20. Sternin, I.A., & Rudakova A.V. (2017). *Slovarnye definitsii i semanticheskii analiz* [Dictionary definitions and semantic analysis]. Voronezh: Istoki (in Russian).
21. Ufimtseva, A.A. (1984). K voprosu o tak nazyvaemom definitcionnom metode opisaniya leksicheskogo znacheniya slova [On the question of the so-called definitional analysis of the lexical meaning of a word]. In *Slovo v grammatike i slovare* [A word in grammar and dictionary] (pp. 131-141). Moscow: Nauka (in Russian).
22. Heidegger, M. (1997). *Bytie i vremya* [Being and Time] (V.V. Bibikhin, Trans.). Moscow: Ad Marginem (in Russian).
23. Shelov, S.D. (2001). Terminovedenie: sem' voprosov i sem' otvetov po semantike termina [Terminology: seven questions and seven answers on the semantics of the term]. *Nauchno-tehnicheskaya informatsiya. Seriya 2. Informatsionnye protsessy i sistemy* [Scientific and technical information. Series 2. Information processes and systems], 2, 3–9 (in Russian).
24. Shmelev, D.N. (1973). *Problemy semanticheskogo analiza leksiki* [Problems of semantic analysis of vocabulary]. Moscow: Nauka (in Russian).
25. Alkhenvald, A. (2004). *Evidentiality*. Oxford: Oxford University Press.
26. Alkhenvald, A. (2003). Evidentiality in a Typological Perspective. In A. Aikhenvald, & R. Dixon (Eds.), *Studies in Evidentiality* (pp. 1–31). Amsterdam: John Benjamins.

27. Dewhurst, T. (2014). *Knowledge through Communication: A response to the question of how testimony-based knowledge is possible* [Doctoral dissertation, University of Cape Town]. 2014. https://open.uct.ac.za/bitstream/handle/11427/15525/thesis_hum_2014_dewhurst_tha_copy_ra_uuml_se.pdf?sequence=1
28. Fricker, E. (2006). Second-Hand Knowledge. *Philosophy and Phenomenological Research*, 73(3), 592–618.
29. Gelfert, A. (2014). *A Critical Introduction to Testimony*. London: Bloomsbury Academic.
30. Gelfert, A. (2013). Coverage-reliability, epistemic dependence, and the problem of rumor-based belief. *Philosophia*, 41(3), 763–786.
31. Gelfert, A. (2019). Rumor. In D. Coady & J. Chase (Eds.), *Routledge Handbook of Applied Epistemology* (pp. 259–271). New York: Routledge.
32. Goldberg, S.C. (2001). Testimonially Based Knowledge From False Testimony. *The Philosophical Quarterly*, 51(205), 512–526.
33. Goldberg, S.C. (2005). Testimonial Knowledge Through Unsafe Testimony. *Analysis*, 65(4), 302–311.
34. Jobs, S. (2014). Uncertain knowledge. *Rethinking History: The Journal of Theory and Practice*, 18(1), 2–9. doi:10.1080/13642529.2014.873577
35. Mel'čuk, I., & Milićević, J. (2020). *An Advanced Introduction to Semantics*. Cambridge: Cambridge University Press.
36. Plungian, V.A. (2001). The place of evidentiality within the universal grammatical space. *Journal of Pragmatics*, 33, 349–357. doi: 10.1016/S0378-2166(00)00006-0
37. Willett, Th. (1988). A Cross-Linguistic Survey of the Grammaticalization of Evidentiality. *Studies in Language*, 12(1), 51–97.

DICTIONARIES

1. *Cambridge Advanced Learner's Dictionary & Thesaurus*. Retrieved from <https://www.dictionary.cambridge.org> (accessed: 15 December, 2022).
2. *Cambridge Business English Dictionary*. Retrieved from <https://www.dictionary.cambridge.org> (accessed: 15 December, 2022).
3. *Cambridge Essential Dictionary*. Retrieved from <https://www.dictionary.cambridge.org> (accessed: 15 November, 2022).
4. *Classic Thesaurus*. Retrieved from <https://www.classicthesaurus.com> (accessed: 14 November, 2022).
5. *Cobuild Advanced English Dictionary*. Retrieved from <http://www.collinsdictionary.com> (accessed: 13 April, 2022).
6. *Collins English Dictionary*. Retrieved from <http://www.collinsdictionary.com> (accessed: 13 November, 2022).
7. *English Wiktionary*. Retrieved from <https://en.wiktionary.org> (accessed: 11 November, 2022).
8. Hornby, A.S. (1983). *Oxford Student's Dictionary of Current English*. Oxford: Oxford University Press.
9. *Kernerman English Multilingual Dictionary*. Retrieved from <https://www.thefreedictionary.com> (accessed: 10 November, 2022).

10. *Longman Dictionary of Contemporary English* (2000). Third Edition. Pearson Education Limited.
11. *Longman Dictionary of Contemporary English online*. Retrieved from <https://www.ldoceonline.com> (accessed: 20 December, 2021).
12. *Longman Dictionary of English Language and Culture* (1999). L.: Longman.
13. *Macmillan Dictionary*. Retrieved from <https://www.macmillandictionary.com> (accessed: 15 October, 2022).
14. *Merriam-Webster's Learner's Dictionary*. Retrieved from <https://www.learnersdictionary.com> (accessed: 17 October, 2022).
15. *Oxford Advanced Learner's Dictionary*. Retrieved from <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com> (accessed: 15 December, 2022).
16. *Random House Kernerman Webster's College Dictionary*. Retrieved from <https://www.thefreedictionary.com> (accessed: 14 December, 2022).
17. *The American Heritage Dictionary of the English Language*. Retrieved from <https://ahdictionary.com> (accessed: 15 December, 2022).
18. *The New International Webster's Comprehensive Dictionary of the English Language* (2003). Encyclopedic Edition. Druck und Bindung.
19. *Webster's New World College Dictionary*. Retrieved from <http://www.collinsdictionary.com> (accessed: 04 December, 2022).
20. *WordNet Dictionary*. Retrieved from <http://www.wordnet-online.com> (accessed: 22 December, 2022).
21. *Yourdictionary*. Retrieved from <https://www.yourdictionary.one> (accessed: 15 October, 2021).

Информация об авторах:

Иванова Светлана Викторовна – доктор филологических наук, профессор кафедры английского языка в сфере философии и социальных наук Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург, Россия). ORCID ID: 0000-0002-0127-9934.

Хакимова Гульнара Шарифулловна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры социально-правовых и гуманитарных наук филиала Южно-Уральского государственного университета в г. Златоусте (Златоуст, Россия). ORCID ID: 0000-0003-3287-6966.

Получено: 13 октября 2023 г.

Принято к публикации: 22 января 2024 г.

RUMOUR: A LEXICOGRAPHICAL DESCRIPTION OF THE WORD MEANING FROM EVIDENTIALITY PERSPECTIVE

Svetlana V. Ivanova

Saint-Petersburg State University

(Saint Petersburg, Russia)

svet_victoria@mail.ru

Gulnara Sh. Khakimova

South Ural State University Branch in Zlatoust

(Zlatoust, Russia)

gkhakimova@yandex.ru

Abstract: Current media studies as well as the analysis of social interaction put forward the notion of rumours playing a significant role in human communication and making it a full-fledged object of linguistic analysis. The article is devoted to the description and unification of the lexicographical meaning of the word ‘rumour’ which is basic for indirect knowledge transmission. The proposed research perspective is preconditioned by the interest in uncertain knowledge and informal communication practices including such phenomena as rumors, gossip, etc., inherent in professional communication, as well as in the category of evidentiality. The empirical material comprises dictionary interpretations, the inconsistency of which stipulated the application of the ideas of lexical semantics. Componential analysis is chosen as the main method to define meanings. As a result, the polysemy of the word under study has been exposed, with its structure including five lexico-semantic variants with different types of relations. The invariant set of ‘without confirmation’, ‘uncertain origin’, ‘questionable accuracy’ components in the structure of the meanings indicates that there is a direct connection of the word semantics with the linguistic categories of evidentiality and epistemic modality. The analysis shows that when interpreting the values obtained, the concept of evidence as a source of information has an explanatory potential, the crucial factor being its distinct classification in terms of levels. The extensive typology of reportive evidentials enables to define the central meaning of the word ‘rumour’ as information characterized as transmitted knowledge, realized through informal statements, categorized as a proper reportative marked by the third level of evidence. The core ‘questionable accuracy’ seme testifies to the correlation of the reportative evidential value and the epistemic evaluation of the acquired knowledge which manifests itself in the fact that indirect mediated access to information potentiates its qualification as lacking confirmation.

Keywords: componential analysis, definition, evidence, meaning, rumour, seme.

How to cite this article: Ivanova, S.V., Khakimova, G.Sh. (2024). Rumour: A Lexicographical Description of the Word Meaning from Evidentiality Perspective. *Professional Discourse & Communication*, 6(1), 69–94 (in Russian). <https://doi.org/10.24833/2687-0126-2024-6-1-69-94>

About the authors

Svetlana V. Ivanova, Dr. Sci. (Philology) is Professor in the Department of the English language in the sphere of philosophy and social sciences at Saint-Petersburg State University (Saint Petersburg, Russia). ORCID ID: 0000-0002-0127-9934.

Gulnara Sh. Khakimova, Cand. Sci. (Philology) is Associate Professor in the Department of the Socio-Law and Humanity Sciences Department at South Ural State University Branch in Zlatoust (Zlatoust, Russia). ORCID ID: 0000-0003-3287-6966.

Received: October 13, 2023.

Accepted: January 22, 2024.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

<https://doi.org/10.24833/2687-0126-2024-6-1-95-108>

CHALLENGES IN ACHIEVING COHERENCE AND COHESION: A DISCOURSE ANALYSIS OF CHINESE EFL STUDENTS' ESSAYS

Anna Wing Bo Tso

The Hang Seng University of Hong Kong
annatso@hsu.edu.hk

Abstract: This paper aims to highlight the prevalent challenges faced by Hong Kong Chinese students in utilizing connectives and ensuring coherence in their English academic writing. Research indicates that constructing fluent, effective, and cohesive English written texts that maintain logical flow poses a significant challenge for Chinese learners studying English as a foreign language (EFL). This difficulty is likely attributed to the substantial cultural differences between the English and Chinese languages, regardless of the learners' grasp of English grammar and vocabulary usage. In order to raise awareness among EFL teachers regarding the struggles Chinese students encounter in mastering connectives and cohesion in English writing, this qualitative study analyses five sample English term papers written by Hong Kong university students majoring in English in 2023. The findings reveal that the Hong Kong EFL participants tend to present their arguments in an indirect and circular manner within their English essay assignments. Additionally, due to cultural norms and politeness, the true intent of their writing is often withheld, and the thesis statement is implicitly inferred towards the end of the essay rather than being explicitly stated at the beginning in the introduction. Furthermore, a focus group interview with the student participants conducted after the written analysis demonstrated that their English academic essays reflect the influence of Chinese social interaction norms on rhetorical patterns. The relevance of this study lies in its potential to inform EFL instruction, enabling educators to better support Hong Kong Chinese students in navigating the complexities of English academic writing and to adapt pedagogical approaches that bridge cultural and linguistic gaps.

Keywords: discourse analysis, coherence, connectives, academic writing, EFL, cultural variation.

How to cite this article: Tso, A.W.B. (2024). Challenges in Achieving Coherence and Cohesion: A Discourse Analysis of Chinese EFL Students' Essays. *Professional Discourse & Communication*, 6(1), 95–108. <https://doi.org/10.24833/2687-0126-2024-6-1-95-108>

1. INTRODUCTION

For many years, EFL teachers have been searching for the best methods to teach English academic writing. The dilemma is: should the English rhetorical patterns be taught as the universal writing standards? Or should EFL students be allowed to write in the rhetorical style which they are most familiar with in their own culture? How does one strike a healthy balance between following the academic writing conventions and writing with one's own rhetorical style? Recent studies [Tso, 2021; Li & Ngai, 2018] indicated that among all English writing conventions, logical thinking and clarity in writing are two big challenges for Chinese students. With reference to Halliday and Hasan's coherence and cohesion theory [1976] as well as Kaplan's cultural thought patterns in writing [1966], this paper aims to shed light on the discussion regarding cultural influence on L2 writing, especially in the context of academic writing by EFL students in the tertiary sector of Hong Kong, China.

1.1. Literature review

The coherence and cohesion theory widely accepted in the field of discourse analysis was outlined by Halliday & Hasan [1976] of the London School of Linguistics. According to the theory, cohesion and text connectedness are formed through small units of grammatical and lexical devices which hold the text together, namely reference, ellipsis, substitution, conjunction, and lexical ties:

- 'reference' (e.g. *it, this, those cars, neither*);
- 'ellipsis' (i.e. leaving out part of the sentence structure, avoiding repetition);
- 'substitution' (i.e. avoiding repetition by the use of a substitute item such as *one, so*, etc.);
- 'conjunction' (e.g. *but, also, meanwhile, however, in conclusion*);
- 'lexical ties' (e.g. repetition of lexis, the use of synonyms and co-occurrence of lexical items).

All these explicit linguistic clues contribute to the formation of cohesion, which helps to create a coherent text. However, as Ghasemi [2013] remarks, "a composition with more CDs [cohesive devices] cannot be considered as a coherent one" [Ghasemi, 2013, p.1620]. Yao also points out that the "overuse of conjunction devices" [Yao, 2014, p. 114] is a sign of weakness in Chinese students' writing. This implies that cohesion and coherence are two independent but intertwined concepts. A text filled with cohesive devices may not necessarily form coherence. In their book titled "Cohesion in English" [1976], Halliday & Hasan explain that a coherent text must fulfil two criteria, "one [criterion] is a text must be consistent with context in which it is created" [cited in Wang & Guo, 2014, p. 461], and the other criterion is "a text must have cohesion, that is, all parts in a text must be connected by cohesive devices" [Op. cit.]. More explicitly, Beaugrande & Dressler [1998] laid out the key difference between cohesion and coherence, providing a solid definition of coherence, "[cohesion] bears on the connectivity of the surface expressions" [cited in Moens, 2002, p. 6], while coherence "concerns the ways in which the components of the textual world, i.e. the configuration of concepts and relations that underlie the surface are mutually accessible and relevant" [Op. cit.]. Based on this definition of coherence, Tso, Ho & Chung [Tso et al., 2016] have listed a number of common methods to build coherence in terms of the configuration of concepts and ideas in English academic writing, which include:

- showing the general picture before boiling down to specific details;
- providing the topic sentence before discussing specific examples;
- raising the problem of the matter before suggesting the solution;
- asking the question first before giving out the possible answer;
- stating the argument before offering the counter-argument.

Since coherence is not as visible and easily understandable as cohesion, mastering the use of coherence in English academic writing can be challenging, especially for EFL learners. As indicated in Li, Yuan & Zhang's corpus study of university English writing in Tianjin [2014], most Chinese students have problems in mastering coherence in their college English writing. Their study is supported by Liu & Wang [2011], who also reveal that "errors in paragraph coherence" [Liu & Wang, 2011, p. 584] is one of the most common errors found in English compositions written by Chinese undergraduates. The "negative influence of their mother tongue" [Ibid, p. 591] is believed to have greatly interfered with their use of coherence in writing.

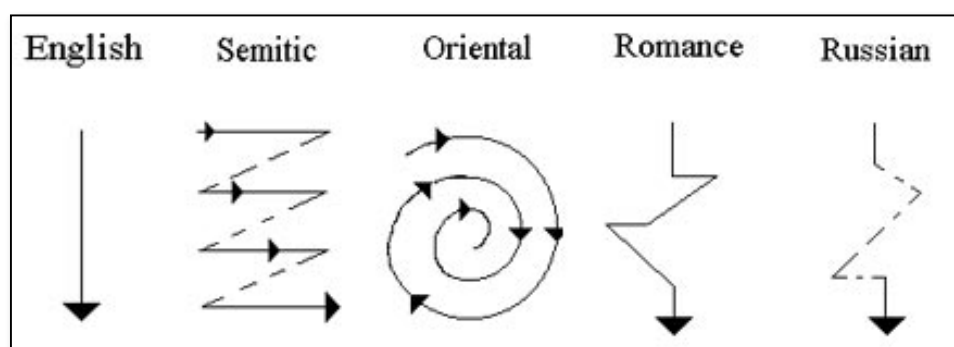
1.2. Focus of the paper

Having taught English language and literature for over ten years in various universities in China, I notice that many EFL students do have a hard time understanding and mastering discourse coherence in their English essays, as many other EFL researchers have noticed [Li et al., 2014; Ji, 2011; Hyland, 2009]. In EFL students' writing, it is not uncommon to see awkward utterances that are cohesive but incoherent, and those that are logically coherent at the idea level but not necessarily cohesive at the sentence level. It appears that more or less, cultural variations do play a role in the reasoning and usage of cohesion and coherence in writing. Cultural variations lead to different cultural patterns, which in turn bring about different thought patterns. Since different cultural thought patterns of different language groups may perceive the notion of coherence and cohesion differently, what native English speakers considered as loose organization, a lack of a logical link, misuse, or overuse of transitional markers in EFL writings may, in fact, mean more than just poor organization or/and careless mistakes. In 1966, Kaplan made the brave suggestion that learners whose first language is not English tend to organize and structure their expository writings according to the cultural thought pattern shared by their particular language group: "Examining samples of expository essays written in English by foreign students enrolled in at the University of Southern California, Kaplan found that even those students who have mastered the grammatical structure of English have been unable to compose academic prose in English following appropriate rhetorical styles. Based on his analysis, he identified five rhetorical patterns...linked to five broad lingua-cultural groups: "English," "Semitics," "Oriental," "Romance," and "Russian". [...] The "Oriental" group follows an indirect spiral approach coming to the main point only at the end... the English group...follows a straight line linear development" [Kumaravadivelu, 2008, p. 85].

Kaplan's contrastive rhetoric (CR) model of ethnicity-based rhetorical patterns has been criticized for oversimplifying the Chinese language discourse [Chien, 2007] and stereotyping the cultural dichotomies between the East and the West [Hyland, 2004]. Nevertheless, Kaplan's CR model has generated a great deal of interest in the field of ESL writing, i.e. English writing as a second language. Over the years, scholars have revised and reimagined CR. For instance, based on Kaplan's CR, Kubota and Lehner [2004] put forward the framework of critical contrastive rhetoric (CCR). Besides cultural variations, CCR "affirms multiplicity of languages, rhetorical forms, and students' identities, while problematizing the discursive construction of rhetoric and identities, and thus allowing writing teachers to recognize the complex web of rhetoric, culture, power, and

discourse in responding to student writing” [Kubota & Lehner, 2004, p.7]. More recently, Connor [2018] has also introduced the idea of intercultural rhetoric (IR), emphasizing that the English academic discourse is a set of social conventions shared by particular communities. Should the ESL/EFL user want to write like a native English user, he/she will need to be familiar with both the academic conventions and the cultural thought patterns of native English users. Interestingly, having taken into consideration the socio-cultural variables raised by Kubota and Lehner’s CCR and Connor’s IR, the indirect Chinese writing pattern is still apparent in English academic writing, according to Qin [2017] and Ramsay’s [2000] studies of Chinese EFL writing. One reason for the indirect Chinese writing style may stem from the Confucian philosophy, which encompasses ethics, social behaviour, and statesmanship. According to Confucian teachings, a gentleman should possess qualities of humility and gentleness. While the goal of writing may be to win an argument, maintaining harmony is considered paramount. When writing, one should adhere to the approbation maxim, which involves minimizing criticism and maximizing praise for others. Criticisms are downplayed to avoid causing embarrassment. Therefore, what may be perceived by English teachers as disorganized writing, lacking a central idea, and containing awkward expressions, could in fact be a manifestation of a rhetorical writing style that reflects the modest thought patterns shared by considerate native Chinese writers.

Illustration 1. Kaplan’s cultural thought patterns in writing [1966]

To examine the Chinese writing style and the rationale behind it, this paper has two objectives: firstly, through conducting a written discourse analysis of five English essays written by Chinese undergraduate students majoring in English, the study shall identify the most common cohesion and coherence problems encountered by English-major students in Hong Kong, China. Secondly, through the students’ focus interview, the study shall also try to explore the key factors that influence the way EFL students in China use cohesion and coherence in their English writing. The study shall provide first-hand evidence of the validity of Kaplan’s model of ethnicity-based rhetorical patterns, a hypothesis which was suggested over five decades ago.

1.3. Research questions

With a view to raising Hong Kong Chinese EFL learners’ awareness towards their (mis)understanding of coherence and cohesion in the English rhetorical pattern, this small-scale observational study poses two research questions:

- i. What common cohesion and coherence problems can be found in EFL/ESL university students’ English essays?

ii. What are the reasons behind the writing patterns (problems) observed in these Chinese students' English writing?

2. METHODOLOGY

Regarding the written discourse analysis of Chinese learners' English writing, there are two dimensions: the first dimension concerns grammatical mistakes [Lin et al., 2020], including such common mistakes as run-on sentences, dangling modifiers [Tso & Ho, 2017], "word choice and word form, spelling, tenses, use of articles and determiners, number, and agreement of subject and verb" [Dipolog-Ubanan, 2016, p. 1841]. The second dimension centres on exploring the divergent cultural ideologies inherent to English and Chinese [Tweed & Lehman, 2002]. In this study, the aim is to keep the research focus on the latter. Hence, the English essays chosen for written discourse analysis were collected from five upper-year undergraduate students majoring in English at a university in Hong Kong, China. The written discourse analysis will focus on Halliday & Hasan's [1976] cohesion and coherence, rather than grammatical mistakes.

2.1. Sample / Participants

Compared to other EFL students who majored in other subjects at the same university, the five Chinese student participants of this research study were much more proficient in their spoken and written English because they had benefited from a better English learning environment. On the one hand, all their major courses were taught in English by near-native English speakers. On the other hand, the core course materials, which were mostly English literary classics authored by canonical authors including Shakespeare, Jane Austen, Charles Dickens, Oscar Wilde and James Joyce, had helped them to become more exposed to authentic written English. After years of English-major schooling and training, the English majors were expected to write English essays with few grammatical and vocabulary errors.

Table 1. Individual profile information of the five student participants as of Spring 2023
(All the names used are pseudonyms).

Name	Sex	Age	Major (Year)	Mother Tongue
Vivian	F	21	BA (Hons) in English Year 3	Cantonese
James	M	25	BA (Hons) in English Year 4	Cantonese
Rose	F	23	BA (Hons) in English Year 4	Cantonese
Calvin	M	21	BA (Hons) in English Year 3	Cantonese
Yolande	F	22	BA (Hons) in English Year 3	Cantonese

2.2. Data Collection

Upon agreeing to participate in the study, Vivian, James, Rose, Calvin and Yolande were asked to write an English essay assignment according to the following instructions:

- Write a 1,500-word English essay on any one of the British and American texts taught in the course.
- Your essay should have three clear parts: the introduction, the body and the conclusion.

- In the introduction, clearly state your topic and tell your readers what to expect in your paper.
- Do not provide a long plot summary. If you must summarize the plot, make it very brief.
- Conclude with a strong statement that echoes your main argument. A good conclusion should reinforce your point and leave an impression.
- Provide the sources of your information clearly. Follow the MLA documentation style.

After the five English majors had submitted their works, a written discourse analysis of the five essays was conducted with reference to Halliday & Hasan's [1976] coherence and cohesion theory as well as the reimagined contrastive rhetoric model. In addition, to gain a better understanding of how and why the participants organize and structure their essays, the essay analysis was also followed up by a focus group interview with the five student participants.

Interview Questions

1. What makes a good English essay?
2. How would you describe your English essay writing style?
3. Would you prefer your ideas to be presented specifically, explicitly and straight to the point, or implicitly and indirectly? Why?
4. Do you think signposting/linkage/transition is important? Why or why not?
5. Why do you think you have problems with coherence and cohesion when writing English essays? Do you think your Chinese ethnicity and cultural background may have played a part in causing the problems? Why or why not?
6. Do you apply the Chinese writing style to your English essay assignments? Why or why not?
7. How would you like your teachers to help you with English essay writing in terms of enhancing coherence and cohesion?

3. RESULTS AND DISCUSSION

From the discourse analysis of the Hong Kong Chinese students' English essays, a number of common characteristics regarding coherence and cohesion can be discovered in terms of the essay structure, paragraph organization, coherence formation between sentences and passages, not to mention the usage of cohesive devices. These typical rhetorical patterns, in the eye of EFL teachers and native English speakers, include the 'symptoms' of (1) a lack of a clear thesis statement in the introduction; (2) a lack of effective topic sentences in the body paragraphs; (3) a lack of logical link in between sentences; (4) an overuse of cohesive devices, and (5) a wrong use of cohesive devices. Read from the perspective of cultural variation, however, these seemingly awkward rhetorical features may as well be called Chinese indirectness [Kaplan, 1966], or the humble Chinese "inductive pattern" [Chien, 2007, p. 134]. As Ren [2013] has stated, communication styles are "rooted in different culture, or different philosophy, word system, and history in specific" [Ren, 2013, p. 523]. It was also interesting to note that all EFL majors who participated in the study were able to give an explanation for the loose and indirect plan of development of their essays.

3.1. A lack of a clear thesis statement in the essay introduction

To Western readers who are used to the linear organizational structure, it is the essay authors' responsibility to "first summarize what they want to express into a topic sentence or a thesis statement in writing, then illustrate the main idea with examples or details" [Ren, 2013, p. 521]. However, even with the English major training, EFL students in China do not seem to feel comfortable stating the thesis statement directly in the introduction. As can be seen in Vivian's introduction paragraph in illustration 2 below, minimal information is given in the introduction, and the thesis statement at the end of the introduction is fairly ambiguous. Rather than delivering the thesis statement directly and explicitly in the linear development pattern, Vivian presents the thesis statement in the form of a philosophical metaphor. Beautifully and poetically, she describes Proulx's narrative strategy as "a journey from trust to empathy".

Illustration 2. The introduction in Vivian's essay on Annie Proulx's "Brokeback Mountain" [1997]

<p style="text-align: center;">Journey through "Brokeback Mountain": From Trust to Empathy</p> <p>Published in 1997, Annie Proulx's "Brokeback Mountain" has been regarded as one of the most famous gay-romances ever written. It features the forbidden love and loss of the two cowboys in the conservative 1960s Wyoming where homophobia was prominent. This paper suggests Proulx directs readers gradually through the journey from trust to empathy by presenting the story through an omnipresent and reliable narrative voice in "Brokeback Mountain".</p>	<p>Comment [CKLE1]: Is this a thesis statement? It does not sound like a valid argument. (It echoes the title but the writer's stance should be clearly stated here.)</p>
--	--

Apart from stating that the narrative in the short story "Brokeback Mountain" is "omnipresent and reliable", no further specific information is provided. It is highly likely that the English reader will find Vivian's thesis statement confusing and sub-standard.

Illustration 3. The conclusion in Vivian's essay on Annie Proulx's "Brokeback Mountain" [1997]

<p>In conclusion, Proulx strategically makes use of the reliable and omnipresent narrator to first gain the readers' trust and then gradually elicits the empathy in them to sympathize by presenting a God-like impression, characterizing the ill-fated couple as sympathetic characters, illustrating the characters' emotions detailedly and ending without resolution.</p>	<p>Comment [CKLE10]: 1. Too short. 2. The whole paragraph looks like a thesis statement, which should be put in the introduction. The writer can restate the same thesis using different wordings.</p>
---	---

Intriguingly, juxtaposing the thesis statement in the introduction and the concluding statement together, one will see that the main ideas, though brief, are summarized more clearly and specifically in the conclusion. This indicates that Vivian does have the ability to articulate her main arguments more explicitly. The only question is: why wouldn't Vivian show the key points that she means to convey in her essay right in the beginning? What is holding her back? In the interview, Vivian said a good essay is one that "makes the reader feel comfortable." When asked question

3, “Would you prefer your ideas to be presented specifically, explicitly, and straight to the point, or implicitly and indirectly? Why?”, Vivian replied that she preferred to state the ideas implicitly. She felt that it may not be appropriate for the author to “take advantage and show off every single time.” She explained that “if the argument is strong, the reader can feel it and there is no need for the author to spell out everything explicitly”.

The other focus group interviewees also supported Vivian’s view. This echoes Qin’s [2017] observation that “the [Chinese] writer does not explicitly tell the reader about the topic statement, for he or she wants the reader to elicit the topic statement by inferring from what has been written in the front part of the essay” [Qin, 2017, p. 12]. It is interesting that assertiveness and ambitiousness, two positive qualities in academic writing, were perceived as negative by the Chinese participants. Regarding this matter, one possible reason behind the phenomenon is that the Chinese writer does not want to be rude. In the Chinese culture, it is a virtue to avoid straightforwardness which may lead to rudeness, interpersonal conflict, and social disruption [Chen & Chung, 1994].

3.2. A lack of effective topic sentences in the body paragraphs

Likewise, in Rose’s essay on Doris Lessing’s short story, Rose does not show explicitly the main idea in the topic sentence, not to mention giving out the topic sentence in the first line of the body paragraph, a common writing practice with which the Anglo-American academic reader finds comfortable. Instead, Rose starts the paragraph off with “first of all”, an expression that signals enumeration (but there is no enumeration in the passage that follows). Next, using a direct quotation from Alcoff, Rose simply uses Alcoff’s statement as her own topic sentence.

Illustration 4. The inappropriate use of enumeration in Rose’s essay on Doris Lessing’s “To Room Nineteen” [1978]

The Loss of a Self to the Confirmation of Female Identity in Doris Lessing's "To Room Nineteen"	
First of all, for the meaning of female identity, referenced to Alcoff's book, she states that, "The identity of a woman is the product of her own interpretation and reconstruction of her history as mediated through a cultural discursive context to which she has access" (Alcoff 324). [Which means the construct of female identity for each woman completely depends on her own choices in life, for examples in the story, the occupation Susan has chosen, where and who she lives with, after such these decision makings, she is able to clarify and define her own identity in the society. Within the story, after Susan married with Matthew when in their late twenties,	<p>Comment [CKLE]2: Awkward use of "first of all". Its purpose is not clear.</p> <p>Comment [CKLE]3: Problematic topic sentence (TS). The definition itself can't be a TS; instead, the writer needs to mention what is brought by the definition, which is the better TS.</p> <p>Comment [CKLE]4: A run-on with problematic use of commas, which makes the 'sentence' less coherent.</p>

What makes it so hard for the EFL students to state the argument and prove it directly? What could be the reasons for the recurring indirect rhetorical pattern in both the introduction and the body paragraphs? The responses from the focus group interview with the student participants are particularly revealing:

Response 1	Do I need to explain explicitly my main argument every single time? The authoritative quotation is more powerful than my words. I believe the reader has the intelligence to infer what I mean to say through the in-text citation.
Response 2	Is it not better to leave things open for interpretation? Even if I have a strong argument to offer, I prefer to present it indirectly and implicitly, especially in the introduction, when the evidence is not yet provided for the reader.

Response 3	Sometimes I worry that after several years, things change, and people may look at things very differently from now. Would my essay look silly? I had better use mild words, hedge around, and not present my viewpoints too openly and specifically.
Response 4	We need to consider what readers with opposing views feel when they read what we wrote. I don't want to be blunt and arrogant. The argument must leave some room for all. It cannot be too straightforward and finalized. Among all, harmony is the most important.
Response 5	I just think it may not be polite to point out mistakes made by others directly. I suppose if the reader find the evidence from my paper convincing, then naturally he/she will find the answer on his/her own.

None of the student participants said they had the intention to apply the Chinese writing style in their English academic writing. Yet, from their responses shown above, it is apparent that indirect communication and Chinese politeness have been brought into play as they organize the arguments and contents in their essays.

3.3. Lack of logical link in between ideas

Besides the absence of a clear thesis statement and the intentional avoidance of explicit topic sentences written on one's own, other coherence issues noticed in the EFL students' writing include unexplained digressions and a lack of transitional markers in between ideas, especially as the EFL students suddenly start a new paragraph without wrapping up the previous paragraph. As shown in Illustration 5, in the first paragraph of the introduction, Calvin is laying out the essay development to the reader. Then all of a sudden, he ends paragraph 1 abruptly and starts paragraph 2. Without the use of any cohesive devices, he literally jumps from the plan of development to the definition of Orientalism, leaving the reader dazed and confused.

Illustration 5. The sudden mention of a new definition in Calvin's essay on David Henry Huang's "M Butterfly" [1988]

<p>Two main parts are covered in this essay. First part is about how Song represents modesty and the passive image to Rene Gallimard. Second part is about how Song shows an image of obey and the image of women willing to sacrifice to have a baby for Rene Gallimard.</p> <p><u>Orientalism</u> is a regularized manner of writing, vision and study dominated by ideological biases suited to the Orient. (Tso 5) "The Orient was a European invention, and had been since antiquity a place of romance, exotic beings, haunting memories, and landscapes, remarkable experiences" (Said 1). The Image of the orient in western people sense, usually object, femininity, considering others more and weak. (Tso 8)</p>	<p>Comment [CKLE4]: To talk about 'orientalism' at the beginning is a bit sudden unless it has been mentioned in the overview.</p>
--	---

A similar unexpected jump in topics can also be found in between the body paragraphs in Calvin's essay. In Illustration 6, we can see that Calvin is trying to move on and discuss the plot of *M Butterfly*. However, he has left no signals to the reader that there is going to be a change in focus in the paragraph that follows. The discussion about white men's view on oriental women is cut out completely and instantly. No transitional markers are used to form any logical link between the two paragraphs either. This breaks the flow of the written discourse, making Calvin's essay difficult to follow and understand. While most English readers may find Calvin's writing style ir-

responsible, Calvin's writing approach may also be read 'sympathetically'. According to Qi & Liu [2007], "Chinese has a different way of interpreting the communication process: It is the reader's responsibility to understand what the author intends to address" [Qi & Liu, 2007, p. 148]. The lack of logical link in Calvin's writing may just as well reflect the reader-responsible rhetorical style in the Chinese language.

Illustration 6. Weak transition in Calvin's essay on David Henry Huang's "M Butterfly" [1988]

<p>The important thing is western people think oriental women usually cannot resist white men. Therefore, we can see in western people perspective, they would think oriental women are more controllable and would have a great pleasure when they have relationship with the oriental women.</p> <p>(According to <i>The Oxford Dictionary of Plays</i> by Michael Patterson, <i>M. Butterfly</i> is based on a true story)</p> <p>(which showing Hwang's play embraces the impossibility thing that Gallimard did not know his ideal woman was male by showing the idea that 'only a man knows how a woman is supposed to act'.</p>	<p>Comment [CKLE[6]: Once again, if the writer said s he would talk about the play after orientalism, this linkage would sound natural. Now it reads sudden.</p>
---	---

On being asked about the reason why he used neither transition markers nor any other cohesive devices in between paragraphs, Calvin embarrassingly replied that he thought it was only natural for the reader to build the bridges on his/her own after absorbing all kinds of information relevant to the essay topic. He also tried to show me how he had linked up the main points towards the end of his essay. To Calvin, explaining how things are logically linked can be boring for readers. It may be better to save the explanation and summary till the end, according to Calvin. When answering interview question 9, Calvin admitted that his English writing was influenced by the Chinese rhetorical agenda.

3.4. Wrong use of cohesive devices

Apart from the failure in formulating a clear thesis statement, constructing topic sentences and building sensible transitions, it is observed that EFL student participants often have problems using English cohesive devices. As shown in Illustration 7, Yolande struggles hard with the use of 'therefore', 'thus', and 'originally' in the passage. For example, there is nothing 'original' when Yolande uses "originally" in the sentence. What Yolande truly means to express is that Roderick and Madeline (the two main characters in Edgar Allan Poe's short story) could have found their other half easily. There is no need for the twin brother and sister to remain single and live with each other under the same roof.

Illustration 7. The odd use of transition in Yolande's essay on E. A. Poe's "The Fall of the House of Usher"

<p>Because he is now forced to return to the reality and remind his what has happened in the past, the haunted past that can paralyze him. Consequently, he fails to have a nice sleep and claims there are some noises surrounding him. All his suffer signifies he is no longer a "complete" person. Therefore, from my own point of view, Poe wants to demonstrate a very strong and close bonding between the twins, not just physically speaking but mentally as well, they are intensely tied together by the same type of mental disorder. Besides, their thoughts and actions are also very alike too. Thus, the twin setting also helps foreshadow the doomed downfall of the "Usher house", their inevitable fate. Originally, they can actually find their partners if they want to, it should be not a difficult thing for them. Both come from wealthy family, with attractive physical attributes. Nevertheless, the two protagonists Roderick and Madeline are confined to a dreary dwelling and alienating themselves from the outside world.</p>	<p>Comment [CKLE[4]]: Why? Because of losing the sister? The reason is not clearly explained.</p> <p>Comment [CKLE[5]]: Problematic use of 'therefore'.</p> <p>Comment [CKLE[6]]: The use of 'thus' is problematic as what comes before it still can't explain why the twin setting could explain the shadowing effect.</p>
---	--

One possible reason for the unsuccessful cohesion is the difference from English writings, "there are much fewer connecting words in Chinese writings" [Yu, 2012, p. 201]. This lack of cohesion in the mother tongue makes it hard for Chinese learners to master the usage of English cohesive devices, such as conjunction, reference, ellipsis, etc. When being asked interview question 5, Yolande confessed that she was weak in mastering the use of cohesive devices in English writing.

3.5. The overuse of cohesive devices

Equally evident in the EFL students' essays is the abusive use of cohesive devices, which ends up with messy run-on sentences packed with subordinating conjunctions, as displayed in Illustration 8. In formal English writing, there can only be one subordinating conjunction in each sentence. For instance, in the excerpt in Illustration 8, the first sentence should have been written as "Although Winterbourne, Mrs Costello and Mrs Walker are born in America, they live in Europe." or "Winterbourne, Mrs Costello and Mrs Walker are born in America, but they live in Europe." The subordinating conjunction "so" should be deleted, and "they are deeply inspired by European values" in the second line should be an independent sentence on its own. James has not done a good job in his proofreading.

Illustration 8. The abusive use of cohesive devices in James's essay on Henry James's *Daisy Miller* [1878]

Although Winterbourne, Mrs. Costello and Mrs. Walker are born in America, as they live in European countries for so long, so they are deeply inspired by European values. Mrs. Walker is an example of a woman with Old Money, who is very critical to Daisy's interaction with men, even though she is rather sociable among the old rich: "It is really too dreadful... That girl must not do this sort of thing. She must not walk here with you two men... It's a pity to let the girl ruin herself!" (James 54)

When asked why he had problems with coherence and cohesion in his English writing, James confessed that to a large extent, there was L2 cognitive interference in his perception of signposting, linkage and transition. Indeed, in Chinese writing, it is common to use a pair of conjunctions in the same sentence:

e.g. Although 雖然 _____, but 但是 _____.

e.g. Because 因為 _____, therefore 所以 _____.

e.g. Not only 不僅 _____, but also 還有 _____.

e.g. On the one hand 一方面, _____; on the other hand 另一方面, _____.

Furthermore, in the Chinese author's mind, it is normal to recite the main points in an ordered list with the help of a range of ordinal numbers such as firstly, secondly, thirdly, fourthly, fifthly, sixthly, seventhly, etc. While the sample size of this study was small, the Chinese thought patterns can be discovered across all English essays written by the student participants. The Chinese rhetorical styles in these students' English writing are obvious and recurring.

4. CONCLUSION

From the discourse analysis of Chinese students' essays and the focus group interview with the five EFL student participants, this research study has revealed a range of common coherence and cohesion problems encountered by Chinese students in their academic writing in English. While the data from this small-scale study may not be able to provide a full picture of intercultural communication, the findings largely echo Kaplan's hypothesis of cultural thought patterns in writing. Although these Chinese students majoring in English in Hong Kong have been well exposed to the textual organizational traditions in English, they are still largely influenced by the Chinese rhetorical style in writing, which reflects the Confucian philosophy about ethics, social behaviour, and statesmanship. As mentioned earlier in this paper, the Confucian view implies that a junzi (i.e. a gentleman) should be humble and gentle. While winning an argument is the writing goal, keeping harmony is crucial. When writing, a junzi should follow the approbation maxim by minimizing dispraise and maximizing praise of others. Criticism is played down to avoid embarrassing others. Thus, what EFL teachers considered as loose organization, lacking academic muscles (with the absence of a controlling idea), and awkward expressions may in fact be a set of rhetorical writing styles that reflects the modest thought patterns shared by the considerate native Chinese users.

While there is no fast track for improving the mastery of coherence and cohesion in English writing when teaching the use of cohesive devices, English teachers can provide their EFL students with teaching materials that include guidance notes on establishing coherence and cohesion in English academic essays, exemplars with a special focus on coherence and cohesion in English; and an appendix listing various discourse markers that signal opening, sequencing, topic switching, emphasizing and closing. Teachers should also remind their students not to overuse cohesive devices without taking other textual factors into consideration. It is important to convey to Chinese EFL learners that the overuse of cohesive devices is a sign of weakness in academic writing.

Conflict of interest

The author states that there is no conflict of interest.

REFERENCES

1. Beaugrande, R., & Dressler, W. (1998). *Introduction to text linguistics*. London: Longman.
2. Chen, G.H., & Chung, J. (1994). The Impact of Confucianism on organizational communication. *Communication Quarterly*, 42(2), 93-105. doi:10.1080/01463379409369919
3. Chien, S. (2007). The role of Chinese EFL learners' rhetorical strategy use in relation to their achievement in English writing. *English Teaching: Practice and Critique*, 6(1), 132-150. doi: 10.3966/221880882015122101003
4. Connor, U. (2018). Intercultural rhetoric. In J.I. Lontas (Ed.), *The TESOL Encyclopedia of English Language Teaching*. Hoboken, NJ: John Wiley & Sons. doi: 10.1002/9781118784235.celt0528
5. Dipolog-Ubanan, G. (2016). L1 influence on writing in L2 among UCSI Chinese students: A case study. *Pertanika Journal of Social Sciences & Humanities*, 24(4), 1841-1853.
6. Halliday, M.A.K., & Hasan, R. (1976). *Cohesion in English*. London: Longman.
7. Hyland, K. (2004). Disciplinary interaction: Metadiscourse in L2 postgraduate writing. *Journal of Second Language Writing*, 13, 133-151. doi: 10.1016/j.jslw.2004.02.001
8. Hyland, K. (2009). *Teaching and researching writing* (2nd ed.). Harlow: Pearson.
9. Ghasemi, M. (2013). An investigation into the use of cohesive devices in second language writings. *Theory and Practice in Language Studies*, 3(9), 1615-1623. doi: 10.4304/tpls.3.9.1615-1623
10. Ji, K. (2011). The influence of Chinese rhetorical patterns on EFL writing: Learner attitudes towards this influence. *Chinese Journal of Applied Linguistics*, 34(1), 77-92. doi: 10.1558/jmbs.14572
11. Kaplan, R. (1966). Cultural thought patterns in intercultural education. *Language Learning*, 16(1), 1-20. doi:10.1111/j.1467-1770.1966.tb00804.x
12. Kubota, R., & Lehner, A. (2004). Toward critical contrastive rhetoric. *Journal of Second Language Writing*, 13(1), 7-27. doi: 10.1016/j.jslw.2004.04.0038
13. Kumaravadivelu, A. (2008). *Cultural globalization and language education*. New Haven, CT.: Yale University Press.
14. Li, C., & Ngai, J. (2018). Challenges and issues in academic writing: Perspectives from peer tutors. *The Asian Journal of Applied Linguistics*, 5(1), 104-116. <https://caes.hku.hk/ajal/index.php/ajal/article/download/528/543/2052>
15. Li, F., Yuan, X., & Zhang, C. (2014). Analysis of the problem of coherence in college English writing. *International Journal of Language and Linguistics*, 2(6), 387-390. doi: 10.11648/j.ijll.20140206.18
16. Lin, S. E., Chen L., & Chang, K. L. (2020). A comparison of the English grammatical errors of Chinese undergraduates from China and Malaysia. *International Journal of Instruction*, 13(1), 931-950. doi: 10.29333/iji.2020.13160a
17. Liu, M., & Wang, G. (2011). Paragraph-level errors in Chinese undergraduate EFL learners' compositions: A cohort study. *Theory and Practice in Language Studies*, 1(6), 584-593. doi:10.4304/TPLS.1.6.584-593
18. Moens, M. (2002). *Automatic indexing and abstracting of document texts*. Boston: Kluwer Academic Publishers.
19. Qi, Z., & Liu, L. (2007). Differences between reader/writer responsible languages reflected in EFL learners' writing. *Intercultural Communication Studies*, 16(3), 148-159. <https://web.uri.edu/iaics/files/12-Xiukun-Qi-Lida-Liu.pdf>

20. Qin, C. (2017). The impact of cultural thought patterns upon English writing. *Cross-cultural Communication*, 1(10), 10-13. <https://doi.org/10.3968/10144>
21. Ramsay, G. (2000). Linearity in rhetorical organization: A comparative cross-cultural analysis of news text from the People's Republic of China and Australia. *International Journal of Applied Linguistics*, 10(2), 241-258. doi:10.1111/j.1473-4192.2000.tb00150.x
22. Ren, R. (2013). Different thought patterns and Chinese college English writing. In *International Conference on Education Technology and Management Science (ICETMS 2013): proceedings* (pp. 521-524). Atlantis Press. doi:10.2991/icetms.2013.75
23. Tso, A.W.B. (2021). Revealing obscurity: A linguistic-conceptual analysis of English academic writing by Chinese learners. *Journal of Communication and Education*, 5(1), 3-11. [http://www.hkaect.org/jce/5\(1\)/Tso_2021_JCE_5\(1\)_pp3-11.pdf](http://www.hkaect.org/jce/5(1)/Tso_2021_JCE_5(1)_pp3-11.pdf)
24. Tso, A.W.B., & Ho, W.S.Y. (2017). Teaching English academic writing in the second language classroom and beyond. *The Canadian Journal for Teacher Research*, 5(1). https://www.researchgate.net/publication/337621836_Teaching_English_Academic_Writing_in_the_Second_Language_Classroom_and_Beyond
25. Tso, A.W.B., Ho, W.S.Y., & Chung, J.S.K. (2016). *Academic Writing for Arts and Humanities Students*. Singapore: McGraw-Hill Education.
26. Wang, Y., & Guo, M. (2014). A short analysis of discourse coherence. *Journal of Language Teaching and Research*, 5(2), 460-465. doi: 10.4304/jltr.5.2.460-465
27. Tweed, R.G., & Lehman, D.R. (2002). Learning considered within a cultural context: Confucian and Socratic approaches. *American Psychologist*, 57(2), 89. doi: 10.1037/0003-066X.57.2.89
28. Yao, S. (2014). An analysis of Chinese students' performance in IELTS academic writing. *The New English Teacher*, 8(2), 102-138. <http://www.assumptionjournal.au.edu/index.php/newEnglishTeacher/article/view/295/253>
29. Yu, A. (2012). Analysis of the problems of the Chinese college students' EFL classroom writings. *International Education Studies*, 5(5), 199-203. doi: 10.5539/ies.v5n5p199

About the author:

Anna Wing Bo Tso obtained her PhD in Applied Linguistics from The University of Birmingham in England. She is the Department Head and Associate Professor of English at The Hang Seng University of Hong Kong. She is also the President of the Hong Kong Association for Educational Communications and Technology. Her research interests include applied linguistics, children's literature, Shakespeare, and digital literacy. ORCID ID: 0000-0002-2091-2547).

Received: November 11, 2023.

Accepted: December 25, 2023.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

<https://doi.org/10.24833/2687-0126-2024-6-1-109-128>

СТИЛИСТИЧЕСКОЕ ВЛИЯНИЕ АНГЛОЯЗЫЧНОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА НА РУССКОЯЗЫЧНЫЙ ДИС- КУРС СТУДЕНТОВ-ПОЛИТОЛОГОВ: ГОВОРИМ ОБРАЗНЕЕ И СМЕШНЕЕ

С.С. Польская

МГИМО МИД России (Москва, Россия)
Polskaya7@gmail.com

Е.М. Кирсанова

Московский государственный лингвистический университет (Москва, Россия)
elena.kirsanova@mail.ru

Аннотация: Английский язык оказывает значительное влияние на все современные развитые языки, и русский не стал в этом отношении исключением. Русскоязычный политический дискурс, демонстрируя активное вхождение англоязычных лексических единиц, подвергается также и стилистическому воздействию, заимствуя различные стилистические приемы, которые способствуют достижению большей степени экспрессивности и выразительности. Настоящее исследование ставило целью выявить и описать потенциально существующее стилистическое влияние англоязычного профессионального дискурса политической сферы на русскоязычный. Предметом исследования стал русскоязычный институциональный дискурс студентов-политологов, а проведенный эксперимент ставил задачу установить, проявляется ли в дискурсе будущих специалистов стилистическое влияние со стороны английского языка, для чего участникам эксперимента, которые в рамках контролируемой образовательной среды в течение длительного периода времени взаимодействовали с устными и письменными аутентичными англоязычными текстами политической тематики, было предложено подготовить речь политического характера на русском языке. Результаты исследования, полученные посредством методов лингвостилистического, функционально-лингвистического, структурно-семантического и статистического анализа, показали, что большая часть участников эксперимента использовала в подготовленной ими речи элементы образности и юмора, характерные для англоязычного политического дискурса. Эмпирические данные дают возможность сделать вывод о предположительном существовании определенного дискурсивно-стилистического влияния английского языка на русский, выраженного в заимствовании и активном использовании в профессиональном дискурсе выпускников-политологов ряда стилистических приемов (юмор, ирония, самоирония, экспрессивные языковые средства), диссонирующих с конвенциональностью классического русского политического дискурса. Практическая значимость исследования может быть выражена в прикладном использовании его результатов при обучении будущих политологов иностранному языку профессии.

Ключевые слова: англоязычный политический дискурс, русскоязычный политический дискурс, профессиональный дискурс, институциональный дискурс, стилистические тропы, экспрессивность, политический юмор.

Для цитирования: Польская С.С., Кирсанова Е.М. (2024). Стилистическое влияние англоязычного политического дискурса на русскоязычный дискурс студентов- политологов: говорим образнее и смешнее. *Дискурс профессиональной коммуникации*, 6(1), 109–128. <https://doi.org/10.24833/2687-0126-2024-6-1-109-128>

1. ВВЕДЕНИЕ

На сегодняшний день значительное влияние английского языка на все современные языки не вызывает сомнений: использование его в качестве основного языка интернета, науки и вообще языка международного общения способствует его экстенсивному распространению в мире, и, соответственно, еще больше усиливает его влияние. Ф. Коулмас справедливо подчеркивает в этом отношении: «Люди предпочитают английский язык, именно он является «языком их выбора» если они хотят обратиться к миру... английский есть язык, пересекающий лингвистические и национальные границы, мощное доказательство того, что мы живем в едином мире» (здесь и далее перевод наш – С.П. и Е.К.) [Coulmas, 2007, p. 230].

Не избежал влияния английского языка и русскоязычный политический дискурс: с начала 90-х годов прошлого века, когда в России начала формироваться современная политическая система, русский язык стремительно впитывал англоязычную политическую лексику, относящиеся к различным политическим явлениям обороты, в той или иной степени адаптируя их к собственной структуре. Под политическим дискурсом в широком смысле, мы, вслед за Е. И. Шейгал, понимаем «любые речевые образования, содержание которых относится к сфере политики» [Шейгал, 2000, с. 23]. Исследователи подчеркивают, что «политический дискурс есть особый язык политики, представляющий этот мир» [Кузьмина, 2011, с. 56].

Значительное количество лингвистических исследований посвящено прежде всего лексическому влиянию англоязычного политического дискурса на русскоязычный. Однако целью нашего исследования было сконцентрировать внимание на стилистическом влиянии англоязычного политического дискурса: в противовес лексической экспансии англоязычной политической терминологии в русский язык, перенос стилистических характеристик одного языка на другой является не столь заметным, но тем не менее имеет место.

В рамках данного исследования нами была выдвинута гипотеза, согласно которой русскоязычный профессиональный политический дискурс будущих специалистов в области политологии, испытывая в значительной степени влияние стилистических особенностей англоязычного политического дискурса, демонстрирует такие характеристики как большую степень образности и выразительности в силу использования ряда стилистических тропов, а также включения элементов юмора. Как следствие, практическими задачами, стоящими перед нами, были анализ и сопоставление особенностей политических институциональных дискурсов английского и русского языков.

2. ОБЗОР ЛИТЕРАТУРЫ

Дискурс в широком смысле этого слова есть процесс языковой деятельности. Согласно Ю. Хабермасу (Habermas), который и считается автором данного понятия, цель дискурса – создание «совместной практической деятельности, направленной на достижение разделяемых всеми целей» [Хабермас, 1993, с. 21].

Политический дискурс рассматривается исследователями в качестве явления, сочетающего в себе множество различных аспектов. Согласно Т. ван Дейку, этот вид дискурса есть определенный класс жанров, который ограничен политикой как социальной сферой [Ван Дейк, 2013]. Этот же исследователь полагает, что политический дискурс представляет собой «весомый по своему значению способ ведения политической деятельности» [Ван Дейк, 2013, с.156].

Согласно В.З. Демьянкову, «общественное предназначение политического дискурса состоит в том, чтобы внушить адресатам – гражданам сообщества – необходимость «политически правильных» действий или оценок» [Демьянков, 2002, с. 37]. Иначе говоря, цель политического дискурса есть убеждение, пробуждение в адресате намерения, формирование почвы для убеждения.

С позиций стилистики политическая коммуникация относится к публицистическому стилю, задача которого – воздействовать на тех, кому адресован данный дискурс, при этом это воздействие происходит главным образом через средства массовой информации. Адресатами политической коммуникации, в отличие от коммуникации научной, являются как непосредственно специалисты в данной области, так и другие члены общества.

Исследователи относят к числу системообразующих характеристик политического дискурса следующие: 1) преобладание массового адресата; 2) доминирующую роль фактора эмоциональности и значительный удельный вес фатического общения; 3) опосредованность политической коммуникации фактором средств массовой информации; 4) динамичность языка политики, обусловленная злободневностью отражаемых реалий и изменений политической ситуации [Шейгал, 2000].

Отмечается, что в рамках политического дискурса воздействие направляется не только на разум, но и на чувства адресата. Как следствие, характерными стилевыми чертами политической коммуникации являются образность, эмоциональность, оценивание, призыв [Абрамян, 2016]. Под экспрессивностью речи понимается «совокупность семантико-стилистических признаков единиц языка, которые обеспечивают ей способность выступать в коммуникативном акте в качестве средства субъективного выражения отношения говорящего к содержанию или адресату речи» [Культура русской речи, 2003, с.637]. Вслед за К.А. Долининым, мы также полагаем, что экспрессивность представляет собой стилистическую категорию, которая есть «свойство языкового знака, в силу которого он воспринимается деавтоматизированно, непосредственно воздействуя на эмоциональную сферу» [Долинин, 1987, с. 147].

Для политического дискурса характерны два основных фактора, определяющих формирование, развитие и структуру публицистической лексики: сообщение, т.е. информация, с одной стороны, и воздействие – с другой. Этим и объясняется широчайший лексический диапазон политического дискурса и его стилистическая многоплановость. [Абрамян, 2016]. Исследователи практически единодушны во мнении, что «выполняя императивно-убежда-

ющую функцию, политический язык призван воздействовать не только на разум, но и на чувства. Этим объясняется его насыщенность иносказаниями, аналогиями, метафорами и т. п.» [Ухванова-Шмыгова, 2000, с. 104].

Однако если мы попытаемся сравнить со стилистических позиций русскоязычный и англоязычный политический дискурс, то мы увидим, что последний демонстрирует большую степень «прямых обращений к адресату, выше градус экспрессивности», в нем «больше ощущается влияние разговорного стиля, употребление жаргонизмов, элементов фамильярности» [Хабермас, 1993, с. 28].

Указывается, что «одним из важных средств речевого воздействия в политическом дискурсе является использование стилистических фигур и тропов, что свидетельствует о все более заметной выразительности современной политической речи» [Абрамян, 2016, с. 174]. Среди таких фигур и тропов прежде всего следует упомянуть метафору, а также метонирию, эпитеты, символы, повторы, фразеологизмы. Как справедливо указывают исследователи в этом отношении, «политики, которые используют многочисленные метафоры, воспринимались как более привлекательные и в большей степени вдохновляющие» [Mio et al., 2005, p. 289]. Следует также отметить, что и сами «политические акторы хорошо осознают важность того, как они используют язык» [Chilton, 2004, p. 31].

Приведем ряд примеров подобной выразительности англоязычного дискурса политики:

*“Another **cloud** already **looms** in our healthcare horizon”* / Еще одна туча уже маячит на горизонте нашей системы здравоохранения (мэр Лондона Борис Джонсон, в своем интервью на тему третьей волны ковида) [Brown, 2020].

*“If some British MPs had their way, Brexit would be an endless process like the **torment of the Greek mythological Prometheus**”* / Если бы прислушивались к мнению некоторых членов Британского парламента, то Брекзит стал бы бесконечным процессом, подобно пытке Прометея из древнегреческого мифа (также Борис Джонсон) [Morrison, 2019].

*“We may **stumble**, however, I must say we’re holding up well”* / Может, мы и спотыкаемся, однако, я должен сказать, мы справляемся с ситуацией (Американский губернатор Ларри Хоган) [Cox, 2022].

*“You are **rubbishing** the Chancellor”* / Вы третируете министра финансов [Leadsom, 2017].

*“They **gang up** against the British voter”* / Они ополчились против британского избирателя (Андреа Лидсом, министр энергетики Великобритании) [Leadsom, 2017].

*“Never **put foot on my table**”* / Никогда не кладите ноги на мой стол! [Rayner, 2020].

*“I’m labor **through and through**”* / Я – лейбористка до мозга костей (Анджела Райнер, теневой министр образования Великобритании) [Rayner, 2020].

*“You **worked your hearts out**”* / Вы работали «на разрыв»/ не щадя себя (из речи Х. Клинтон по окончании выборов) [Clinton, 2016].

*“It is **with a heavy heart** that I have today resigned as Shadow SoS Education”* / Я ухожу с этой должности с тяжелым сердцем (Пэт Гласс, бывший член теневого кабинета Великобритании) [Readhead, 2016].

*“We’ve been **tiptoeing back into normal life for more than 3 months already**”* / Уже более трех месяцев мы потихоньку-полегоньку возвращаемся к прежней жизни (Американский губернатор Ларри Хоган) [Hacket, 2021].

*“The strong European currencies could prove to be a **brake** on European exports”* / Высокий курс европейских валют может тормозить развитие европейского экспорта (Алистер Джек, Министр по делам Шотландии) [Jack, 2019].

В то же время, если мы обратимся к русскоязычному политическому дискурсу, то мы не увидим ту степень экспрессивности, которая характерна для англоязычного дискурса политики:

«Особое внимание уделили ситуации на Ближнем Востоке, на севере Африки...»; «Есть наработки по развитию взаимодействия...»; «Вчера в ходе разговора с Госсекретарем США Э. Блинкеном, затронули тему...»; «Такая arrogantность со стороны культурной Европы мне кажется неприемлемой» (из выступления Министра Иностранных дел РФ С.В. Лаврова на пресс-конференции с представителем Европейского Союза по иностранным делам и политике безопасности, заместителем председателя Еврокомиссии Ж. Боррелем) [Министерство Иностранных Дел Российской Федерации, 2021];

«Инициировать это можно на основе БРИКС, начав с решения вопросов обеспечения их экономической безопасности, включая создание универсальной платежной системы для стран БРИКС, <...> создание независимой от США и ЕС системы обмена межбанковской информацией, аналогичной SWIFT, переход на использование своих рейтинговых агентств» [Глазьев, 2015, с.2];

«У нас за последние 10 лет средние темпы роста экономики были около одного процента. Но для достижения экономического суверенитета мы обязаны выйти на темпы выше мировых. Для этого у страны есть все необходимое. И вчера президент ясно сказал о том, за счет чего можно реализовать эту задачу. Поэтому я предлагаю рассмотреть тот бюджет развития и ту программу из 12 законов, которые внесла наша фракция, наши талантливые депутаты – Мельников, Кашин, Афонин, Новиков, Коломейцев, Харитонов. Я считаю, что эта программа абсолютно конструктивна!» [Зюганов, 2022б, с. 1].

И хотя ряд исследователей отмечают, что «для современного политического дискурса (имеется в виду русскоязычный политический дискурс) (курсив наш – С.П. и Е.К.) характерно ослабление стилистических норм, усиление воздействия некодифицированной сферы национального языка, что способствует достижению выразительности, помогает выразить эмоциональное отношение к проблеме» [Чудинов, 2009, с. 83], на наш взгляд, подобная картина типична скорее для конце 80-х - начала 90-х годов прошлого столетия, когда только еще зарождающийся русскоязычный политический дискурс действительно демонстрировал эти черты. Однако с 2000-х годов российские политики снова начали демонстрировать склонность к большей степени формальности своей речи. Исследователи данного вопроса подчеркивают, что «...современная политическая речь следует нормам общелитературного языка и официально-делового стиля, что сужает диапазон индивидуально-стилевых предпочтений» [Анджу, 2012, с. 3]. Кроме того, указывается, что «в целом современные политики демонстрируют достаточно высокий уровень владения речью и применения в ней богатых возможностей русского языка, соблюдая при этом существующие в нём стандарты речевого общения» [Крылова, 2018, с. 153].

Использование юмора как стилистического приема в рамках политического дискурса имеет давние традиции. Не вызывает сомнений то, что юмор представляет собой яркий пример опыта, который может быть разделен всеми человеческими существами. Понимая под юмором в широком смысле все, что может вызвать смех, улыбку, радость, исследователи подчеркивают, что юмор в политическом контексте есть «кратчайшее расстояние к идентификации и установлению контакта, он (юмор) гуманизирует бюрократию и обходит реальные причины» [Feldman, 2013, p. 603]. Справедливо подчеркивается, что «если политики могут заставить нас смеяться, мы можем поверить и в то, что они будут управлять нами так, как хочется нам» [Young, 2017, p. 395]. При этом юмор «дает возможность собеседникам

представлять новые темы и увеличивает намерение обсуждать эти темы» [O'Donnell-Trujillo et al., 1983, p. 179]. Еще более важно в этом отношении то, что «политики могут казаться отстраненными и недоступными, а юмор дает возможность людям соотнести себя с ними. Он (юмор) – это могущественный валидатор гуманности политиков» [Shrum, 2007, p. 299].

А.В. Дмитриев рассматривает политический юмор как «отношение к политическому объекту, сочетающее внешне смешную трактовку с внутренней серьезностью... юмор политический является неотъемлемым и изменчивым атрибутом политического процесса, своеобразной реакцией на концентрацию власти в обществе, носит, в основном, позитивный характер, поскольку сублимирует агрессию и ослабляет многие межличностные конфликты. Юмор политический может быть добродушным и тонким, но и грубым, жестким, осуществляя несколько функций (политическая социализация, идентификации, дифференциации и сплоченности, коммуникации, конфликта и согласия). Он вызывает общий интерес публики и к политике и ее представителям» [Дмитриев, 1998, с. 42]. Подчеркивается, что «политический юмор — тематическая разновидность категории юмора: юмор в политике, о политике, по поводу политики и каких-либо тем, которые тем или иным образом можно трактовать как политические» [Там же].

Исследователи практически единодушны во мнении, что «в политической культуре юмор становится неотъемлемой чертой. Овладение им является «необходимым условием успешности публичных выступлений, давая возможность легче овладевать вниманием, располагать к себе людей... юмор создает атмосферу дружелюбия, облегчает восприятие речи, становится понятнее людям» [Williams et al., 2002, p. 81]. Л.А. Зелезинская отмечает следующие функции юмора в политическом дискурсе: «1) снятие напряжения, разрядки; 2) уравнивающая функция, разрушает иерархические барьеры; 3) функция социализации» [Зелезинская, 2012, с.108].

Англоязычный политический дискурс демонстрирует многочисленные примеры использования юмора в самых различных его проявлениях. При этом мы видим, что это юмор различного характера: и «черный» юмор, и самоирония, и просто игра слов:

На вопрос, что с ним произошло, заданный сенатору штата Юта М. Ромни, который появился публично с синяком под глазом и швами на лице, Г-н Ромни ответил, что он “*attended Conservative Political Action conference*” (посетил конференцию, на которой были представители партий с другими взглядами). [Sommerfeldt, 2021].

Борис Джонсон, известный своей склонностью к юмору и сарказму, сопровождающих его публичные выступления, пошутил следующим образом:

“*Many are quite satisfied with the rule of six as it gives them an opportunity to avoid meeting their in-laws at Christmas*” («многие весьма довольны правилом 6-ти (правило, введенное в период карантина из-за ковид-19, согласно которому не разрешалось собираться больше 6 человек вместе), так как это дает им возможность не встречаться со своими родственниками на Рождество») [Wright, 2020].

Барак Обама, будучи президентом США, сказал однажды: “*I look so old. John Boehner’s already invited Netanyahu to speak at my funeral*” («Я выгляжу таким старым. Джон Бэйнер уже пригласил Нетаньяху выступить на моих похоронах») [Montanaro, 2015].

В другой своей речи Барак Обама сказал: “*Eight years ago I said it was time to change the tone of our politics. In hindsight, I clearly should have been more specific*” («Восемь лет назад я сказал, что пора изменить тон нашей политики. Теперь задним числом понимаю, что мне надо было бы быть более конкретным») [Lavel, 2016].

Губернатор Нью Джерси, Фил Мерфи (Phil Murphy), реагируя во время своего выступления на реплику о том, что люди устали носить маски, отметил: “*You know what is really uncomfortable and annoying? When you die!*” («А знаете, что действительно неудобно и раздражает? Это когда умрешь!») [News 12, 2020].

Джон Маккейн, кандидат в президенты от республиканской партии в 2008 году, как раз перед выборами, в ответ на просьбу журналистов прокомментировать увеличение объемов экспорта американских сигарет в Иран, сказал: “*Maybe that’s a way of killing ‘em?’*” («*Может быть, это способ убить их?*») [Reuters, 2008].

Однако если мы опять-таки обратимся к русскоязычному дискурсу политики, то мы не обнаружим значительное количество элементов юмора. Как указывает В.З. Демьянков, для русскоязычного политического дискурса характерны «преувеличенная абстрактность и наукообразие... лозунговость» [Демьянков, 2002, с. 39]. Исследователи, сравнивая речь политических фигур с точки зрения использования юмористических элементов, отмечают, что «шутки, юмор, анекдоты используют политики обеих стран (речь идет о США и России), но их содержание в корне отличается. Если юмор американских политиков более социальный, достаточно личный, это как правило ирония над своими собственными качествами (к примеру, тонко высмеивается жажда личной наживы), то юмор российских политиков более политизирован, не допускает высмеивания самих себя, членов своей семьи, политических партнеров [Касаткин, Романенко, 2019].

Ряд исследователей полагает, что юмор, исходящий от русскоговорящих политических деятелей, есть явление весьма нечастое: «юмор самих политиков является скорее исключением, чем правилом. Дело, которым они постоянно заняты, кажется им до чрезвычайности важным и бесспорно серьезным...им кажется, что массам чаще всего нравится харизматический лидер с такими качествами как воля, решительность и, разумеется, серьезность. Такие люди если и позволяют себе шутить, то только среди близких им людей... принадлежность к номенклатуре, неважно бывшей или настоящей, диктует им определенный стиль поведения, исключающий всякого рода фривольности» [Дмитриев, 1998, с. 176]. Эту точку зрения поддерживают и другие специалисты: «однако большинство борющихся за власть и олицетворяющих ее не забывают о том, что принадлежность к правящему кругу диктует свои нормы и правила поведения, исключая фривольный стиль» [Коваленко, 2005, с. 1].

Если мы обратимся к тому, что исследователи пишут о стилистическом влиянии англоязычного политического дискурса на русскоязычный, то увидим, что подобного рода исследований относительно немного. Большинство русскоязычных экспертов рассматривают прежде всего лексическое влияние английского политического языка на русский, о чем свидетельствует огромное количество лексических единиц, относящихся к сфере политической деятельности, которые вошли и получили распространение в русском языке с конца 80-х годов 20 века [Крысин, 2004; Брейтер, 2004]. Учитывая столь значимое проникновение англоязычных единиц политической сферы в русский язык, неудивительно, что внимание исследователей сосредоточенно именно на лексической стороне влияния политического дискурса английского языка на русский. Зарубежные исследователи, с другой стороны, также не демонстрируют особенного внимания к стилистическому влиянию, но уже в силу других причин: традиционно стилистическая дифференциация в английском языке в отличие от русского, носит более гибкий характер, и взаимопроникновение одного регистра (стиля) в другой более распространено [Douglas et al., 2001; Tajeddin et al., 2017]. Кроме того, стилистическое влияние одного языка на другой труднее поддается идентификации и последующей фиксации какого-либо рода.

Таким образом, были выдвинуты задачи исследования критически важных для нас единиц институционального дискурса политической сферы с последующей интерпретацией их использования носителями языка. Собранные нами данные позволили выдвинуть указанную нами гипотезу, и, идентифицируя заимствованные шаблоны, которые использовали участники нашего эксперимента, мы отслеживали существующие корреляции между англоязычным и русскоязычным дискурсом политической сферы.

3. МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

В целях верификации выдвинутой нами гипотезы был проведен эксперимент, в котором приняли участие 78 студентов-выпускников бакалавриата факультета ИМОиСПН (Института международных отношений и социально-политических наук) Московского государственного лингвистического университета. Данный факультет готовит бакалавров-профессионалов политологии, которые получают необходимые знания для практической политической деятельности. Перед участниками эксперимента, которые в течение 4 лет учебы в бакалавриате активно взаимодействовали с устными и письменными текстами англоязычного политического дискурса, была поставлена учебная задача подготовить речь политического характера на русском языке.

После выполнения данного задания написанные участниками эксперимента речи были проанализированы с точки зрения их стилистического оформления.

Согласно полученным нами результатам, высокий процент работ демонстрировал значительный объем стилистической выразительности, менее значительную, чем ожидалось, долю элементов официального стиля, при этом авторы также использовали элементы юмора. Это дало нам возможность сделать вывод в отношении стилистического влияния англоязычного политического дискурса на русскоязычный.

В эксперименте приняли участие 78 студентов-выпускников факультета политологии (N-78). Средний возраст выборки - 21,6 года, 54 мужчины, 24 – женщины, родной язык – русский. Средний срок изучения английского языка – 11 лет, средний срок активного использования английского языка – 7.5 лет. Для эксперимента были отобраны студенты с рейтингом успеваемости не ниже 80 % (средний показатель по всем предметам, которые участники изучали в университете в течение последнего года учебы в бакалавриате). Все они дали добровольное согласие на участие в эксперименте, однако не были осведомлены о конечной цели такового, а именно: сравнение характеристик генерированного ими русскоязычного политического дискурса с англоязычным.

Участникам эксперимента было предложено написать речь политического характера (приветственную / благодарственную / предвыборную / послевыборную и т.п.) с целью последующего гипотетического выступления с ней. Время составления речи не было ограничено, во время составления речи разрешалось пользоваться любыми источниками. Минимальный объем – 300 слов. Для нас представляло особый интерес стилистическое оформление составленной каждым участником эксперимента речи, а также использованные ими стилистические средства.

Для анализа результатов нами был использован метод структурно-семантического анализа, при котором исследовались значения, функционирование, структуры языковых элементов, которые составляли содержание политического дискурса. Также для интерпретации полученных данных применялся метод статистического анализа, в процессе чего систематически собранные интересующие нас характеристики произведенного участниками

эксперимента контекста были обработаны математически. Индуктивный метод дал нам возможность перейти от конкретных наблюдений в отношении языковых фактов к их обобщению и систематизации. Методы сравнения, для установления определенных отношений между рассматриваемыми явлениями, наряду с методом обобщения-фиксации относительно устойчивых инвариантных свойств рассматриваемых объектов и их отношений, также были применены нами.

4. РЕЗУЛЬТАТЫ И ДИСКУССИЯ

Обработка и интерпретация полученной информации показала, что большинство участников эксперимента – 63 человека (80,7%) использовало элементы образности и выразительности в созданном ими дискурсе:

«Пришло время и нашей партии пойти, наконец, в атаку и использовать настоящий момент»;

«Любой кризис подобен грозе, после нее все становится по-другому»;

«Заброшенные предприятия и фабрики в вашем регионе подобны надгробиям, напоминающим нам о когда-то существовавшей здесь успешной хозяйственной деятельности»;

«Мы «застряли» на этапе подготовки к окончательному штурму, и из-за обстоятельств, находящихся вне нашего контроля, так и не осуществили этот штурм»;

«Нам с ними придется идти каждому своим путем».

Таблица 1. Использование образности/экспрессивности участниками эксперимента

Что касается юмористической составляющей, то 57 человек (73%) использовали элементы юмора (ирония, самоирония, сатирические вкрапления):

«Несмотря на коронавирусную обстановку, наша стратегия абсолютно безвирусна»;

«Нашу избирательную компанию можно смело называть «антиковидной», поскольку практически все мероприятия в ее рамках пройдут онлайн»;

«Слушайте меня, иначе никто не будет слушать вас!»;

«И я обращаюсь к ним «дорогие» посредники, потому что их использование действительно дорого обходится вам, тем, кто хотел бы голосовать за меня!»;

«Сегодня вы нашли время прийти сюда, чтобы увидеть и послушать меня, хотя я уверен, у вас есть дела и поважнее».

Таблица 2. Использование элементов юмора

Если рассматривать использованные элементы юмора более детально, то мы увидим, что у большинства участников эксперимента этот юмор носит сатирический характер, то есть в какой-то степени обличающий недостатки окружающей действительности, впрочем, попадаются также элементы юмора, направленные на самого автора.

Рассматривая написанные участниками эксперимента речи как представляющие собой «цепочку языковых действий, характер которых зависит от того, кто говорит, кому, в какой ситуации и с какой целью» [Feldman, 2013, p. 591], мы ясно видим, что речь конкретно каждого участника демонстрирует обусловленность параметрами заданного дискурса, в нашем случае – политического, поэтому составленные ими речи можно соотнести не только с общепринятым языком, но и с теми индивидуальными и социальными вариантами, которыми участники владеют. Последние являются результатом социальных практик и социальной динамики рассматриваемого нами институционального дискурса, что оказывает существенное влияние на выбор лексических единиц, модальности и стилистической составляющей, при этом социальные и лингвистические факторы находятся в тесном взаимодействии, которое проявляется в сформированных структурных шаблонах. Выполняя поставленные перед ними задачи, участники эксперимента ощущали себя «центральными игроками» политического институционального дискурса, контекстуализируя свои высказывания в рамках заданного коммуникативного события.

Находясь в течение практически четырех лет учебы в постоянном взаимодействии с англоязычным политическим дискурсом, на примерах которого изучались ряд дисциплин, преподававшихся студентам в рамках их университетской программы (сравнительная политология, риторика, современная мировая политика и т.п.), обучаемые, возможно, сами того в тот момент не осознавая, экстраполировали стилистические приемы и элементы англоязычного политического дискурса на русскоязычный, «строая» свои собственные речи с «подражанием» дискурсу англоязычных политических деятелей. В последовавших за экспериментом беседах с участниками последние неоднократно подчеркивали, что при выполнении поставленной перед ними задачи опирались скорее на сохранившиеся в памяти образцы выступлений англоязычных, а не русскоязычных политиков. Поскольку для речи англоязычных политиков, как мы уже указывали выше, характерны и образность/экспрессивность, и юмористические элементы, русскоязычные студенты также использовали эти необходимые стилистические приемы, демонстрируя стремление привлечь внимание и, некоторым образом, удивить свою аудиторию.

Рассматриваемый нами институциональный политический дискурс демонстрирует субъектно-объектный характер, в рамках которого то, что он выражает, есть не только лишь воспроизведение реальности, а та реальность, которая определенным образом переработана в дискурсе. Ведь последний есть то, что произносится именно сейчас, в данное время, в предложенном социальном контексте с одновременным отображением эмоционального состояния говорящего, в силу чего воздействие на адресата возрастает. И подобное воздействие происходит именно благодаря стилистическим приемам, таким категориям стилистики, как оценочность, эмоциональный настрой, метафоры и т.п.

В анализируемых нами работах ясно прослеживается то, что с точки зрения коммуникативной лингвистики, подчеркивающей полную зависимость стилистической концепции от прагматики, используемые участниками эксперимента стилистические приемы обусловлены нацеленностью на прагматику, при этом стилистика трактуется как объект деятельности, в чем как раз и проявляется ее связь с прагматикой.

5. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Результаты нашего исследования дали нам возможность сделать ряд выводов относительно влияния англоязычного политического дискурса на русскоязычный профессиональный дискурс выпускников-политологов. Выстраивая свой собственный институциональный дискурс, осознанно или неосознанно следуя англоязычным «образцам», участники эксперимента показывают тем самым, что функциональный стиль не есть нечто «втиснутое» в рамки определенных правил. Мы можем наблюдать здесь характерную динамику, которая проявляет себя в варьировании. Под влиянием английского языка русскоязычный профессиональный дискурс будущих специалистов приобретает новые стилистические характеристики, ранее не являвшиеся типичными для него.

Результаты данного исследования могут быть использованы в образовательном контексте, способствуя пониманию обучающимися динамики профессиональной коммуникации, а также предоставляя им возможность анализа существующих способов использования единиц дискурса и осознания современных англоязычных дискурсивных практик и их влияния на профессиональную идентичность, при этом последняя находится в непосредственной зависимости от освоения коммуникативных стратегий агентов рассматриваемого нами профессионального дискурса в связи с тем, что политическая сфера в значительной степени опирается именно на коммуникацию.

Безусловно, мы в полной мере допускаем существование значительных ограничений в отношении проведенного нами исследования. Невозможно экстраполировать полученные выводы о стилистическом влиянии англоязычного политического дискурса на профессиональный дискурс студентов-политологов на исключительно всех, кто имеет отношение к созданию, развитию и функционированию данного вида институционального дискурса. Кроме того, возраст участников эксперимента является наиболее вероятностным возрастом, при котором воздействие англоязычной устной и письменной речи может быть максимальным по сравнению с другими возрастными категориями.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абрамян С.А. Англоязычный политический дискурс в межкультурном контексте. Ереван: издательство ЕГУ, 2016.
2. Анджу М. Содержательно-композиционные и стилистические особенности русской политической торжественной речи: на материале выступлений президентов РФ в 2000-2010 гг. (Автореферат дисс....канд. филол. наук). Москва, 2012.
3. Брейтер М.А. Англицизмы в русском языке: история и перспективы. Владивосток: Руспресс, 2004.
4. Ван Дейк Т. Дискурс и власть: репрезентация доминирования в языке и коммуникации / пер. с англ. Е.А. Кожемякиной, Е.В. Переверзевой, А.М. Аматовой. Москва: Либроком, 2013.
5. Глазьев С. Ю. Доклад Советника Президента Сергея Глазьева Изборскому Клубу [Электронный ресурс]. URL: <https://tass.ru/info/6770838> (дата обращения: 03.01.2024).
6. Демьянков В.З. Политический дискурс как предмет политической филологии // Политическая наука. Политический дискурс: история и современные исследования. 2002. № 3. С. 32-43.
7. Дмитриев А.В. Социология политического юмора: Очерки. М.: Росспэн, 1998.
8. Долинин К.А. Стилистика французского языка. М.: Просвещение, 1987.
9. Зелезинская Л.А. Юмор как способ взаимодействия субъектов политической системы // Социум и власть. 2012. № 6 (38). С. 106-110.
10. Зюганов Г.А. Выступление на пленарном заседании Государственной Думы [Электронный ресурс]. URL: <https://www.rline.tv/news/2023-02-22-gennadiy-zyuganov-vystupil-na-plenarnom-zasedanii-gosudarstvennoy-dumy/#gallery> (дата обращения: 16.09.2023).
11. Калинин К.Е. Коммуникативные стратегии убеждения в иноязычном политическом дискурсе (Автореферат дисс.... канд. наук). Нижний Новгород, 2009.
12. Касаткин П.И., Романенко А.В. Риторика политических лидеров России и США: сравнительный анализ // Полис. Политические исследования. 2019. №5. С. 167-180. doi:10.17976/jpps/2019.05.12
13. Коваленко Е.Н. Юмор в политическом дискурсе – это серьезно! // Дискурс-Пи. 2005. № 1. С. 147-149. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/yumor-v-politicheskom-diskurse-eto-seriezno> (дата обращения: 28.08.2022).
14. Крылова М.Н. Способы использования современными политическими ораторами ресурсов русского языка (В.В. Путин, Г.А. Зюганов, С.М. Миронов) // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2018. №1(29). С. 149-157. doi:10.29025/2079-6021-2018-1(29)-149-157
15. Крысин Л.П. Слово в современных текстах и словарях. Очерки о русской лексике и лексикографии. Москва: Знак, 2008.
16. Кузьмина С.В. Политический дискурс как неотъемлемая часть политической коммуникации // Известия СГУ. 2011. № 2. С. 81-95.
17. Министерство иностранных дел МИД РФ. О встрече Министра иностранных дел России С. В. Лаврова с Высоким представителем ЕС по иностранным делам и политике безопасности, заместителем Председателя Европейской комиссии Ж. Боррелем [Электронный ресурс]. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/rso/1776694/ (дата обращения: 02.11.2022).

18. Ухванова-Шмыгова И.Ф. Методология исследований политического дискурса: актуальные проблемы содержательного анализа общественно-политических текстов. Выпуск 2. Минск: БГУ, 2000.
19. Хабермас Ю. Теория коммуникативного действия // Вестник МГУ. 1993. № 4. С. 192-294.
20. Чудинов А.П. Современная политическая коммуникация. Екатеринбург: изд-во УГПУ, 2009.
21. Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса: дис. ... доктора наук. Волгоград, 2000.
22. Chilton P. Analyzing political discourse: Theory and practice. London and New York: Routledge, 2004. <http://doi.org/10.1006/123/000049-00>
23. Clinton H. Concession speech [Электронный ресурс] // CNN Politics. 9 November, 2016. URL: <https://edition.cnn.com/2016/11/09/politics/hillary-clinton-concession-speech/index.html> (дата обращения: 15.11.2023).
24. Coulmas F. Sociolinguistics. The study of speakers' choices. Cambridge University Press, 2008. <https://doi.org/10.1017/S0047404507070327>
25. Douglas D., Alderson C., Bachman L.F. Assessing languages for specific purposes. Cambridge University Press, 2000.
26. Hacket J. Governor Hogan announces end of COVID-19 state of emergency [Электронный ресурс] // Maryland News. 15 June, 2021. URL: <https://news.maryland.gov/mda/covid-19/2021/06/15/governor-hogan-announces-end-of-covid-19-state-of-emergency/> (дата обращения: 15.12.2023).
27. Wright J. Boris Johnson joked 'Rule of Six' would be an excuse to 'not see the in-laws at Christmas' in gag that fell flat [Электронный ресурс] // Daily Mail. 14 October, 2020. URL: <https://www.dailymail.co.uk/news/article-8838327/Coronavirus-UK-Boris-Johnson-joked-Rule-Six-excuse-not-laws-Christmas.html> (дата обращения: 15.12.2023).
28. Sommerfeldt Ch. Sporting a black eye and stitches, Senator Romney jokes he went to СРАС [Электронный ресурс] // Daily News. 2 March, 2021. URL: <https://www.nydailynews.com/2021/03/01/sporting-a-black-eye-and-stitches-sen-romney-jokes-he-went-to-cpac/> (дата обращения: 15.12.2023).
29. Feldman L. Learning about politics from The Daily Show: the role of viewer concentration and processing motivations // Mass Communication and Society. 2013. № 16 (4). P. 586-607.
30. Rayner A. (2020, October, 21). Additional restrictions due to COVID-19 [Электронный ресурс] // Hansard -UK Parliament. 21 October, 2020. URL: <https://hansard.parliament.uk/commons/2020-10-21/debates/788BB064-6366-4723-9582-B61BC61DE27C/AdditionalCovid-19Res> (дата обращения: 15.12.2023).
31. Readhead H. Pat Glass quits Labor front bench two days after getting the job [Электронный ресурс] // Metro. 29 June, 2016. URL: <https://metro.co.uk/2016/06/29/pat-glass-quits-labour-front-bench-two-days-after-getting-the-job-5974028/> (дата обращения: 15.12.2023).
32. Meyer J.C. Humor as a double-edged sword: Four functions of humor in communication // Communication Theory. 2000. № 10 (3). P. 310-331. <https://doi.org/10.1111/j.1468-2885.2000.tb00194.x>
33. Mio J., Riggio R., Levin S., Reese R. Presidential leadership and charisma: The effects of metaphor // The Leadership Quarterly. 2005. № 16. P. 287-294. <https://doi.org/10.1016/j.leaqua.2005.01.005>

34. News12 Staff. New Jersey. Gov. Murphy blasts anti-mask crowd [Электронный ресурс] // News12 New Jersey. 13 November, 2020. URL: <https://newjersey.news12.com/gov-murphy-blasts-anti-mask-crowd-you-know-what-s-uncomfortable-and-annoying-when-you-die> (дата обращения: 15.12.2023).
35. Montanaro D. It's All Politics! 8 Obama Jokes That Stood Out [Электронный ресурс] // NPR. 26 April, 2015. URL: <https://www.npr.org/sections/itsallpolitics/2015/04/26/402293168/7-obama-jokes-that-stood-out-from-the-white-house-correspondent> (дата обращения: 15.12.2023).
36. O'Donnell-Trujillo N., Adams K. L. Heheh in conversation: Some coordinating accomplishments of laughter // *Western Journal of Speech Communication*. 1983. № 47. P. 175-91.
37. Reuters Staff. McCain jokes about killing Iranians with cigarettes [Электронный ресурс] // Reuters. 9 July, 2008. URL: <https://www.reuters.com/article/us-usa-politics-mccain-iran-idUSN0832180920080709> (дата обращения: 15.12.2023).
38. Shrum R. No excuses: concessions of a serial campaigner. Simon and Schuster, 2007.
39. Brown F. Boris Johnson blames NHS 'bed blocking' on need for first lockdown [Электронный ресурс] // SkyNews. 2 November, 2021. URL: <https://news.sky.com/story/covid-inquiry-boris-johnson-blames-nhs-bed-blocking-on-need-for-first-lockdown-12998837> (дата обращения: 15.12.2023).
40. Jack A. The Rt. Hon. Alister Jack MP Member of Parliament for Dumfries and Galloway [Электронный ресурс] // Alister Jack Scottish Conservative & Unionist. 17 March, 2019. URL: <https://www.alisterjack.co.uk/parliament> (дата обращения: 15.12.2023).
41. Lavel J. Obama Out: President Takes Last Shots at Official Washington [Электронный ресурс] // SpectrumNews1. 28 May, 2016. URL: <https://spectrumlocalnews.com/nc/triangle-sandhills/politics/2016/05/1> (дата обращения: 15.12.2023).
42. Leadsom A. Leadsom calls for 'patriotic' coverage of Brexit negotiations video [Электронный ресурс] // The Guardian. 24 June, 2017. URL: <https://www.theguardian.com/politics/video/2017/jun/24/leadsom-calls-for-patriotic-coverage-of-brexit-negotiations-video> (дата обращения: 15.12.2023).
43. Morrison S. Boris Johnson bizarrely compares Brexit struggle to torment of Greek mythological figure Prometheus [Электронный ресурс] // The Standard. 25 September, 2019. URL: <https://www.standard.co.uk/news/politics/boris-johnson-bizarrely-compares-brexit-process-to-torment-of-greek-mythological-figure-prometheus-who-was-chained-to-rock-as-eagle-pecked-out-his-liver-a4245726.html> (дата обращения: 15.12.2023).
44. Tajeddin Z., Alemi M., Pashmforoosh R. Acquisition of Pragmatic Routines by Learners of L2 English: Investigating Common Errors and Sources [Электронный ресурс] // TESL-EJ. 2017. № 21. P. 1-21. URL: <https://www.tesl.e.com/teachingenglishasasecondlanguage> (дата обращения: 28.10.21).
45. Cox E. As he mulls presidency, Hogan offers Republicans tough love [Электронный ресурс] // The Washington Post. 3 March, 2022. URL: <https://www.washingtonpost.com/dc-md-wa/2022/05/03/larry-hogan-reagan-speech/> (дата обращения: 15.12.2023).
46. Williams B.A., Delli Carpini M.X. Heeeeeeeeeee's democracy! [Электронный ресурс] // The Chronicle Review. 2002. URL: http://repository.upenn.edu/asc_papers/3 (дата обращения: 17.12.2023).
47. Young D.G. Theories and effects of political humor: discounting clues, gateways, and the impact of incongruities // K. Kenski, K.H. Jamieson (Eds.), *Oxford Handbook of Political Communication*. New York, NY: Oxford University Press. 2017. P. 378-430.

СЛОВАРИ

48. Словарь социолингвистических терминов / под ред. В. Ю. Михальченко. Москва: издательство ИЯ РАН, 2006.

49. Культура русской речи. Энциклопедический словарь-справочник / под ред. Л.И. Скворцова. Москва: Флинта: Наука, 2003.

REFERENCES

1. Abramyan, S.A. (2016). *Angloyazychny politichesky diskurs v mezhkulturnom kontekste [English-language political discourse in the intercultural context]*. Erevan: izdatel'stvo EGU [Yerevan State University] (in Russian).
2. Andzhu, M. (2012). *Soderzhatelno-kompozitsionnye i stilisticheskie osobennosti russkoy politicheskoy torzhestvennoy rechi: na materiale vystuplenii prresidentov RF v 2000-2010 gg. [Context-compositional and stylistic peculiarities of Russian political festive speech: using the speeches of the Presidents of the Russian Federation in 2000-2010]* [PhD dissertation abstract, Pushkin State Russian Language Institute]. <https://www.prlib.ru/item/370180> (in Russian).
3. Breiter, M.A. (2004). *Anglitsizmy v russkom yazyke: istoriya i perspektivy [English borrowings in the Russian language: history and prospects]*. Vladivostok: Ruspress (in Russian).
4. Brown, F. (2021, November 2). Boris Johnson blames NHS 'bed blocking ' on need for first lockdown. SkyNews. <https://news.sky.com/story/covid-inquiry-boris-johnson-blames-nhs-bed-blocking-on-need-for-first-lockdown-12998837>
5. Chilton, P. (2004). *Analyzing political discourse. Theory and practice*. <http://doi.org/10.1006/123/000049-00>
6. Clinton, H. (2016, November 9). Concession speech. CNN Politics. <https://edition.cnn.com/2016/11/09/politics/hillary-clinton-concession-speech/index.html>
7. Coulmas, F. (2008). *Sociolinguistics. The study of speakers' choices*. <https://doi.org/10.1017/S0047404507070327>
8. Cox, E. (2022, March 03). As he mulls presidency, Hogan offers Republicans tough love. The Washington Post. <https://www.washingtonpost.com/dc-md-va/2022/05/03/larry-hogan-reagan-speech/>
9. Demyankov, V.Z. (2002). Politichesky diskurs kak predmet politicheskoy philologii [Political discourse as the subject of political philology]. *Politiicheskaya nauka. Politichesky diskurs: istoria i sovremennye issledovania [Political science. Political discourse: history and contemporary research]*, 3, 32-43 (in Russian).
10. Dmitriev, A.V. (1998). *Sotsiologia politicheskogo yumora: Ocherki [Sociology of political humor: Essays]*. Moscow: Rosspehn (in Russian).
11. Dolinin, K.A. (1987). *Stilistika frantsuzskogo yazyka [Stylistics of the French Language]*. Moscow: Prosveshchenie (in Russian).
12. Douglas, D., Alderson, C., & Bachman, L.F. (2000). *Assessing languages for specific purposes*. Cambridge University Press.
13. Feldman, L. (2013). Learning about politics from The Daily Show: the role of viewer concentration and processing motivations. *Mass Communication and Society*, 16(4), 586-607.

14. Glaziev, S. Y. (2023). *Doklad Sovetnika Prezidenta Rossiyskoi Federatsii Sergeya Glazieva Izborskemu Klubu* [The Report of the President Advisor Sergey Glaziev to the Izborsky Club]. Izborsky club. <https://izborsk-club.ru/analytics/report> (in Russian).
15. Habermas, J. (1993). Teoriya kommunikativnogo vozdeystviya [Theory of communicative impact]. *Vestnik MGU* [Bulletin of Moscow state university], 4, 192-294 (in Russian).
16. Hacket, J. (2021, June 15). Governor Hogan announces end of COVID-19 state of emergency. Maryland News. <https://news.maryland.gov/mda/covid-19/2021/06/15/governor-hogan-announces-end-of-covid-19-state-of-emergency/>
17. Jack, Al. (2019, March 17). The Rt. Hon. Alister Jack MP Member of Parliament for Dumfries and Galloway. Alister Jack Scottish Conservative & Unionist. <https://www.alisterjack.co.uk/parliament>
18. Kalinin, E.I. (2009). *Kommunikativnye strategii ubezhdeniya v inoyazychnom politicheskom diskurse* [Communicative strategy of persuasion in a foreign-language political discourse] [PhD dissertation abstract, Nizhny Novgorod State Linguistic University] (in Russian).
19. Kasatkin, P.I., & Romanenko, A.V. (2019). Ritorika politicheskikh liderov Rossii i SShA: sravnitel'nyi analiz [Rhetoric of political leaders of Russia and the US: comparative analysis]. *Polis. Politicheskie issledovaniya* (Polis. Political research), 5, 167-180 (in Russian). <https://doi.org/10.17976/jpps/2019.05.12>
20. Kovalenko, E.N. (2005). Yumor v politicheskom diskurse eto seriozno! [Political discourse humor is a serious matter!]. *Diskurs-Pi* [Discourse-P], 1, 147-149. <http://cyberleninka.ru/article/n/yumor-v-politicheskom-diskurse-eto-seriezno> (in Russian).
21. Krylova, M.N. (2018). Sposoby ispolzovaniya sovremennymi politicheskimi oratorami resursov russkogo yazyka (V.V. Putin, G.A. Zyuganov, S.M. Mironov) [Ways of using the resources of the Russian language by modern political speakers (V.V. Putin, G.A. Zyuganov, S.M. Mironov)]. *Aktual'nye problemy filologii i pedagogiceskoj lingvistiki* [Current Issues in Philology and Pedagogical Linguistics], 1(29), 149-157 (in Russian).
22. Krysin, L.P. (2008). *Slovo v sovremennykh tekstakh i slovaryakh. Ocherki o russkoi leksike i leksikografii* [A word in modern texts and dictionaries. Review of Russian lexis and lexicography]. Moscow: Znak (in Russian).
23. Kuzmina, S.V. (2011). Politicheskii diskurs kak neot'emlemaya chast politicheskoi kommunikatsii [Political discourse as an integral part of political communication]. *Izvestiya SGU* [Izvestiya of Saratov University], 2, 81-95 (in Russian).
24. Lavel, J. (2016, May 28). Obama Out: President Takes Last Shots at Official Washington. SpectrumNews1. <https://spectrumlocalnews.com/nc/triangle-sandhills/politics/2016/05/1>
25. Leadsom, A. (2017, June 24). Leadsom calls for 'patriotic' coverage of Brexit negotiations video. The Guardian. <https://www.theguardian.com/politics/video/2017/jun/24/leadsom-calls-for-patriotic-coverage-of-brex-it-negotiations-video>
26. Meyer, J.C. (2000). Humor as a double-edged sword: Four functions of humor in communication. *Communication Theory*, 10(3), 310-331. <https://doi.org/10.1111/j.1468-2885.2000.tb00194.x>
27. Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation. (2021, October 21). O vstreche ministra inostrannykh del S.V. Lavrova s vysokim predstavitelem ES po inostrannym delam i politike bezopasnosti, zamestitelem Predsedatelya evropeyskoi komissii Zh. Borrelem [On the meeting of the Russian Federation Minister of Foreign Affairs with a high representative of the EU on foreign affairs and security policy, the European Commission Deputy Chairman J. Borrell]. https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/rso/1776694/

28. Mio, J., Riggio, R., Levin, S., & Reese, R. (2005). Presidential leadership and charisma: The effects of metaphor. *The Leadership Quarterly*, 16, 287–294. <https://doi.org/10.1016/j.leaqua.2005.01.005>
29. Montanaro, D. It's All Politics! (2015, April 26). 8 Obama Jokes That Stood Out. NPR. <https://www.npr.org/sections/itsallpolitics/2015/04/26/402293168/7-obama-jokes-that-stood-out-from-the-white-house-correspondent>
30. Morrison, S. (2019, September 25). Boris Johnson bizarrely compares Brexit struggle to torment of Greek mythological figure Prometheus. *The Standard*. <https://www.standard.co.uk/news/politics/boris-johnson-bizarrely-compares-brexit-process-to-torment-of-greek-mythological-figure-prometheus-who-was-chained-to-rock-as-eagle-pecked-out-his-liver-a4245726.html>
31. News12 Staff. (2020, November 13). New Jersey. Gov. Murphy blasts anti-mask crowd. News12 New Jersey. <https://newjersey.news12.com/gov-murphy-blasts-anti-mask-crowd-you-know-what-s-uncomfortable-and-annoying-when-you-die>
32. O'Donnell-Trujillo, N., & Adams, K.L. (1983). Heheh in conversation: Some coordinating accomplishments of laughter. *Western Journal of Speech Communication*, 47, 175-191.
33. Rayner, A. (2020, October 21). Additional restrictions due to COVID-19. Hansard-UK Parliament. <https://hansard.parliament.uk/commons/2020-10-21/debates/788BB064-6366-4723-9582-B61BC61DE27C/AdditionalCovid-19Res>
34. Readhead, H. (2016, June 29). Pat Glass quits Labor front bench two days after getting the job. *Metro*. <https://metro.co.uk/2016/06/29/pat-glass-quits-labour-front-bench-two-days-after-getting-the-job-5974028/>
35. Reuters Staff. (2008, July 9). McCain jokes about killing Iranians with cigarettes. Reuters. <https://www.reuters.com/article/us-usa-politics-mccain-iran-idUSN0832180920080709>
36. Sheigal, E.I. (2000). *Semiotika politicheskogo diskursa [Political discourse semiotics]* [Doctorate dissertation, Volgograd state pedagogical university] (in Russian).
37. Shrum, R. (2007). *No excuses: concessions of a serial campaigner*. Simon and Schuster.
38. Sommerfeldt, Ch. (2021, March 2). Sporting a black eye and stitches, Senator Romney jokes he went to CPAC. *Daily News*. <https://www.nydailynews.com/2021/03/01/sporting-a-black-eye-and-stitches-sen-romney-jokes-he-went-to-cpac/>
39. Tajeddin, Z., Alemi, M., & Pashmforoosh, R. (2017). Acquisition of Pragmatic Routines by Learners of L2 English: Investigating Common Errors and Sources. <http://www.tesl.e.com/teachingenglishasasecondlanguage>
40. Tchudinov, A.P. (2009). *Sovremennaya politicheskaya kommunikatsia [Modern political communication]*. Ekaterinburg: Ural State Pedagogical University (in Russian).
41. Ukhvanova-Shmygova, I.F. (Ed.). (2000). *Metodologiya issledovaniy politicheskogo diskursa: Aktualnye problemy sodержatel'nogo analiza obshchestvenno-politicheskikh tekstov [Political discourse research methodology: Essential problems of social political texts content analysis]*, Issue 2. Minsk: Belarusian State University (in Russian).
42. Van Dijk, T. (2013). *Diskurs i vlast: representatsia dominirovania v yazyke kommunikatsii [Discourse and Power: representation of domination in language and communication]* (E.A. Kozhemyakina, E.V. Pereverzeva, & A.M. Amatova, Trans.). Librokom (in Russian).
43. Williams, B.A., & Delli Carpini, M.X. (2002). Heeeeeeeeeee's democracy! *The Chronicle Review*. http://repository.upenn.edu/asc_papers/3

44. Wright, J. (2020, October 14). Boris Johnson joked 'Rule of Six' would be an excuse to 'not see the in-laws at Christmas' in gag that fell flat. Daily Mail. <https://www.dailymail.co.uk/news/article-8838327/Coronavirus-UK-Boris-Johnson-joked-Rule-Six-excuse-not-laws-Christmas.html>

45. Young, D.G. (2017). Theories and effects of political humor: discounting clues, gateways, and the impact of incongruities. In K. Kenski, K.H. Jamieson (Eds.), *Oxford Handbook of Political Communication* (pp. 378-430). New York, NY: Oxford University Press.

46. Zelezinskaya, L.A. (2012). Yumor kak sposob vzaimodeystviya sub'ektov politicheskoy systemy [Humor as the way of political system subjects interaction]. *Sotsium i vlast [Social medium and power]*, 6(38), 106-110 (in Russian).

47. Ziuganov, G.A. (2023, February 23). Vystuplenie na plenarnom zasedanii Gosudarstvennoi Dumy [Addressing the plenary meeting of the State Duma]. Krasnaya Liniya [Red Line]. <https://www.rline.tv/news/2023-02-22-gennadiy-zyuganov-vystupil-na-plenarnom-zasedanii-gosudarstvennoy-dumy/#gallery>

DICTIONARIES

48. Mikhal'tchenko, V.J. (Ed.). (2006). *Slovar sotsiolingvisticheskikh terminov [Dictionary of sociolinguistic terms]*. Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences (in Russian).

49. Skvortsov, L.I. (Ed.). (2003). *Kultura russkoi rechi [Russian speech culture]*. Moscow: Flinta: Nauka (in Russian).

Информация об авторах:

Польская Светлана Сергеевна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры английского языка № 5 МГИМО МИД РФ (Москва, Россия). Научные интересы: институциональные/ профессиональные дискурсы, освоение иностранного языка, языки для специальных целей, терминология, англоязычные профессиональные жаргоны, преподаватель университета в современных условиях. ORCID ID: 0000-0002-8782-7400.

Кирсанова Елена Митрофановна – кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой английского языка переводческого факультета Московского государственного лингвистического университета (Москва, Россия). Научные интересы: прагматика семантического поля, переводоведение, освоение иностранного языка, институциональные дискурсы. ORCID ID: 0000-0001-5337-2439.

Получено: 17 мая 2023 г.

Принято к публикации: 22 января 2024 г.

CROSS-LINGUISTIC STYLISTIC FUSION: HOW ENGLISH POLITICAL DISCOURSE SHAPES RUSSIAN POLITICAL SCIENCE PROFESSIONALS

Svetlana S. Polskaya

MGIMO University (Moscow, Russia)

Polskaya7@gmail.com

Elena M. Kirsanova

Moscow State Linguistic University (Moscow, Russia)

elena.kirsanova@mail.ru

Abstract: The pervasive impact of the English language on global linguistic landscapes is undeniable, with Russian being no exception to this trend. This study explores the extent to which English has influenced Russian-language political discourse, particularly focusing on the stylistic elements that have percolated into the vernacular of Russian student political scientists. Through a meticulously designed experiment, the authors investigated whether the continuous exposure to authentic English political texts – both oral and written – within a structured academic setting has led to the stylistic emulation in the students' own Russian-language political speeches. Utilizing a complex analytical approach that combines linguistic-stylistic, functional-linguistic, structural-semantic, and statistical methods, the research revealed a notable incorporation of imagery and humor akin to that found in Anglophone political discourse. The findings of the study indicate that a majority of participants have adopted and actively employed stylistic devices such as humor, irony, self-irony, and expressive language tools in their speeches. These devices stand in stark contrast to the traditional tenets of Russian political oratory, suggesting a discursive-stylistic convergence with English norms. The implications of this study are twofold. Academically, it contributes to an understanding of cross-linguistic stylistic influences in an era of increasing globalization. Practically, the insights gleaned from this research have the potential to enhance the teaching methodologies for foreign language acquisition in the field of political science, ensuring that future professionals are equipped with a nuanced command of language that reflects contemporary communicative practices.

Keywords: English political discourse, Russian political discourse, professional discourse, institutional discourse stylistic tropes, expressiveness, political humor.

How to cite this article: Polskaya, S.S., Kirsanova, E.M. (2024). Cross-Linguistic Stylistic Fusion: How English Political Discourse Shapes Russian Political Science Professionals. *Professional Discourse & Communication*, 6(1), 109–128 (in Russian). <https://doi.org/10.24833/2687-0126-2024-6-1-109-128>

About the authors

Svetlana S. Polskaya, Cand. Sci. (Philology), is an Associate Professor in the English Language Department #5 at MGIMO University (Moscow, Russia). Her research areas include institutional/professional discourses, second language acquisition, English for Specific Purposes (ESPs), economic terminology, and English-language professional jargons. ORCID ID: 0000-0002-8782-7400.

Elena M. Kirsanova, Cand. Sci. (Philology), is the Head of the English Language Department of the Faculty of Translation at Moscow State Linguistic University (Moscow, Russia). Her research interests encompass the pragmatics of semantic fields, translation studies, foreign language acquisition, and institutional discourses. ORCID ID: 0000-0001-5337-2439.

Received: May 17, 2023.

Accepted: January 22, 2024.